

Вольфрам фон Эшенбах

ПАРЦИФАЛЬ

V. D. S. A.

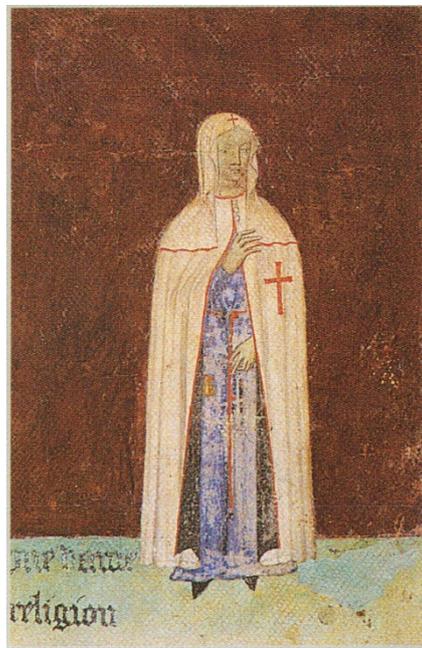
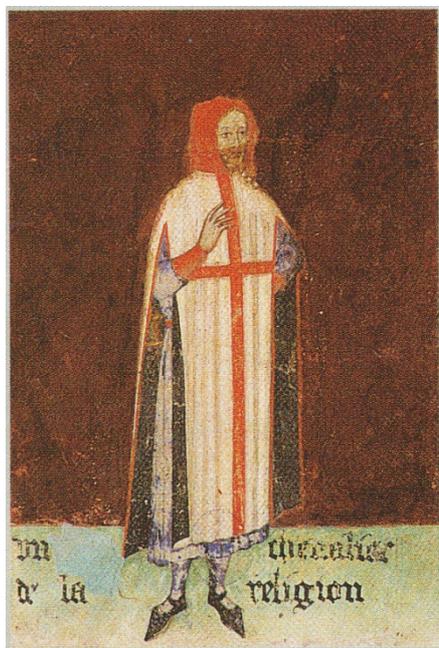
Тамплиеры Хранители Святого Грааля

Содержание

I.....	5
II.....	11
III.....	17
IV.....	25
V.....	30
VI.....	37
VII.....	44
VIII.....	48
IX.....	50
X.....	57
XI.....	60
XII.....	63

XIII.....	66
XIV.....	69
XV.....	74
XVI.....	77
ПРИМЕЧАНИЯ А.Д. МИХАЙЛОВА.....	81

© Copyright Вольфрам фон Эшенбах.

© Copyright Лев Гинзбург, сокр. перевод со средневерхненемецкого.

Date: 1200-1210 гг. (XIII век)

Изд: «Средневековый роман и повесть» — М., «Худ. лит.», 1974 г.

OCR, spellcheck: Руслан Барабаш, 1 июня 2000.

I

Кого склоняет злобный бес
К неверью в праведность небес,
Тот проведет свой век земной
С душой унылой и больной.
Порой ужиться могут вместе
Честь и позорное бесчестье.
Но усомниться иногда —

Еще не главная беда:
Ведь даже и в утрате веры
Возможно соблюдение меры.
Найдется выход для сердец,
Что не отчаялись вконец...
Иные люди, как сороки:
Равно белы и чернобоки,
И в душах этих божьих чад
Перемешались рай и ад,

Оставив два различных цвета,
Из коих каждый есть примета...
Но тот, в ком веры вовсе нет,
Избрал один лишь черный цвет,
И непременно потому
Он канет в ночь, в глухую тьму.
А не утративший надежды
Рядится в белые одежды,
И к праведникам он примкнет...

Но всяк ли мой пример поймет?
Нет, строки, что сейчас прочли вы,
Для глупых слишком торопливы,
Чтоб их в сознание удержать.
Так заяц тщится убежать,
Когда свое изображение
Узрит в зеркальном отраженьи.
(Меня наш Готфрид понимает,
И все ж он «зайца» не поймает,
Хоть Готфридом воспет Тристан!)
Но разве зеркало — обман?!
Стекло покрыто сзади цинком,
Чтоб отражаться в нем картинкам
Да и явлению любому...
Во сне мерещатся слепому
Черты неясного лица.
Но — жаль несчастного слепца! —
Изображеньи тут же тает,
Поскольку зренья не хватает...
И мной зачитанные строки
Об оперении сороки
Содержат попросту намеки
На образ, что весьма далек
И кажется неуловимым...
Считаю я необходимым
Здесь привести на свой манер
Хотя б еще один пример.
Допустим, вы щипать мастак,
А все ж не выщипать никак
Вам волоска с моей ладони:
Со дня рожденья и доныне —
Могу сказать наверняка —
Там не растет ни волоска.
В чем суть подобного примера?
В том, что всего важнее — вера!
Есть волосок, нет волоска —
Была бы вера высока!..
...Кому не хочется из вас
Узнать скорей, о чем сейчас
Пойдет сие повествованье?
О встрече или расставанье,
О бегстве в ночь, покрытом тьмой,
О возвращении домой,
О славе или о пороке,
О том, добры мы иль жестоки,
О всех превратностях судьбы
В разгар немислимой борьбы
Меж черной мглой и ясным светом...
Кто устоит в боренье этом,
Спасенью душу отворя?
Для тех старался я не зря,
Кто ничего не проморгает.
Пусть эта повесть помогает
Им в жизни истину найти,
Фальшь и неверье отместит,
Тем избежав мучений ада,
И знать, что высшая награда
Вернейшего из верных ждет...
Рассказ о Верности пойдет,
О настоящей, не фальшивой...
Порой бывает верность лживой,
Такая верность коротка,
Что хвост у одного быка,

Нет, ошибаюсь, у коровы.
Она сбежала в глубь дубровы,
Укус не выдержав слепня...
Примеров много у меня.
На сем вступление кончаю.
Все, что сказал, предназначаю
Отнюдь не для одних мужчин.
Нет, признаюсь не без причин,
Что все мои призывы к вере
Должны касаться в равной мере
И наших женщин дорогих.
Не дурно, чтобы и у них
Яснее стало пониманье,
Что значит доброе деянье,
Кого им надо предпочесть,
Чтоб подарить любовь и честь...
. . . . .
Ну, а теперь сочтем уместным
Начать о доблестном и честном,
О гордом рыцаре рассказ...
Услада он для женских глаз,
Для сердца женского — утеха.
Ничто герою не помеха.
Отвагой славен, он потом
Еще прославится умом.
Он ни в одном лихом сраженьи
Еще не ведал пораженья,
А все, что дальше будет с ним,
Мы постепенно объясним,
С теченьем нашего рассказа
Но по порядку, а не сразу...
...Издравле у племен романских,
А нынче также у германских,
Весьма суровый есть закон.
В своих статьях содержит он
Наследных прав установленья:
Коль умирает властелин,
Его корону и владенья
Приобретает старший сын.¹
А младший, тот, лишась всего,
Не получает ничего.
Так у родительского гроба
Вскипают вмиг вражда и злоба.
Садится старший на престол,
А младший брат, с отцом прощаясь
В отверженного превращаясь,
Бредет по свету, нищ и гол.
Нет, мы отнюдь не против старших
Достойных сыновей монарших.
Напротив, вот вам крест святой,
Мы всей душой приходим в ярость,
Когда беспомощную старость
Отягощают нищетой.
Здоровье юности дано!
Младые не страшатся бедствий,
Но им отказывать в наследстве
Несправедливо все равно.
Где тот король, тот князь и граф,
Который вник бы в наши просьбы,
И младшим детям не пришлось бы
Скитаться без наследных прав!
Виновник многих зол и бед
Тот, кто детей страдать заставил...

В Анжу² стал жертвой этих правил
Прекрасный, юный Гамурет.
Его родитель всемогущим
Был королем... Но отчего
Он безземельным, неимущим
Оставил сына своего?
Дурной закон всему виною...
В край, сотрясаемый войною,
Пришла ужаснейшая весть:
Король убит! Он пал за честь
Родной земли... Сия кончина
Ведет на трон старшего сына...³
Ах, что за плач вокруг поднялся:
Король убит! Король скончался!
Наследник получает трон!
Неужто не поделит он
Свои богатства с младшим братом
Ужель без сердца старший брат?..
В краю, отчаяньем объят,
Рыдал в ту пору стар и млад.
Но молвил новый повелитель:
«У нас с тобой один родитель,
И рождены мы, брат родной,
С тобою матерью одной
Не уподоблюсь я злодею!
Отринем смело, что старо!
Владей же всем, чем я владею.
Мое добро — твое добро.
Не оскверним себя позором
Братоубийственной войны.
Ведь пред господним приговором
И перед жизнью мы равны!..»
Услышав эту речь, вассалы
Вскричали: «Отчая земля,
Господня милость ниспослала
Тебе такого короля!»
Но, к изумленью паладинов,
Ответил младший сын Гандинов:
«Мой брат любезный и король!
Из всех богатств твоих дозволю
Взять снаряжение стальное.
Мне ни к чему все остальное.
Кольчугу мне стальную дай,
Вели стальные дать мне латы.
И, рвеньем рыцарским объятый,
Отправлюсь я в далекий край.
Делами ратными своими
Хочу твое прославить имя,
И пусть в той дальней стороне
Молва пройдет и обо мне,
Как о твоём отважном брате,
Разбившем вражеские рати».
И Гамурет с улыбкой милой
Сказал, достоинство храня:
«Шестнадцать душ сыздетства было
Оруженосцев у меня.
Теперь нужны мне для похода
Еще четыре молодца —
Красавцы княжеского рода,
Вассалы нашего отца.
И, вознося молитвы богу,
Мы днесь отправимся в дорогу.
Знай: обо мне услышит мир!

Уверен, не один турнир
 Умножит славу Гамурета.
 И пусть наградою за это
 Мне будет женская любовь,
 Которую добуду с бою,
 Благословляемый тобою...
 Ах, как в груди клокочет кровь!..
 Мой добрый брат, не мы ли вместе
 В краю родимом возросли,
 Не посрамив при этом чести
 Своих отцов, своей земли.
 Мы вместе тяготы делили,
 В походы долгие ходили.
 И кто был рыцарь, кто был вор,
 Когда, в любви нетерпеливы,
 Мы похищали торопливо
 Иных красавиц пылкий взор?»
 Тут произнес король, рыдая:
 «Ужели ты не шутишь, брат,
 Мне грудь словами раздирая,
 В мое вселяя сердце ад?
 Мой кровный брат, мой брат любимый,
 Мой друг до гробовой плиты,
 За что меня караешь ты
 Разлукой непереносимой?
 Я все с тобою разделю,
 Тебе отдам я полнаследства,
 И ты, кто был мне дорог с детства,
 Сам станешь равен королю!
 Но коль жестокий рок сильней,
 Чем королевские веленья,
 Бери любимых моих коней,
 Доспехи, золото, камня.
 И лучших слуг моих возьми,
 Дабы, расставшись с отчим краем,
 Ты был в пути сопровождаем
 Моими верными людьми.
 Пусть бог пошлет тебе удачу.
 Прощай... Я безутешно плачу...»
 И брату старшему в ответ
 Промолвил юный Гамурет:
 «Не надо плакать и стенать.
 Потороплюсь утешить мать.
 Высокая видна мне цель,
 Меня пьянит победы хмель.
 И сердце в левой половине
 Моей груди стучит не зря,
 Чтоб, целью высшею горя,
 Мне отличиться на чужбине!»
 . . . . .
 И, плача, мать провозгласила:
 «Под сердцем я тебя носила,
 И для того ли ты возрос,
 Чтоб стать причиной горьких слез
 Несчастной матери своей?
 Неужто милых сыновей
 На свет мы призваны рожать,
 Чтоб их в походы провожать?
 О, бремя горестных судеб!
 Ужель господь столь глух и слеп?
 Ужель, кто верит в милость божью,
 Себя напрасно тешит ложью?»
 «О королевская жена,

Твоя душа погружена
 В печаль о доблестном Гандине.
 Но не грусти о младшем сыне, —
 Промолвил юный Гамурет. —
 Я дал всевышнему обет
 Наш гордый род в бою прославить
 И принужден тебя оставить.
 Поскольку мною выбрал путь,
 Я не смогу с него свернуть».
 И отвечала королева:
 «О плод родительского древа!
 Ты добрым вскормлен молоком!
 Прекрасной Дамой ты влеком!..
 Прими мое благословенье.
 И с моего соизволения
 Возьми четыре сундука:
 В них бархат, кружева, шелка
 Нетронуты у нас хранятся.
 Тебе в пути они сгодятся.
 Ступай! Будь смелым до конца.
 А я останусь ждать гонца
 С отраднейшей для сердца вестью,
 Что скоро снова быть нам вместе!..»
 . . . . .
 В поход героя снарядили,
 По-королевски нарядили,
 Преподнесли ему подарок
 Ценою в много тысяч марок
 От благороднейшей из дам.
 Он припадал к ее стопам,
 А ныне простирал к ней руки,
 Томимый горечью разлуки,
 При этом ставши богатеем,
 На зависть алчным иудеям.
 Он обнял мать, он обнял брата,
 Родной земле сказал: «Прощай!»
 Неужто нет ему возврата
 В родимый дом и в отчий край?
 Ни с кем он не забыл проститься
 Пред тем, как в странствие пуститься.
 За самый малый знак внимания
 Он всех и вся благодарил:
 Не в силу княжеского званья
 Людьми он обожаем был,
 А в силу скромности безмерной
 И прямоты нелицемерной,
 Той благородной чистоты,
 Не признающей суеты...
 Вот отчего вошли в преданья
 Его высокие деянья,
 Что были им совершены
 Далеко от родной страны.
 Он, окруженный громкой славой,
 Ей не кичился никогда.
 Душа его была тверда,
 Как ясен был рассудок здравый.
 Служить хотел он... Но кому?
 Не коронованным особам,
 Не кесарям высоколобым, —
 А только богу одному!
 Своей высокой цели ради.
 Свершил он подвиг не один...

В ту пору в городе Багдаде
 Жил всемогущий властелин,
 Что подчинил себе полмира.
 Его считали за кумира
 Почти во всех концах земли.
 Пред ним иные короли
 Подобно слугам трепетали...
 Носил он прозвище Барук.⁴
 И лицезреть его мечтали
 Все, обитавшие вокруг.
 Священным наделенный саном,
 Он предназначен был творцом
 Стать для язычников отцом,
 Как папа римский — христианам.
 И так же, как к воротам Рима
 Из разных стран, земель, краев,
 В Багдад тянулись пилигримы
 За отпущением грехов.
 И сей обычай сохранен
 В веках до нынешних времен...
 Взрастил двух братьев Вавилон:⁵
 Помпей был да Ипомидон.⁶
 Барук напал на тех двоих,
 Забрав Ниневию⁷ у них.
 Так сговорившись меж собой,
 Два брата вновь вступают в бой.
 Теснят Барука их войска...
 Но вдруг к нему издалека
 Пришла нежданная подмога:
 То был наш славный Гамурет.
 И хоть ему немного лет,
 Достоинств у него премного.
 «Тебе, Барук, я послужу,
 Как друг, как рыцарь, как мужчина.
 Я — сын покойного Гандина
 И нынче прибыл из Анжу!..»
 Тут повелел Барук всеильный
 Ему сменить свой герб фамильный⁸,
 И новым он щитом снабжен,
 Где якорь был изображен,
 Как символ плаваний, скитаний
 И стойкости среди испытаний.
 . . . . .
 И наш герой уплыл далёко:
 Сражался в Персии, в Марокко —
 О нем в Алеппо⁹ и в Дамаске
 Доселе сказывают сказки.
 Его копье врагам грозило,
 Не одного оно сразило.
 В песках зарыты их останки,
 Поглощены волной морской...
 Но вот он бросил якорь свой
 В стране чудесной — в Зазаманке.¹⁰
 . . . . .
 Его на берег вынес шквал.
 Он богу чуть не отдал душу
 И лишь успел вступить на сушу,
 Как некий город увидал.
 Вокруг военные палатки, —
 Наверно, битва здесь была.
 И в поле, после жаркой схватки,
 Валялись мертвые тела.
 И Гамурет велит гонцу

Скакать немедля ко дворцу,
Дабы узнать: что здесь творится?
Как именуется столица?
И через несколько секунд
Гонец приносит донесенье:
«Мы прибыли в Паталамунд,¹¹
Народ нуждается в спасенье!
Халифы начали войну.
Враг справа движется и слева.
И умоляет королева
Спасти злосчастную страну!..»
За королеву наш герой
Решил тотчас же встать горой,
Сим доказав, что в мире есть
И долг, и рыцарская честь.
Врагов жестокий ждет удар!..
И всяк, будь молод он иль стар,
Здоров иль хвор, богат иль беден,
Добросердечен иль зловреден,
Героя принялся хвалить,
Алмазы, золото сулить.
«О рыцарь! Можешь взять свободно
Все, что душе твоей угодно!..» —
Так весь народ воскликнул дружно...
Услышав это, Гамурет,
Чуть поклонившись, молвил: «Нет!
Мне ничего от вас не нужно!..»
И люди грянули в литавры:
«До гроба мы тебе верны,
Хоть наши лица и черны!»
(Там, в Зазаманке, жили мавры.)
Все зашумели, загалдели,
Надежда к ним влилась в сердца.
И жены черные глядели
На светлокудрого бойца.
Глазами черными блистая,
Смотрели девы на него,
Любуясь мантией его
Из дорогого горноста.
...
В город наш герой въезжает,
Его безмерно поражает
Неутолимой скорби вид.
Здесь все о смерти говорит.
Дороги вздыблены, разрыты,
Гербы на зданиях разбиты,
И раненых протяжный стон
Доносится со всех сторон:
Их с поля битвы ввозят в город, —
И мы их видим пред собой:
Один лежит мечом распорот,
Копьем насквозь пронзен другой...
О, сколь судьба неумолима!
Сколь осажденный город нищ!..
Хромых коней проводят мимо
Давно неприбранных жилищ,
Где, корчась на своей постели,
Хозяин дышит еле-еле —
Какой ему поможет врач?..
Стенанья, вопли, женский плач...
Такою с самого начала
Сия страна пред ним предстала...
Он принят был персоной важной.

Бургграф¹² — рубака претважный,
Родного города оплот,
Охранник городских ворот —
Его с любовью ввел в свой дом,
Попотчевал вином
И ласково приветил...
Здесь много раненых он встретил.
И в самом деле: не один
Высокородный паладин
Носил на перевязи руку,
Бинт окровавленный на лбу,
Познав военную судьбу,
А также бранную науку...
И, гостя юного обняв,
Расцеловал его бургграф:
«Наш избавитель долгожданный!
Ты в этом доме гость желанный!
Моею вотчиною всей
Распоряжайся и владей!»
Он в раззолоченную залу
Повел его к жене своей:
«Се — отпрыск славных королей!»
Она его поцеловала.
И к королеве во дворец
Бургграф отправился с докладом:
«К нам прибыл доблестный боец!
Спешу к нему! Спасенье рядом!
В наш край явился Гамурет,
Защитник нашего народа!..»
«Скажи, он княжеского рода? —
Она промолвила в ответ. —
Должна я точно это знать:
Могу ль его поцеловать?»
«О королева, этот воин
Самим Баруком удостоен
Высоких званий и наград!
Могу побиться об заклад,
О нем прослышал я впервые.
В сраженье при Александрии.
Мне говорили: это — он,
Кем урезонен Вавилон!
К тому же славный рыцарь сей —
Дитя анжуйских королей,
Но держит это под секретом.
Иди! Встречай его приветом
От имени родной земли,
Чтоб с ним вовек не разлучиться.
И всем придворным повели
Как подобает облачиться...»
И маршал¹³, прискакав домой,
Промолвил юному герою:
«Пред королевою самой
Сейчас предстанем мы с тобою!»
Тот словно солнышко зарделся,
Весьма богато разоделся.
Червонным золотом горя,
На нем сверкали якоря —
Герб достославного Барука,
Нетленной верности порука.
Затем, доспехами звеня,
Он сел на гордого коня,
Который, как другие кони,
Ему достался в Вавилоне.

Затем садятся на коней
Бургграф со свитою своей
И ко дворцу стрелою мчатся,
Чтоб с королевой повстречаться...
Меж тем владычица их ждет,
Навстречу рыцарю идет
В сопровождении пажей,
И государственных мужей,
И величавых дам придворных,
Очаровательных, но черных...
...И королеву в знак приязни
Герой целует без боязни.
Она, ступивши чуть вперед,
Героя за руку берет
Своей нежнейшею рукою,
Ведет его в свои покои,
Где в окна мягкий льется свет.
И вот на бархате дивана
Сидят отважный Гамурет
И королева Белакана.
Он знал высоких жен немало,
И та, сидевшая пред ним,
Всем королевам остальным
Нисколечко не уступала:
Ни горделивою осанкой,
Ни речью властной, ни умом.
И лишь черна была лицом
Та, что владела Зазаманкой.
Но ярче звезд на небосклоне
Сиял рубин в ее короне.
...
И дама рыцарю сказала:
«О вас мы слышали немало,
О вашей славе неспроста
Молва идет из уст в уста.
Вы слабым женщинам опора.
И, полагаю, без укора
Вы мой воспримете рассказ
О том, что столь печалит нас».
И Гамурет сказал: «Поверьте,
Я предан вам до самой смерти,
И я на поединок выйду
С любим, кто вам нанес обиду,
Посмея нарушить ваш покой.
Но кто же, кто же он такой,
Подвергший вас жестоким бедам?
Увы, он мне пока неведом!..
...
Скажите прямо: кто ваш враг?
Откуда? Из какого стана?»
И королева Белакана
Герою отвечала так:
«Узнайте жребий мой ужасный:
Служил мне юноша прекрасный,
Чистейшим сердцем наделен,
Душою девственно-невинной,
Он обладал отвагой львиной
И был... Он был в меня влюблен.
Да, пылко, слепо, беззаветно
И, признаюсь, не безответно:
Я втайне любовалась им,
Отважным рыцарем моим,
Моим вернейшим паладином,

Цены его высокий сап, —
Его отец был властелином
Одной из мавританских стран.¹⁴
Но я невольно согрешила,
Я испытать его решила,
Сказав: «Геройством заслужи
Благоволенья госпожи!
Доспехи — мужеству помеха.
Без них добейся ты успеха!»
И — горе мне! — войдя в азарт,
Доспехи скинул Эйзенгарт...
Оставив грудь незащищенной,
Он дрался, смерти вопреки.
Но смерть пришла: копьем пронзенный,
Он пал от рыцарской руки.
Но за мгновенье до кончины,
Успев собрать остаток сил,
Он в грудь соперника вонзил
Копье... Так действуют мужчины!..
Ах, я жестоко поплатилась
За прихоть дерзкую мою.
Вокруг молва распространилась
О том, что не в честном бою
Пал мой избранник ненаглядный,
А что рукою кровожадной
Сплела я заговора сеть,
Чтоб, устранив с дороги сына
Страны соседней властелина,
Его землю завладеть.
И мигом вспыхнула война.
Моя страна разорена,
Огнем безжалостным объята.
Но хоть я плачу и казнюсь,
Богами нашими клянусь,
Что я ни в чем не виновата!..»
Почти не сдерживая плача,
Она вела свой разговор,
Украдкой за слезами пряча
Воспламененный страстью взор.
И Гамурет, сидевший рядом,
Ей отвечал таким же взглядом,
И разгоралось сердце в нем
Блаженно-сладостным огнем.
Меж тем владычица привстала,
Вина пригубив из бокала,
Давая рыцарю попятя,
Что сим окончено свиданье,
Хоть оба, как гласит преданье,
Волненья не могли унять.
.....
И с увлажненными очами
Герой сказал высокой даме:
«О, пусть отныне этот меч
Мне даст возможность уберечь
От новых бедствий вашу землю.
С отрадой этот долг приемлю,
Всем сердцем вам принадлежа.
Моя святая госпожа,
Я вашу возмещу потерю!..»
Она шепнула: «Я вам верю...»
К бургграфу рыцарь возвратился.
Хозяин к гостю обратился:
«Мой друг, не хочешь ли, скажи,

Взглянуть на наши рубежи?
Предвидя вражье наступленье,
Войска возводят укрепления.
Сейчас предмет моих забот
Шестнадцать городских ворот:
Враги в них ринуться готовы.
Шалишь! У нас крепки засовы!..» —
Так утешал себя бургграф.
Но, к месту битвы прискакав,
Наш рыцарь видит: дело худо;
Спасти их может только чудо.
Тесней сжимается кольцо,
И жадно дышит смерть в лицо.
Ужасен город осажденный,
Он, словно на смерть осужденный.
Ждет в страхе часа своего.
Со всех сторон вокруг него
Противник дерзостный залег.
О нет, ни выкуп, ни залог,
Ни тонкость хитроумной лести
Не отвратят кровавой мести...
Кто сдержит вепрей разъяренных?..
И глянь: на вражеских знаменах
Убитый князь изображен,
Копьем предательским сражен.
Но как бы в виде возраженья
На лживые изображения
Та, что невинна и чиста,
Два к небу поднятых перста
На стягах вышить повелела
И этим символом клялась,
Что за святое бьется дело
И что, богам своим молясь,
Скорбит о друге убиенном,
О дорогом, о незабвенном...
Бургграфа Гамурет спросил:
«Откуда столько свежих сил
У ваших недругов берется?
Как величать их полководца?
Кто покровитель пришлых банд?»
Бургграф ответил: «Фридебранд,
Главарь наемников-шотландцев.
Когда б не помощь иностранцев,
Давно б мы им свернули шею.
Я в том тебя заверить смею!
Вообрази: во вражьем стане
Средь мавров служат христиане,
И прочим воинам пример
Заморский рыцарь Хютигер.¹⁵
Он в ратном деле исполин.
Из наших братьев не один
Его копьем насквозь проколот.
При этом он красив и молод,
Обворожителен весьма.
Всех наших дам он свел с ума.
А быть любимым женским полом —
Не меньше, чем владеть престолом!..»
Но вот за лесом солнце село,
То время трапезы приспело,
И старый маршал говорит:
«Поедем! Стол давно накрыт».
О, если вы узнать могли б
Об этом рыцарском обеде,

Где громоздились горы снеди —
От цапель жареных до рыб.
И всё, чья святость ритуала,
Сама хозяйка подавала.
Явилась королева в дом,
Чтоб лично убедиться в том,
Что угощают Гамурета,
Не нарушая этикета.
Она колено преклонила.
Героя это удивило:
Не ждал он почести такой...
Затем она своей рукой
Отрезала кусочек цапли
И налила ему вина.
Он осушил бокал до капли:
«За вас, светлейшая жена!»
Тут зазвенели бубенцы,
Взялись за дело игрецты,
Закувыркались скоморохи,
Потешно прыгая, как блохи.
Но королева Белакана
Глаз не сводила с капеллана:
Его наш доблестный герой
Возил повсюду за собой.
Затем промолвил юный воин:
«О высочайшая из жен!
Я слишком щедро награжден
И этой чести недостойн».
И Белакана улыбнулась:
В ней жизнь воскресла, страсть
проснулась,
И, обходя пажей и слуг,
Преподнесла им угощенья.
Зарделись люди от смущенья,
Приняв дары из этих рук!
.....
Она кивнула головой,
Произнесла в прощальном тосте
Хвалу хозяевам и гостю,
И воротилась в замок свой.
Служанки с черными очами
Ей освещали путь свечами
В больших светильниках златых...
Она ушла... И дом затих...
Бургграф улегся на перинах.
И, как в сказаниях старинных,
Вокруг него пажи легли,
Что сон хозяйский стерегли:
Ведь супротивник недалече...
Не потухали в доме свечи,
И было в нем светло, как днем,
И спали все тревожным сном...
А Гамурет? Он в этот час,
И вовсе не смыкая глаз,
Метался на роскошном ложе.
Пылало гордое чело.
На подвиг рыцаря влекло
В честь королевы чернокожей.
В груди дыхание стеснилось,
Тревожно, тяжело сердце билось,
Им завладели в то мгновенье
Любовь и воинское рвенье,
Жгла сердце огненная рана.

И только утренний рассвет
В окно увидел Гамурет,
К себе призвал он капеллана,
Чтоб душу укрепить молитвой
Перед решающею битвой...
Герою панцирь принесли,
Коня лихого привели,
Что был не раз в бою испытан,
В конюшнях рыцарских воспитан
И от заливка до копыт
Надежным панцирем прикрыт...
Герой вдевает ногу в стремя.
Он полон ярости святой!
Сверкает бармица.¹⁶ На шлеме
Тылает якорь золотой.
Щит изумрудами украшен.
Из окоп, с крыш, с дворцовых башен
Народ на рыцаря взирает,
У женщин сердце замирает.
И королева говорит:
«Да, он прекрасен беспримерно!
Так боги выглядят, наверно!»
(О, как лицо ее горит!)
И он, пустив коня в карьер,
Летит вперед на поле боя...
Меж тем отважного героя
Приметил рыцарь Хютигер.
И говорит, весьма встревожен:
«На сарацина не похож он!
Неужто с ней вступил в союз
Молвой прославленный француз?
Ну что же, некуда деваться!
Придется с ним посостязаться.
Кто сможет одолеть меня?»
И вот, вскочивши на коня,
Он, по условленному знаку,
Тотчас же ринулся в атаку...
Теперь сошлись они друг с другом.
Колотят копыта по кольчугам,
И древки яростно трещат,
И щепки на землю летят.
Ах, в беспощадной этой рубке
Ждать не приходится уступки.
И неужель во цвете лет
Погибнуть должен Гамурет?
Ведь Хютигер одолевает...
Но в жизни всякое бывает,
И не во сне, а наяву,
С коня ударом сброшен,
Противник валится в траву...
Анжуец сильно огорошен:
Нельзя лежачего добить!
Но растолкуйте, как с ним быть,
Коль Хютигер не хочет сдаться.
Он, отдохнув, спешит подняться
С сырой земли и прямо в грудь
Копье противнику воткнуть.
«Э, не пройдет сия уловка!..»
И Гамурет пронзает ловко
Своим копьем плечо врага:
«Сдавайтесь, если дорога
Вам жизнь! Ведь глупо гнить в могиле!»
Тот говорит: «Вы победили!

Но объясните, мой герой,
Кем я пленен? Кто вы такой?»
И отвечает победитель:
«Король Анжуйский — мой родитель.
Я сын Гандина — Гамурет!»
И Хютигер сказал в ответ:
«Принять извольте от меня
Мой щит и моего коня,
Согласно благородных правил...
Со мной сдается мой отряд...»
Анжуец рыцаря отправил
Как пленника в престольный град.
И там, в столице Зазаманки,
Завидев пленника сего,
Ему за рыцарство его
Рукоплескали мавританки.
Но не успели кончить сечу,
Как новый враг спешит навстречу:
Героя вызвал на турнир
Нормандец доблестный *Гашир*.
Взметнулись копыта, кони — в мыле,
Оруженосцы стяги взвили,
Звенят щиты, мечи гремят,
И в полчаса нормандец смят
И униженно просит мира.
Анжуец в плен берет *Гашира*
И молвит: «Повели-ка сам
Сдаваться в плен своим войскам».
Гашир молчит, не прекословя.
Что делать?.. Принято условие.
. . . . .
И вновь отважный Гамурет
Берет копьё и арбалет
И мчится к берегу морскому,
Дабы ударить по другому
Высокомерному врагу.
Стоял на этом берегу
Король надменный *Рацалиг*.¹⁷
Он каждый час и каждый миг
Грозил расправой *Белакане*.
И в *Зазаманке* горожане
Страшились, что владыка тот
Столицу приступом возьмет.
Но Гамурет умел недаром
Врагов сражать одним ударом.
Герой противника настиг,
С коня свалился *Рацалиг*
И в унижение и в тоске
Лежит, как рыба на песке.
Его жена стенает, плачет,
К нему на помощь войско скачет,
И восемь боевых знамен
Уже застлали небосклон.
Но рек анжуец королю:
«Я вам немедленно велю
Домой вернуть свои дружины!»
Взвыл *Рацалиг*: «Мне все едино.
Ах, тот, кто вами побежден,
Повиноваться принужден!..»
Честной народ, ликуй и ведай:
Война окончилась победой!
Беду геройство отвело!..
У всех от сердца отлегло.

Но Гамурет свой бранный пыл
Тока еще не остудил.
Он рад бы снова в бой рвануться,
Однако вынужден вернуться:
Его домой зовет бургграф,
Свою жену за ним послав.
Освободивши от забрала,
Она его поцеловала,
Рукою нежной обвила
И к королеве повела.
А та сама навстречу скачет.
Не страшно! Пусть толпа судачит
И удивляются пажи
Иным причудам госпожи:
Любовь не ведает запрета!
Оруженосцам Гамурета
Она с улыбкой говорит:
«Хозяин вас благодарит!..
За вашу верность и заслуги
Вы будете награждены.
Но нам сегодня не нужны
Телохранители и слуги.
Итак, друзья мои, идите!
Коней в конюшню отведите
И спать ложитесь, не боясь,
Что пропадет ваш добрый князь,
О нем сама я позабочусь!..»
И удалились слуги тотчас...
Она сняла с него доспехи,
Придворных дам отправив прочь...
Любви высокие утехи
Герой познает в эту ночь.
Покрыто соболями ложе,
Струится лунный свет в окно.
Что значит разность цвета кожи,
Когда сердца слились в одно?
Меж тем на улицах столицы
Толпа шумит и веселится.
Надели жены украшенья,
Готовят жертвоприношенья,
Чтоб отблагодарить богов,
Сломивших полчища врагов.
И вот, вчера еще надменный,
А ныне кроткий и смиренный,
Явился *Рацалиг* — король,
Превозмогая в сердце боль.
Но к побежденному нет злости!
Его, как равного, как гостя,
Сажают рыцари за стол.
Ведь он с собою в плен привел
Своих оруженосцев конных,
И с соблюденьем прав исконных
Двадцать четыре молодца
Слагают копыта у дворца.
Вот прибыл Хютигер на пир,
А вслед за ним — герой *Гашир*,
Чтобы в раскаянье смиренном
Предстать пред новым сюзереном.
Вдруг громко грянули тимпаны:
В сопровожденье *Белаканы*,
По-королевски разодет,
Выходит юный Гамурет.
И видят все: он был ей другом,

А за ночь стал ее супругом.
 И молодая королева
 Придворными окружена:
 Теперь она уже не дева,
 А венценосная жена.
 И люди слышат госпожу:
 «Отныне я принадлежу
 Со всей моей землей родною
 Сему отважному герою!»
 И молвит храбрый Гамурет:
 «Средь нас врагов в сем крае нет!
 Да будет вечный мир меж нами!
 А вас, кого я звал врагами,
 Я попросить не премину
 Поцеловать мою жену
 В знак долгожданнейшего мира...
 Прошу приблизиться Гашира!»
 Гашир к устам ее приник,
 Вслед за Гаширом — Рацалиг,
 За Рацалигом Хьютигер
 Явил изящество манер...
 Герой вернул свободу пленным,
 Их обложив изрядным леном,¹⁸
 И, расточителен во всем,
 Осыпал золотым дождем
 Своих оруженосцев верных
 В признание их заслуг безмерных,
 Всем удалиться приказал
 И возвратился в тронный зал,
 К той, что его, как жизнь, любила...
 Но счастье их недолгим было.
 . . . . .
 Прошло не так уж много дней,
 Он все угрюмей, все мрачней.
 Любовь страданьем обернулась —
 В нем тяга к странствиям проснулась.
 Душа охвачена влеченьем
 К невероятным приключениям,¹⁹
 И он готов оставить ту,
 Чью красоту и доброту
 Он оценил высоким сердцем,
 Хоть не был ей единоверцем.
 Но, королеву возлюбя,
 Все ж превозмочь не смог себя...
 Он сговорился с моряком,
 Который был ему знаком
 По прежним доблестным походам.
 Моряк был из Севильи родом²⁰
 И, к маврам злобой одержим,
 Анжуйца причислял к своим.
 «Коль нас не выдашь чернокожим,
 Мы, господин, тебе поможем.
 Едва отчалим от земли,
 Нас никакие корабли —
 Клянусь всевышним! — не догонят!
 А тот, кто сунется, — потонет!»
 И Гамурет не возражает.
 Он златом судно нагружает
 И под покровом мглы кромешной
 Бежит от женщины безгрешной.
 Меж тем она уже была
 Недель двенадцать тяжела,
 Не ведая, что в сердце мужа

Недавний жар сменила стужа.
 А утром некое лицо
 Передало ей письмецо,
 И хоть она могла едва
 Читать французские слова,
 С усердьем до последней точки
 Прочла ужаснейшие строчки.
 «Охвачен болью нестерпимой,
 Пишу тебе, моей любимой.
 Я от тебя бежал, как вор,
 Украв последний твой укор.
 Вина моя не знает меры.
 Ах, будь с тобой одной мы веры,
 Не совершил бы я побег
 И вместе были б мы навек.
 Но та, что правит Зазаманкой,
 Увы, не стала христианкой,
 И я с тобою расстанусь
 И богу за тебя молюсь.
 Коль от меня родишь ты сына,
 Запомни: сын твой — внук Гандина,
 В нем кровь анжуйская течет,
 Потомок он Фата-Морганы,
 Что, растравляя в сердце раны,
 На подвиг рыцарей влечет.
 И знай: меня ты вновь обнимешь,
 Когда мою ты веру примешь!»
 Она кричит ему вослед:
 «Вернись ко мне, мой Гамурет!
 Коль ты готов на возвращенье,
 Я хоть сейчас приму крещение.
 Разлуки яд в моей крови
 Отравит плод твоей любви!
 Моя печаль его иссушит!
 О, как меня разлука душиет!»
 Ее измучила тоска —
 Ничем душа не насладится.
 Ведь горлица без голубка
 На ветку чахлую садится.
 Она затворницей жила
 И в час урочный родила...
 От Гамурета с Белаканой
 На свет явился мальчик странный:
 Он — видно, бог того хотел —
 Был столь же черен, как и бел,
 Пятнистой наделенный кожей,
 На мать и на отца похожий.
 И, белые целуя пятна
 На теле сына своего,
 Она звала, звала того,
 Кто не вернулся к пей обратно.
 Малыш со временем подрос.
 Сквозь черноту его волос
 Пробился золотистый локон.
 Прекрасных дам к себе привлек он,
 Высоких дев и знатных жен.
 Для бранных подвигов рожден,
 Он с детства внял походным трубам.
 Его прозвали Лесорубом:
 Являя в битвах чудеса,
 Он копий целые леса
 Ломал на рыцарских турнирах.
 Щиты и латы были в дырах

У тех, кто смел сражаться с ним...
 Да, в битвах был неукротим
 Сей Лесоруб, сей рыцарь смелый,
 Под стать сорокам черно-белый
 (И белолиц и чернолиц),
 Отважный воин Фейреф иц.²¹

. . . . .
 А Гамурет, его отец,
 В Севилью прибыл наконец,
 Сдается нам — не меньше года
 Он бороздил морские воды.
 Была дорога нелегка.
 Вознаградил он моряка
 Червонным золотом... Богата
 Была условленная плата...

II

В те дни испанская земля
 Цвела под властью короля —
 Высокоchtимого Кайлета.²²
 Он был сородич Гамурета,
 В далеких странах побывал,
 Весьма успешно воевал.
 Наш друг искал его в Толедо,
 Но венценосный непоседа,
 Как нам поведало преданье,
 Опять умчался на ристанье.
 Тогда отважный Гамурет
 Решил за ним пуститься вслед,
 По-рыцарски вооруженный,
 Своею свитой окруженный,
 Украшив княжеское знамя
 Тремя большими якорями.

. . . . .
 Его дорога привела
 В престольный град Конвалуа,²³
 Где Герцелойда²⁴ молодая,
 Без повелителя страдая,
 Велела рыцарей созвать,
 Чтоб мужа верного избрать.
 Она, считаясь королевой,
 Была не женщиной, а девой
 И с целью выбора владыки
 Турнир затеяла великий.
 Так самых доблестных бойцов
 Привлек ее высокий зов:
 Ведь слаще не было приманки,
 Чем сердце царственной испанки.
 Она сказала: «Господа,
 Пусть мудрость божьего суда
 Поможет мне избрать супруга
 Из благороднейшего круга.
 Кто победит в честном бою,
 Тому я руку отдаю
 И две страны моих в придачу;
 Да ниспошлет вам бог удачу!..»
 Бросая на землю перчатки,
 Бойцы сходились в пробной схватке,
 Чтоб завтра снова выйти в бой,
 Уже не в пробный, а — в большой!²⁵
 И все ж турнир, пусть он и пробный,
 Здесь был подобен битве злобной:

Вставали кони на дыбы,
Звенела сталь, сшибались лбы,
И князь, другим побитый князем,
Слетев с коня, валился наземь.
. . . . .
Шатры раскинув недалече
От места предстоящей встречи,
Наш друг слегка перекусил,
Чтоб поднабраться новых сил.
А между тем слуга монарший —
Его оруженосец старший, —
Направившись в престольный град,
Уже проник в дворцовый сад,
Застыв в почтительном поклоне
Пред той, стоявшей на балконе.
Она, окрестность озирая,
Придворных спрашивала дам:
«Откуда, из какого края
Сей незнакомец прибыл к нам?
Взгляните на его дружины!
Французы там и сарацины
В одном сражаются строю.
О, я анжуйцев узнаю
По их особому наречью
И редкому чистосердечно...»
И дамы хором говорят:
«Сей рыцарь сказочно богат,
Он бедных щедро одаряет,
Прекрасных женщин покоряет,
И среди прочих ратных дел
Он в Зазаманке овладел
Державным скипетром и троном.
Но вскоре золотом червонным
Он нагрузил свои суда
И тайно двинулся сюда,
Чтоб покориться вашей воле,
Свои шатры раскинув в поле...»
И Герцелойда воскричала:
«Сей путь судьба предначертала!
Но объясните наконец,
Когда ж войдет он в мой дворец?»
. . . . .
Почти во всех столицах мира,
Где совершаются турниры, —
Там с незапамятной поры
Справляют пышные пиры.
Свисают с каждого балкона
Приезжих рыцарей знамена,
И украшают их гербы
Дома, заборы и столбы.
Нет величавее картины!..
Грохочут гулко тамбурины,
И отвечают флейты им
Певучим голосом своим.
О, насладимся превосходной
Зовущей музыкой походной,
Однако надобно успеть
Нам Гамурета разглядеть.
Прекрасен он. Судите сами:
Плащ оторочен соболями,
Копье остро, а меч тяжел.
Зеленый бархатный камзол
Поверх сорочки белоснежной...

Он в позе царственно-небрежной
Сидит, откинувшись в седле.
Таких красавцев на земле
Доселе не было, пожалуй.
Рубином рот пылает алый,
Златые выются волоса...
Слышны восторгов голоса:
«Да, не обижен он природой!»,
«Кто ж этот рыцарь безбородый?»,
«Ей-богу, он похож на льва!»...
И тут же разнеслась молва
О том, что рыцарь вновь прибывший,
От битв недавних не остывший,
Собой затмивший солнца свет,
Есть знаменитый Гамурет...
Меж тем, проехав мост дворцовый,
Предстать пред Дамою готовый,
Герой, что в битвах не шутил,
Внезапный трепет ощутил.
Так даже царственная птица
Силка охотника боится.
И вот, одолевая страх,
Наш друг привстал на стременах,
Приняв достойную осанку,
И в тот же миг узрел испанку:
Она в короне золотой
Сияла редкой красотой,
Что в песнях сладостных воспета...
Меж тем до короля Кайлета
Весть торопливо донеслась:
Мол, появился дивный князь
Близ Герцелойдовой столицы,
Мол, надо бы поторопиться,
Чтоб разузнать, кто он такой...
«То — Гамурет, сородич мой! —
Вскричал Кайлет, светлея ликом. —
О мужестве его великом
Идет повсюду разговор.
При этом он с недавних пор
Обласкан королевой черной...
Эй, где тут мой гонец проворный?
А ну-ка, мигом — на коня!
И не забудь к исходу дня
С моим сородичем вернуться!
Авось успеешь обернуться...»
Друг друга заключив в объятия,
Два короля сошлись как братья.
И вопрошает Гамурет:
«Каких гостей, коль не секрет,
В Конвалуа понанесло
И велико ли их число?»
И произнес король испанцев:
«Немало знатных иностранцев
И достославнейших персон
Сюда стеклось со всех сторон.
Британца Утер Пендрагуна²⁶
Весьма обидела фортуна.
Осуществилось колдовство:
Жена любимая его²⁷
И сын Артур, рожденный ею,
Попавшись в сети к чародею,
Исчезли... Скоро третий год,
Как он нигде их не найдет.

И Утер, взяв с собою зятя,
Ему свои доверил рати:
Король норвежцев — храбрый Лот,²⁸ —
Добра и святости оплот,
Ревнитель чести, враг обмана...
Да ты слышал ли про Гавана,
Его отважного сынка?
Он, правда, слишком юн пока,
Еще неопытен, но все же
Честь для него всего дороже.
Геройским духом наделен,
Он к высшей цели устремлен...
Есть и другие постояльцы:
Лихие парни провансальцы
Любого рады бы проткнуть!
О португальцах не забудь:
На славу и на женщин падки...
А вот раскинули палатки
На нашем берегу реки
Валлийцев грозные полки.
Сильны военным ремеслом,
Всех превзошли они числом,
Да и оружием надежным...
А в стане противоположном —
Войска враждебных королей.
Попробуй всех их одолей!
Там: повелитель арагонцев,²⁹
Король ирландцев,³⁰ князь гасконцев³¹
И асколунцев господин,³²
Морхольт и Бранделиделин.³³
Явились, тучами нагрянув,
Отряды гордых алеманов³⁴ —
Дерется каждый за троих.
Ведет брабантский герцог их...
Ну, словом, всех не перечислишь.
Так что ж нам делать? Как ты мыслишь?
Могу ль рассчитывать в бою
На помощь братскую твою?»
И Гамурет ему ответил:
«Ты, кто душой и сердцем свеж
Поверь сейчас моим словам:
Мы всё поделим пополам —
И поражения и победы.
Одни у нас с тобою деды,
Хоть наши разнятся гербы
По странной прихоти судьбы.
Так станем же сильнее вдвое!
Твой герб с змеиной головою
Отныне с якорем моим,
Как братья, мы соединим.
И нам драконий хвост не стран
Которым щит врага украшен.
Ну, а теперь хотя б чуть-чуть
Недурно бы и отдохнуть!»
Но только Гамурет прилег,
Как громкий шум его привлек:
То рыцари в турнире пробном,
Иным сражениям подобном,
Опять сошлись между собой,
Вечерний затевая бой
По группам и поодиночке...
Их пыл не ведает отсрочки!
Влечет их бранная игра...

Наш друг выходит из шатра
 И скачет прямо к месту драки,
 Где состязаются рубаки.
 Он расстелить велит ковер
 И с любопытством наблюдает:
 Один соперник наседает,
 Другой дает ему отпор.
 Светло звенят мечи стальные,
 Несутся кони как шальные,
 И, вылетая из седла,
 На землю валятся тела...
 Так на ковре наш славный друг
 Сидит в кольце вернейших слуг,
 Которые, воздевши пики,
 Стеною встали вокруг владыки.
 О, как не терпится ему
 Ввязаться в драку самому
 И послужить прекрасной даме,
 Что беспокойными глазами
 Следит, воссевши на престоле,
 За тем, что происходит в поле.
 Один гнетет ее вопрос:
 «Где тот, кого мне бог принес,
 Чтоб стать очей моих усладой?
 Ужель обещанной наградой
 Я не смогла его привлечь
 И рыцарь в ножны спрятал меч?..»
 Но посмотрите! Что за диво!
 Герой поднялся торопливо.
 Усыпан яхонтами щит.
 Плащ из богатых тканей сшит
 И блещет золотом, как в сказке.
 (Взлетел однажды гриф кавказский
 На заповеданный утес
 И золото в когтях унес.³⁵
 Добыча редкостная эта
 Считалась главным чудом света...)
 Меж тем пробился наш герой
 (А с ним — оруженосцев строй)
 Сквозь рыцарей стальную стену
 На знаменитую арену.
 . . . . .
 Он бился яростно и зло.
 Немало воинов легло
 Под тяжестью его меча.
 Иные корчились, крича
 От страшной, нестерпимой боли.
 Ей-богу, в незавидной роли
 Сегодня оказались те,
 Кого уносят на щите.
 Великолепнейшие латы
 Изрублены, доспехи смяты,
 Плащи изодраны в куски,
 На лбах и скулах — синяки,
 Расплющенный ударом шлем
 На шлем и не похож совсем.
 Сочится кровь из ран и ссадин.
 В бою анжусец беспощаден,
 Но рыцарям, кто победней,
 Он щедро раздает коней,
 В лихом сражении добытых,
 Наследство всадников побитых...
 Огнем лицо его пылало.

Он приподнять решил забрало,
 Чтоб мог коснуться ветерок
 Его разгоряченных щек...
 И с новой силой рвется в сечу.
 Вдруг — капеллан ему навстречу,
 Который прибыл из Анжу...
 «Забыл свою ты госпожу!
 Она, измучена тоскою,
 Своею белою рукою
 Передала мне письмецо,
 Вложив в него свое кольцо,
 При этом выразив желанье,
 Чтоб ты прочел ее посланье».
 И Гамурет, охвачен дрожью,
 Вникает в смысл прекрасных слов:
 «О ты, кто мне всего дороже,
 Услышь моей печали зов!
 С тех пор как я тебя узнала,
 Любовь мне сердце истерзала.
 Ах, я недаром слезы лью:
 Я — нелюбимая — люблю.
 Да, год за годом, мой любимый,
 Живу, любимым нелюбимой.
 Так отзовись! Вернись ко мне!
 Стань королем в моей стране!
 Недавно мой супруг скончался,
 И мне престол его достался.
 В слезах вступила я на трон
 По совершенью похорон.
 Теперь я сказочно богата:
 Алмазы, серебро и золото
 Лежали в мужних кладовых.
 Отныне ты — владелец их.
 Тебе, к кому душой пылаю,
 Свою корону посылаю.
 Носи ее! Пусть целый мир
 Поймет, что ты вступил в турнир
 Французской королевы ради,
 Не помышляя о награде,
 Обещанной другой женой...
 Нет, не сравниться ей со мной!
 Ведь я ее богаче вдвое,
 И сердце мне дано живое,
 Чтобы любимого любить
 И чтоб самой любимой быть.
 Вот отчего столь благосклонно
 Дарю тебе свою корону...»
 Вновь опустил герой забрало.
 В нем чувство прежнее выграло:
 Да, верность женская не раз
 Преумножает силы в нас.
 Пусть Герцелойда обнаружит,
 Что он своей *Анф лисе*³⁶ служит
 И в честь ее земли родной
 Здесь совершает подвиг свой...
 Меж тем, презрев закон турнирный,
 Где супротивники — друзья,
 Кровавый спор, отнюдь не мирный,
 Ведут приезжие князья.
 О, помрачение рассудка!
 Война — не праздник, смерть — не
 шутка:
 Святыне пограны права,

И красной сделалась трава.
 И вдруг ужасный вопль раздался:
 «Глядите! *Якорь* показался!
 Теперь голов не уберечь!..»
 Наш Гамурет вздымает меч,
 Шибают недругов с налету
 И скачет на подмогу к Лоту:
 «Сюда! За мной! Вперед! Вперед!» -
 И арагонца в плен берет
 (Беднягу звали *Шаф илор*)...
 «Доколь терпеть нам сей позор?! —
 Воскликнул *Леелин*³⁷ надменный,
 Преодолев испуг мгновенный. —
 В куски сей якорь изрублю!
 Сам в поединок с ним вступлю!»
 И два героя без заминки
 Сошлись в жестоком поединке,
 Удары копий. Лезвий звон.
 Кто победил? Кто побежден?
 Князь *Леелин* свиреп и гневен,
 И все ж удел его плачевен:
 Он сброшен на землю конем
 (Наш друг толкнул его копьем) —
 И, побежденный, в плен сдается.
 Какой позор для полководца!
 . . . . .
 Но бой не кончен! Слева, справа
 Несется рыцарей орава.
 Слетают всадники с коней, —
 Так груши падают с ветвей.
 (Нет, я предпочитаю груши,
 А не загубленные души.)
 И вдруг ему навстречу — князь,
 Весь словно дымкою подернут:
 Копье дрожит, к земле клонясь,
 Щит кверху острием повернут.
 Недоброй вести скорбный знак...
 Казалось: черной ночи мрак
 На поле битвы опустился.
 «Ты с чем, скажи, ко мне явился?»
 И князь ответил: «Говорят,
 Птогиб твой венценосный брат.
 Служа одной прекрасной даме,
 Отважно бился он с врагами,
 Но все ж не смог их побороть.
 Его к себе призвал господь,
 И он навек оплакан тою,
 Кто для него была мечтою...»
 И Гамурет, от горя нем,
 С главы своей снимает шлем,
 К шатру оставленному скачет,
 И, плача горько, слез не прячет...
 А бой все злее, все жесточе...
 Но — хватит! Поздно!.. Дело к ночи...
 Игра в потемках — не игра...
 Авось дождемся до утра.
 Мы нынче славно воевали,
 Немало копий наломали,
 Да и устали чересчур.
 Ночного неба полог хмур,
 Зато в шатре пылали свечи,
 Прекрасные звучали речи:
 То Зазаманки повелитель

Как самый главный победитель
В честь побежденных свой бокал
Великодушно поднимал.
«Тью, — говорил он, — эту чашу
За доблесть рыцарскую вашу!
Князья, мы больше — не враги!..»
Но вдруг послышались шаги,
И вот в шатре, залитом светом,
Предстала перед Гамуретом,
В сопровождение дивных дев,
Чистейшая из королев...
«Мой друг, смущение отбросьте!
Здесь вы — хозяин, я здесь — гостья.
Однако помнить мы должны,
Что вы — лишь гость моей страны,
А я — владычица державы
И посему имею право
Облобызать вас и обнять.
Вы против? Как мне вас понять?»
«О нет, владычица! Не против!
Я счастлив... Выразить нельзя...
Но и сидящие напротив
Мои высокие друзья,
Что не сробели в состязанье,
Достойны вашего лобзанья!»
И, повинувшись Гамурету,
Что был судьбою послан ей,
Она, в знак дружбы и привета,
Целует пленных королей.
Затем промолвил славный витязь:
«Моя владычица, садитесь!..»
И тотчас с нею рядом сел...
О, трепет этих юных тел
В случайном соприкосновенье!..
Погасни свечи в то мгновенье,
В шатре не стало бы темно:
Так, изнутри озарено,
Лицо владычицы пылало,
Что свет ярчайший излучало...
Но вот и кравчие пришли,
Неся рубиновые кубки³⁸ —
Наследство бедной той голубки,
Без друга страждущей вдали...
Затем, из плена возвратясь
(Их благородно отпустили),
Король Кайлет и гордый князь
Киллрияга³⁹ в шатер вступили...
Кайлет отведал угощения
И произнес не без смущенья:
«Послушай, милый Гамурет!
Ты мрачен, как анахорет,
В твоих глазах прочел я муку.
Меж тем везде молва идет,
Что Герцелойда отдает
Тебе страну свою и руку.
Ты, брат, печалишься напрасно!
Ведь ты сражался лучше всех,
И твой заслуженный успех
Все признают единогласно...
Твои дела подобны чуду.
Поверь: о том трубят повсюду.
Бретонцы, алеманы, франки
Склониться рады пред тобой

И славят все наперебой
Тебя — монарха Зазаманки!»
И тут анжуец произнес:
«Меня ты слишком превознес,
Чего я недостоин вовсе.
Стыдись высокой госпожи!
Уж лучше попросту скажи:
«К турниру главному готовься!»
Кайлет ответствовал, смеясь:
«Ты слишком скромн, милый князь!
Так знай же, доблестный воитель,
Что рыцарский решил совет:
В турнире надобности нет,
Когда известен победитель!»
Тут Герцелойда молвит: «Право,
Хоть я на вас имею право,
Мой друг, заверить вас спешу,
Что как о милости прошу
За мной оставить право это!
Но если ваша честь задета
Иль, верность той, другой, храня,
Вы днесь отвергнете меня,
То, покоряясь воле рока,
Я вас покину без попрека!»
Тут капеллан вскочил: «О нет!
Другой жене он дал обет!
Ее он любит больше жизни!
И я затем пустился в путь,
Чтоб повелителя вернуть
Моей возлюбленной отчизне.
О, если б знали вы, как та,
Чья безгранична доброта,
Тоскует, мучается, стонет,
Как заживо себя хоронит
Под бременем сердечных ран!..
(При всем своем чистосердечье
Был мудр достойный капеллан
Да и искусен в красноречье...)
Так сами рассудите здраво:
Кто на него имеет право?..
Со мной — три князя молодых.
Дозвольте вам представить их...»
...
Три князя дружно воскричали:
«Забудь, король, свои печали!
И доблесть ратную яви
Во имя истинной любви!..»
...
Она взглянула на послов,
Вникая в смысл столь дерзких слов,
Затем сказала величаво:
«Коли на вас имеет право
Та благородная жена,
Я предоставлю вам должна
Возможность в битве отличиться!..
Теперь должна я отлучиться.
Но знайте: в завтрашнем бою,
В турнир вступив за честь мою,
Вы честь окажете тем самым
Не мне, а всем прекрасным дамам.
И я прошу вас, мой сеньор,
Не покидать нас до тех пор,
Покуда, в битвы завершенья,

Не оглашу свое решенье».
Он тут же согласился с ней.
Она велит седлать коней.
Кайлет в седло ее сажает
И госпожу сопровождает...
Когда вернулся он в шатер,
Наш друг сидел, потупив взор.
«Ты мнишь, награды я взыскую?
То Белакане я тоскую.
Как я ее покинуть мог?!
Я от разлуки изнемог.
Раскаянье мне сердце гложет.
Я полагал: война поможет
Мне исцелиться от тоски.
Грехи мои столь велики,
Что искупить своею кровью
Я их решил, сей крест влача.
Но, не погибнув от меча,
Стал жертвой подлого злословья.
Опутан ложью окаянной,
Я о себе самом узнал,
Что, обвенчавшись с Белаканой,
От черноты ее бежал!
Словами гнусного навета
Я насмерть ранен неспроста:
Светлее солнечного света
Была мне эта чернота!
Однако есть еще причина
Того, что жжет меня кручина:
В бою мой старший брат убит.
Его, мечом промятый, щит
Повернут вверх... О, бог всеильный!
На том щите — наш герб фамильный.
Вчера я этот щит видал...»
Анжуец горько зарыдал,
И заливали слез потоки
Его обветренные щеки.
Так, сидя в глубине шатра,
Не мог уснуть он до утра...
Но вот и утро занялось.
Немало в поле собралось
Бойцов, и молодых и старых,
Птонаторевших в битвах ярых.
Притом, заметить мы должны,
Все были так измождены,
Что даже думать не хотели
О предстоящем ратном деле.
И кони, под напором стали,
Не меньше всадников устали...
Вдруг Герцелойда появилась
И к полководцу обратилась:
«Прошу вас следовать за мной!»
И за высокою женой
Все устремились в град престольный,
Где наш анжуец богомольный,
Как нам преданья говорят,
Свершал молитвенный обряд.
Вот месса светлая пропета...
Едва успел умолкнуть хор,
Наш друг услышал приговор:
«Я выбираю Гамурета!»
И зазвучал со всех сторон
Всеобщий возглас одобренья...

Сказав слова благодаренья,
«О, горе мне! — воскликнул он. —
Обвенчан я с другой женою,
Дышу я только ей одною
И только ей принадлежу,
Ей повинуюсь, ей служу.
Но будь я даже неженатым,
Как птица вольным, и тогда
Могу быть только вашим братом,
А мужем... Мужем — никогда!
На то иная есть причина...»
«Вы говорите как мужчина.
И все же выкинете вы
Язычицу из головы,
Моей любовью укрощенный!
Как?! Обвенчаться с некрещеной?!
Ужель застлал вам очи мрак?
Ужель вы, христианский витязь,
От скверны не освободитесь,
Вступивши в христианский брак?..
Спасайтесь от господня гнева,
Пока не пробил страшный час!..
Но, может быть, прельщает вас
Земли французской королева,
Что посылает вам послов
С запасом сладкозвучных слов?..»
«О да, — ответил Гамурет. —
Скитальца с отроческих лет
К себе Анфиса приручила,
К отваге в битвах приучила
И в годы бедности моей
Меня одаривала златом.
Но и сегодня, став богатым,
Я, верьте, нищего бедней.
Я, горемычней горемыки,
Познал утрату из утрат:
Восхищен мой любимым брат
Рукою высшего владыки!
Моим слезам утрачен счет,
Скорбя, нуждаюсь сам в защите.
Ах, госпожа! Любовь ищите,
Где *Радость* пышная цветет!..»
«Ну, что ж, я выслушала вас,
Мой славный друг, не без вниманья,
Однако требует отказ
Законного обоснованья...»
«Я излагаю довод свой:
Вам победитель не достался,
Поскольку здесь как таковой
Большой турнир не состоялся». —
«О, все уже давным-давно
Турниром пробным решено!
При этом у князей светлейших
Нет больше сил для битв дальнейших
А тех, кто духом отоцал,
Спор продолжать не приневолишь...»
«О королева, я всего лишь
Закон и совесть защищал,
И не один — со всеми вместе.
К тому же, признаюсь по чести,
Сии высокие князья
Сражались не слабей, чем я,
Своим достойнейшим оружием.

На то, чтоб зваться вашим мужем,
Прав у меня особых нет.
Но все, кто верно вам служили,
Сегодня право заслужили
На благодарный ваш привет!»
«Пусть нас высокий суд рассудит —
Как он прикажет, так и будет!»
И тут пришлось ему и ей
Избрать двух доблестных князей
Для отправленья правосудья...
И вот что порешили судьи:
«Кто здесь явился перед всеми
С короной княжеской на шлеме,
Чье имя на устах у всех
И чей заслуженный успех
Единогласно признается,
Сим приговором отдается
В мужа прекраснейшей из жен!..»
Наш друг убит, наш друг сражен,
Слеза в глазах его мерцает,
Он бессловесен, как немой.
Тут Герцелойда восклицает:
«О Гамурет! Теперь вы — мой!
Пусть нас любви связуют нити!
Смелей к груди моей прильните,
И я клянусь, что ваше горе
Со мной забудете вы вскоре!..»
Грустил он несколько недель,
А между тем прошел апрель,
Луга вокруг зазеленели,
Ручьи в долинах зазвенели.
Май по дорогам кочевал —
Больные души врачевал.
И, пробужден дыханьем майским,
Весенним, теплым ветром райским,
Наш славный друг в крови своей
Услышал властный голос фей,
Трабабок голос всемогущий,⁴⁰
К любовным радостям зовущий:
«Заветов наших не забудь!
Люби! И сам любимым будь!»
И, вдохновленный этим словом,
В блаженном озаренье новом,
Он Герцелойде молвил так:
«Да будет прочен этот брак!
Но пусть отныне и вовеки
Не будет надо мной опеки!
Прошу вас внять моей мольбе
И не приковывать к себе.
Моя любовь к вам тем вернее,
Чем я в делах своих вольнее,
И в месяц — ну, хотя бы раз —
Позвольте покидать мне вас
Во имя рыцарских забав.
Что делать, уж таков мой нрав.
А нет, — поверьте, я не лгу, —
Опять не выдержу: сбегу,
Как от любимой Белаканы.
(Ах, мне не по сердцу капканы!)
О, как она меня ласкала,
Но ни на шаг не отпускала,
И бросить мне пришлось жену,
Ее народ, ее страну!»

Испанка молвит: «Вы свободны
Так поступать, как вам угодно.
Я только вам принадлежу,
Но вас насильно не держу». —
«Чем я вольней, тем постоянной.
Жить не могу я без ристаний.
Раз в месяц — бой, то тут, то там,
Раз в месяц — копья пополам,
И славой мы любовь украсим!..»
Она ответила согласьем.
Так подружился он с женой
И завладел ее страной...
Молва ту новость принесла
В шатер французского посла.
И капеллан бежит тайком
К герою в замок, прямиком,
И тут же, как бы по секрету,
Тихонько шепчет Гамурету:
«Той, кем вы с детства дорожили,
О вас подробно доложили,
Ей было радостно узнать,
Что вы смогли завоевать,
В своем геройстве неустанны,
Двух королей сердца, и страны,
Великий заслужив почет.
Теперь она вам отдает
В придачу к двум другим коронам
Себя, отечество свое...»
«Я научился у нее
Быть верным рыцарским законам.
И коль велел высокий суд,
Я принужден остаться тут!
Пускай мне боль терзает душу,
Законов чести не нарушу,
Своих отцов не оскорблю.
Слова ей передайте эти,
Добавив, что на белом свете
Я лишь одну ее люблю,
И к ней стремиться буду вечно!» —
Так он сказал чистосердечно
И одарить хотел посла
Дарами, коим несть числа,
Но тот священник узколобий
Его дары отверг со злобой.
Зато три князя молодых
Слезами горько обливались,
Когда с анжуйцем расставались.
И он, рыдая, обнял их.
. . . . .
Тут до анжуйских войск дошло,
Что с князем их произошло:
Пал властелин на бранном поле,
Но восседает на престоле
Его геройский младший брат,
Муж Герцелойды величавой,
Увенчанный военной славой,
О коей всюду говорят...
И к венценосцу самому
Явились рыцари с поклоном:
«Стань и для нас отцом законным»
«Быть, — он ответил, — посему!
Хотя судьба неумолима,
А наша скорбь неумолима,

Ее должны мы превозмочь!
Живущий да к живым вернется,
И скорбь отвагой обернется!
Слезами горю не помочь.
Рожденный доблестным Гандином,
Я стану вашим властелином
С моей возлюбленной женой.
Отныне к верному причалу
Моя судьба меня примчала.
Здесь я бросаю якорь свой!
И, положась на доблесть вашу,
Пантерой этот щит украшу:⁴¹
Пусть славный герб моих отцов
Вселяет в грудь моих бойцов
Неукротимую отвагу!..»
Все принесли ему присягу.
. . . . .
Он, Герцелойдою влекомый,
В покой вступает незнакомый.
Дверь королева заперла
И в эту полночь отдала
Анжуйцу девственность свою.
Нет, я от вас не утаю,
Как наш герой, в боях суровый,
Рот целовал ее пунцовый,
Как оба не щадили губ,
И — пусть рассказ мой слишком скуп,
Сменились радостью печали,
Те, что их душу омрачали...
А вскорости на целый мир
Был справлен ими брачный пир
И — господу благодаренье! —
Тем состоялось примиренье
Досель враждующих сторон...
Князь Гамурет, взойдя на трон,
Оставленный погибшим братом,
Всех одарил арабским златом:
От достославнейших бойцов
Вплоть до бродячих играцов.
. . . . .
Так завершилось торжество...
Не раз пантера, — герб его, —
Что щит анжуйский украшала,
Князей строптивых укрощала.
Носил герой поверх кольчуги
Рубашку царственной супруги,
В которую была она
В часы любви облачена,
И в той священнейшей рубашке
Он в битвах не давал промашки...
В конце свидания ночного
Рубашку получал он снова:
Их восемнадцать набралось,
Пронзенных копьями насквозь.
. . . . .
Да, обделен он не был славой,
И княжество его цвело.
Зачем же снова в бой кровавый
Он поспешил, судьбе назло?
Назло судьбе, себе на горе,
Вновь переплыть решил он море:
Гонцов прислал за ним Барук.
(Здесь, выражая сожаленье,

Я сделать должен добавленье:
Князь поступил как верный друг...)
Барук — мы сведенья имеем —
Вновь атакован был Помпеем,
Не тем, которым славен Рим,⁴²
А тем, кто дядею своим
Взращен, *Навуходоносором*,⁴³
Тем властелином, о котором
Шумела глупая молва,
Что он — соперник божества
Из-за его завоеваний,
А нынче, не без оснований,
Посеявший раздоров семя,
Осмеян он и проклят всеми...
. . . . .
Барук безмерно рад подмоге...
Идет нещадная война.
И знают разве только боги,
Чья одолеет сторона:
Помпея или Гамурета?
Дерется храбро та и эта...
Ах, кто под чьим падет мечом?
И Герцелойда молодая,
Домой супруга ожидая,
Еще не знает ни о чем.
Что ждет ее: добро иль худо?
Вестей тревожных нет покуда,
Беспечно жизнь ее течет.
Довольство, радость и почет
Испанку нашу окружают.
Все королеву обожают,
Ее вниманьем дорожат.
Нет королевы благородней
И благостней!.. Притом сегодня
Ей три страны принадлежат!..
. . . . .
Ей ревность сердце не терзала,
Любя супруга своего,
Она с улыбкой узнавала
О похождениях его.
Пусть он иным любезен дамам, —
Ее не ранит он тем самым:
Какой ей может быть урон,
Коль всеми привечаем он?..
Меж тем прошло уже полгода,
А из далекого похода
Не возвратился Гамурет.
Вестей о нем все нет и нет...
Так радость горестью сменилась.
Душа тревогой стеснена.
Картина страшная приснилась
Ей в час полуденного сна:
Внезапно вспыхнул полог звездный,
Гром громыхнул грозою грозной,
Кругом пожар запылал,
Неслись хвостатые кометы —
Всемирной гибели приметы,
И серный ливень не стихал.
В том гуле, грохоте и визге
Метались огненные брызги...
Но вот ужасный этот сон
Другим ужасным сном сменен.
И снится бедной королеве:

Она дракона носит в чреве,
И девять месяцев спустя
На свет рождается дитя:
На голове его — корона...
Она злосчастливого дракона
Своим вскормила молоком.
Но вскоре, к странствиям влеком,
Он мать родимую покинул
И вдруг исчез. Как будто сгинул...
Неотвратимую беду
По высшей воле *провиденья*
Ей предвещали сновиденья.
Она металась, как в бреду,
Тока ее служанкой верной
Не прерван был сей сон прескверный.
. . . . .
Сокрылось солнце. Ночь настала.
Вдруг Герцелойда услышала
Шум голосов и стук копыт.
Без короля вернулась свита:
«Отныне нам лишь бог — защита!
Восплачь, жена! Твой муж убит!»
Как смерть испанка побелела,
Скорбя, душа рвалась из тела.
Глава ее клонится вниз,
Глаза ее не видят света.
Но тут промолвил *Тампанис*,⁴⁴
Оруженосец Гамурета:
«Узнай, как пал твой муж достойный!..
Палил пустыню полдень знойный.
Король был сильно утомлен,
А шлем его — столь раскален,
Что снял свой шлем он на мгновенье,
Дав голове отдохновенье.
Вдруг подошел к нему один
Наемник, некий сарацин,
И кровь убитого барана
Из драгоценного стакана
Плеснул на королевский шлем,
И, не замеченный никем,
Отполз в сторонку... Но металл
Тотчас же мягче губки стал...
Долготерпение Христово,
Кто оскорбить тебя посмел?..
Меж тем взметнулись тучи стрел,
И бой кровавый вспыхнул снова.
Смешенье копий и знамен!..
Мы нападаем, враг сметен.
Бойцов восторженные клики
Звучат в честь нашего владыки.
Глядим: уже с коня слезает
Помпея брат — Ипомидон.
Неужто в плен сдается он?..
О нет! Герою шлем пронзает
Его коварное копьё.
Вонзилось в темя острие.
Наш повелитель покачнулся
И все ж не выпал из седла.
Он, умирающий, очнулся,
И — вседержителю хвала! —
Хотя была смертельной рана,
Домчался он до капеллана,
Чтоб исповедаться пред ним:

«Святой отец, я был любим
 И за любовь платил любовью...
 И пусть моя истлеет плоть,
 Да будет милостив господь
 К той, что познает участь вдовью.
 Прощанье с ней безмерно тяжко...
 Отдайте же моей жене
 Окровавленную рубашку,
 Что в смертный час была на мне...
 Благодарю, прощаясь с вами,
 Всех воинов моих и слуг...» —
 Такими кончил он словами.
 Похоронил его Барук
 По христианскому обряду.
 На удивление Багдаду,
 Король во гробе золотом
 Лежит в могиле под крестом...
 Ах, с сотворения времен
 Таких не знали похорон!
 Причем не только христиане
 Рыдали в славном нашем стане:
 И мавры — все до одного! —
 Потерю страшную осмыслив,
 К своим богам его причислив,
 Скорбя, оплакали его...»
 Вот что сказал оруженосец
 Несчастнейшей из венценосиц...
 Она едва не умерла,
 Хотя беременна была
 На восемнадцатой неделе.
 Стучало сердце еле-еле...
 Но как-то перед ней возник
 Седой и сгорбленный старик,
 Разжал он зубы королеве,
 Живую воду влил ей в рот,
 И тут же драгоценный плод
 В её зашевелился чреве.
 Глаза усталые открыл
 И отдышавшись понемногу,
 Она сказала: «Слава богу!
 Коль я жива, ты будешь жив.
 Мой сын, мое родное чадо!..»
 (Осталась ей одна отрада:
 На белый свет родить того,
 Кто цветом рыцарства всего
 Взрастет, мужаючи с годами,
 О чем узнаете вы сами...)
 . . . . .
 И принести она велела
 Рубашку с дорогого тела
 И смертоносное копье —
 Наследство скорбное свое.
 Припав к рубашке той кровавой,
 Насквозь проколотой, дырявой,
 Лицо прекрасное ее
 Вновь исказилось в страшном горе...
 (Рубашка эта и копье
 Погребены в святом соборе
 Высокородными князьями,
 Анжуйца первыми друзьями.)
 Меж тем во многих странах света
 Оплакивали Гамурета.
 А дней четырнадцать спустя

Необычайное дитя
 Она рождает в страшной муке.
 Сын крепконогий, большерукий,
 Богатырям иным под стать,
 Красавец княжеской породы,
 Едва не свел в могилу мать:
 Ужасны были эти роды...
 По лишь теперь, стремясь вперед,
 Моя история берет
 Свое исконное начало...
 Так что б все это означало?
 Я долго шел кружным путем,
 Чтобы начать рассказ о том
 Великом муже достославном,
 Кто станет здесь героем главным.
 Мы говорили без конца
 В повествовании предлинном
 О подвигах его отца.
 Пришла пора заняться сыном.
 Мать берегла его от всех
 Опасных рыцарских утех,
 Чтоб оградить его от бедствий.
 Военных игр не знал он в детстве.
 Над ним придворные тряслись,
 Мать над ребенком трепетала
 И в упоении шептала:
 «Bon fils, cher fils, o mon beau fils!»⁴⁵
 Рожденный доблестным отцом,
 Подросток он славным кузнецом:
 Душа взыграла в нем мужская,
 Когда в избытке юных сил
 Своим мечом он молотил,
 Из шлемов искры высекая...
 Возросший в королевском замке,
 Он вскормлен был не грудью мамки,
 А грудью матери своей.
 О, сколь отраднo было ей
 Младенцу милому в роток
 Совать свой розовый сосок.
 Так в незапамятное время
 Пречистой девой в Вифлееме
 Взлелеян был и вскормлен тот,
 Кто спас наш человеческий род
 И, муку крестную принявши,
 Своею смертью смерть поправши,
 Призвал нас к верности и чести...
 Но кто нарушил сей завет,
 Тому вовек спасенья нет
 От злой судьбы и божьей мести...
 И, в эту мысль погружена,
 Высокородная жена
 Слезами орошала зыбку.
 И все же дамы во дворце
 Читали на ее лице
 Едва заметную улыбку.
 Она младенцем утешалась,
 В ней боль с отрадою смешалась...
 Никто из вас, мои друзья,
 Не знает женщин так, как я.
 Ведь я — *Вольфрам фон Эшенбах*,
 В своих прославленных стихах
 Воспевший наших женщин милых.⁴⁶
 Я лишь одну простить не в силах

И посему не стану впредь
 Ей гимны сладостные петь.
 Из сердца выдерну щипцами
 Страсть к вероломной этой даме.
 . . . . .
 Итак, с историей моею
 Я познакомить вас спешу.
 Но нет, не «книгу» я пишу
 И грамоты не разумею.
 Все, что узнал я и постиг,
 Я не заимствовал из книг.
 На это есть *поэт другой*.⁴⁷
 Его ученым внемля строчкам,
 Готов бежать я, как нагой,
 Прикрывшись фиговым листочком...

III

Весьма прискорбно, господа,
 Что среди женщин иногда
 Нам попадаются особы,
 От чьей неверности и злобы
 Мы терпим много разных бед.
 В их душах женственности нет,
 Они коварны и фальшивы,
 Жестокосердны и сварливы,
 Но так же, как и всех других,
 Мы числим женщинами их,
 Иного не найдя названья...
 Сии ужасные созданья
 Порой страшнее сатаны...
 На вид все женщины равны,
 И голоса у них прелестны.
 Однако, признаюсь вам честно,
 Что, если бы достало сил,
 Я женский пол бы поделил
 На две различных половинь.
 Одни, как ангелы, невинны,
 Смиранны, женственны, верны,
 Другие — в помыслах черны,
 В них фальшь гнездится и
 Зловредность...
 Вот говорят: ужасна бедность.
 Но той великая хвала,
 Что выбрать бедность предпочла
 Во имя верности священной,
 Не осквернив себя изменой.
 Ну, кто из нас в расцвете лет
 Решился бы покинуть свет,
 Презреть несметные богатства,
 Страшась греха и святотатства,
 Земную власть с себя сложить,
 Чтоб только господу служить
 И заслужить прощенье бога?..
 Увы, средь нас совсем не много
 Столь праведных мужей и жен,
 Чем я безмерно удручен...
 Но Герцелойда порешила
 (Ей Совесть эту мысль внушила),
 Вкушая божью благодать,
 Покинуть трон, корону снять
 И скипетр свой сложить могучий,
 Чтоб удалиться в лес дремучий...

Печали ей не перевозмочь.
Ей все равно: что день, что ночь.
Столь сердце скорбью истомилось,
Что солнце для нее затмилось.
Тоскою скованную грудь,
Увы, не оживят ничуть
Ни луговых цветов цветенье,
Ни соловьев ночное пенье.
В лесу приют она нашла.
С ней горстка подданных ушла,
И, повелительнице внемля,
Они возделывали землю,
Большие корчевали пни...
Так потекли за днями дни.
У ней одна забота ныне:
О мальчишке своем, о сыне
Хлопочет любящая мать.
И вот она велит созвать
Всех взрослых жителей селенья
И говорит без промедленья:
«Постигнет смертный приговор
Тех, кто затеет разговор
При нашем сыне дорогом
О рыцарях или о том,
Как совершаются турниры.
Я родила его для мира,
И чтоб не сделалась беда,
Он знать не должен никогда
О страшных рыцарских забавах
И о сражениях кровавых».
Умолкли все, боясь угроз...
А королевский мальчик рос
В своем глухом уединенье,
Вдали от рыцарских забав,
Ни разу так и не узнав,
Какого он происхождения.
Из королевских игр одна
Была ему разрешена:
К лесным прислушиваясь звукам,
Бродил он с самодельным луком,
И, натянувши тетиву,
Пускал он стрелы в синеву,
Где резвые кружились птицы...
Но как-то раз он замер в страхе!
Была им птица сражена.
О, горе! Только что она
Так безмятежно песни пела —
И вдруг навеки оцепенела.
Навзрыд ребенок зарыдал.
Как на себе он кудри рвал!
Как горевал и убивался!..
Он был красив, высок и прям,
Он, крепкий телом, по утрам
В ручье студеном умывался.
Он никаких не знал забот.
Но мальчик, выросший на воле,
Рыдал, бывало, в сладкой боли,
Едва лишь птица запоет.
Необычайное томленье
В нем вызывало птичье пенье.
В слезах он к матери бежит.
Он весь трепещет, весь дрожит.
Мать к сердцу прижимает сына:

«Скажи, в чем слез твоих причина?
С кем на лужайке ты играл?..»
Молчит — как в рот воды набрал
(С детьми случается такое...)
Мать не могла найти покоя
До той поры, покуда тайна
Вдруг не открылась ей случайно.
Она заметила, что сын
Гуляет по лесу один.
И только птицу он слышит,
Волнение грудь его колыхнет,
Стремится ввысь его душа.
И, птичьим пеньем пораженный,
Стоит он, как замороженный,
И внемлет, внемлет, не дыша.
Полна отчаянья и гнева,
Повелевает королева,
Созвав крестьян своих и слуг,
Переловить лесных пичуг,
Их без разбора уничтожить,
Чтоб сына не могли тревожить.
Спешат крестьяне вместе с дворней,
Да птицы были попроворней,
Вспорхнули с веточек они —
Поди попробуй догони!..
Так многие спаслись успели
И снова весело запели.
Тут мальчик матери сказал:
«Кто бедных птичек наказал?
(Ручьями слезы побежали.)
Вели, чтоб их не обижали!»
Сказала мать, целуя сына:
«Знай, перед богом я повинна
И плачу, блажь свою кляня.
Ах, почему из-за меня
Должны умолкнуть божи птицы?
Нет, это вновь не повторится.
Раскаянье — тому залог...»
«Скажи мне, мать, что значит: бог?..»
«Мое любимое дитя,
Тебе отвечу, не шутя:
Он, сущий в небесах от века,
Принявши облик человека,
Сошел на землю, чтобы нас
Спасти, когда настанет час.
Светлее он дневного света.
И ты послушайся совета:
Будь верным богу одному,
Люби его, служи ему.
Укажет он тебе дорогу,
Окажет он тебе подмогу,
Мой добрый мальчик дорогой.
Но помни: есть еще другой.
Се — черный повелитель ада.
Его всегда страшиться надо.
Предстанет он в обличьях разных,
Чтоб ты погряз в его соблазнах.
Убойся их! От них беги!
И верность богу сбереги!
Так отличишь ты с юных лет
От адской тьмы небесный свет».
И мальчик, выслушав ее,
Вник в сущность мудрых наставлений...

Учился он метать копьё
И столько уложил оленей,
Что мать и весь ее народ
Кормились ими круглый год.
Трава ли землю покрывала
Иль снеговые покрывала,
Он в чащу леса уходил
И там охотился отважно.
И вот, послушайте, однажды
Копьем в оленя угодил,
Что был громаден непомерно.
С такою ношею, наверно,
Не смог бы сладить даже мул.
А он и глазом не моргнул
И, на спину взваливши тушу,
Упорством укрепляя душу,
Явился в материнский дом,
Нисколько не устав притом...
Затем такой случился случай.
Он лесом шел над горной кручей,
К губам листочек прижимал
(Чтоб сей листочек дребезжал,
Служа приманкою оленям)
И вдруг услышал с удивленьем
Конский топот вдалеке.
Сильнее сжав копьё в руке,
Он громким смехом разразился:
«Не сам ли черт сюда явился?
Я кое-что слышал о нем.
Мать говорит: властитель ночи...
Что ж, поглядим, каков ты днем!
Должно быть, страшен, да не очень».
Так боевой священный пыл
В своем он сердце ощутил.
Но тут три рыцаря из чащи
Уже возникли перед ним.
О, как доспехи их блестящи,
О, как их взор неустрашим!
Все трое на богов похожи.
И мальчик на колени пал
И, просветленный, зашептал:
«О, помоги мне, правый боже!»
Но первый рыцарь рассмеялся:
«Откуда дурень этот взялся?
Клянусь, что валезиец⁴⁸ он!
А ну-ка, убирайся вон!»
(Хоть мы не валезийцы с вами,
И нас, баварцев,⁴⁹ дураками
Считают люди иногда.
Пускай считают. Не беда!
Нам, с нашим плохоньким умишком,
Хватает мужества с излишком,
И доводилось нам в бою
Но раз стоять за честь свою.)
Меж тем на взмыленном коне,
Весь распаленный, как в огне,
Возник внезапно всадник новый.
Поверх кольчуги — плащ парчовый.
Сей рыцарь тех троих искал.
Он издали прискакал,
Гонимый чувством возмущенья:
Нет похитителям прощенья —
Трем воинам его дружины,

Что были в сговоре повинны,
 Девицу из дому украв.
 И Ультерлек⁵⁰ — так звался граф —
 Решил за ними вслед пуститься,
 Надеясь вызволить девицу,
 Что жаждала его подмоги.
 Вдруг видит: мальчик на дороге.
 «Эй, слышишь, парень, прочь с пути!»
 Но тот, лишившись чувств почти,
 Пал перед графом на колени,
 Воскликнув в дивном просветленьи:
 «Прости меня, великий бог!..»
 (Судить его не станем строго:
 Граф был и впрямь похож на бога,
 Сверкая с головы до ног.
 На шлеме — капельки росы,
 Лицо — божественной красы,
 Огнем горят кольчуги кольца,
 И золотые колокольцы
 Свисают с правого плеча,
 Чтоб при подъятии меча
 Они своим чистейшим звоном
 Врагу напомнили о том,
 Кто кончит бой непобежденным —
 Не на щите, а со щитом...)
 И вопрошает Ультерлек:
 «Скажи-ка, добрый человек,
 Мне это знать необходимо:
 Здесь, часом, не промчались мимо
 Три рыцаря?.. Я их ищу.
 Тебя я в тайну посвящу:
 Те трое девушку украли
 И, как мошенники, удрали,
 Презревши рыцарскую честь.
 За это их постигнет месть...»
 Тут вспомнил отпрыск Гамурета,
 Как ложь от правды, тьму от света
 Высокороднейшая мать
 Его учила отличать.
 И, внемля всаднику сему,
 Он понял: бог сошел к нему.
 «Прости меня, о всемогущий,
 Свет справедливости несущий!» —
 В благоговенье он вскричал...
 Граф головою покачал:
 «Тебе я истинно скажу:
 Не бог я, но ему служу».
 Но ты мне так и не ответил:
 Ты рыцарей моих не встретил?»
 И мальчик восклицает снова:
 «Что значит — рыцарь? Это слово
 Доселе неизвестно мне...»
 Граф, восседавший на коне,
 Сказал: «Ты молод чересчур.
 Но славный наш король Артур
 Возводит в рыцарское званье
 Всех, кем заслужено признание
 И покровительство его.
 Кто не страшится ничего,
 Кого геройство не покинет,
 Тот при дворе Артура принят.
 Спешу припасть к его стопам,
 И рыцарем ты станешь сам!..»

И мальчик, перед графом стоя,
 Коснулся панциря героя,
 Спросив, как спрашивают дети:
 «Что означают кольца эти?
 Ты кольца носишь на груди?»
 Взглянув на маленького друга,
 Граф рассмеялся: «Тогоди!..
 Не кольца это, а кольчуга.
 Я ею прикрываю грудь,
 Чтоб не могли меня проткнуть!..»
 Промолвил мальчик с удивленьем:
 «Такую шкуру бы — оленям,
 Их не сразило бы мое
 Неотразимое копьё!»
 . . . . .
 И рыцарь в путь пустился далё.
 Его крестьяне увидали,
 Что обрабатывали луг.
 Немалый вызвал в них испуг
 Вид неожиданного гостя:
 Его копьё, доспехи, меч.
 Но без надменности и злости
 Он обратил свою к ним речь:
 «Да охранит вас божья милость!..
 Скажите, вам не приходилось
 Здесь встретить девушку одну?
 Сию несчастную княжну
 Злодеи подлые украли.
 Я весь дрожу: не умерла ли
 Она от страха и тоски?
 Я разорвать готов в куски
 Ее обидчиков проклятых,
 Что мимо вас промчались в латах!»
 . . . . .
 Лишь граф с крестьянами расстался,
 Ужасный шум вокруг раздался.
 Крестьяне стонут: «ах!» да «ох!».
 Произошел переполох.
 Всех охватил великий трепет:
 «Ужо владычица нам влепит!
 Да как же смели мы его
 В лесу оставить одного!
 Считай, отныне всем нам — крышка.
 Возрос в неведенье мальчишка,
 Лесную дичь копьем пронзал
 И вдруг о рыцарях прознал!
 Небось кровешка-то взыграла
 При виде шлема и забрала,
 А от кольчуги, от стальной,
 Он весь, ей-богу, как шальной!..»
 Вот мальчик к матери приходит,
 Горящих глаз с нее не сводит
 И все выпаливает вслух.
 Едва не испустила дух
 Она в немыслимой печали,
 Спасибо — люди откачали.
 А мальчик дальше речь ведет:
 «Каких я четырех господ
 У нас в лесу сегодня встретил!
 Что свет небес, их облик светел!
 Впервые я узнал от них
 О славных рыцарях лихих
 И короле Артуре гордом.

Кто, обладая духом твердым,
 Не дрогнет в боевой игре,
 Тот принят при его дворе.
 Клянусь, что я не успокоюсь,
 Покуда сам не удостоюсь
 Стать верным рыцарем его!..»
 Нет, матери-то какво
 От сына слышать речи эти?
 Не за него ль была в ответе
 Она пред богом и людьми?
 О, жалься! Боль ее уйми
 И смилуйся над ней, всевышний!..
 Но вечно плакать — труд излишний.
 Коль хочешь вовремя спастись,
 Без хитрости не обойтись.
 Порою хитрость — та же сила...
 И вот схитрить она решила:
 «Сын просит дать ему коня?
 Что ж, он получит от меня
 Коня — то бишь, слепую клячу —
 И шутовской наряд в придачу,
 А в одеянье дурака
 Узнает он наверняка
 Толпы насмешки и побои:
 Мол, коли шут — не лезь в герои!..
 И ненаглядный мальчик мой
 Сам в страхе кинется домой...»
 Так поступить она решила
 И в тот же вечер сыну сшила
 Из мешковины балахон,
 Подобье неких панталон
 И туфли из телячьей кожи,
 Что и на туфли не похожи,
 Да с погрелушками колпак,
 Что скажешь? — вылитый дурак!..
 В путь уходил он на рассвете.
 «О мой единственный на свете, —
 Сказала мать, прильнув к нему, —
 В дороге трудно одному,
 Но с темными людьми не знайся,
 Коварных бродов опасайся,
 Друзей фальшивых избегай,
 А добрым людям помогай.
 Коль старца мудрого ты встретишь,
 Его с почтеньем поприветишь,
 Он верный даст тебе совет.
 Внемли: в упрямстве толку нет!
 А вспыхнет девичье сердечко,
 Возьми заветное колечко,
 Но обижать ее не смей.
 Не оскверни души своей
 Поступком, помыслом греховным.
 Бог не простит таких грехов нам.
 И навсегда запомни, сын:
 Похитил гордый Леелин
 Два княжества твоих великих.
 Виновен он в бесчинствах диких:
 Убит отважный Туркентальс,⁵¹
 Горит Валезия, Норгальс⁵²
 Войсками вражьи захвачен.
 Сей счет кровавый не оплачен,
 И в рабстве стонет твой народ
 Под гнетом пришлых воевод!..»

Воскликнул мальчик, не робея:
«Копьем своим клянусь тебе я
Врагу пощады не давать,
Коль доведется воевать!..»
Едва за дымкою тумана
Он скрылся хмурым этим днем,
Как в материнском сердце рана
Смертельным вспыхнула огнем.
И, словно в сердце сталь вонзая,
Ее пронзила боль сквозная,
В груди дыханье заперла.
И Герцелойда умерла,
Страдая без родного чада.
Любовь спасла ее от ада.
И пусть посмертная хвала
Сей образ светлый окружает
И Герцелойду провожает
Наш вздох: «Ты матерью была!..»
. . . . .
А мальчик, волею небес,
Въезжает в Бразельянский лес.⁵³
Он у ручья остановился,
Который черной змейкой вился.
Не то что конь — петух и тот
Такой ручей перешагнет.
Но мальчик слыхивал, что в воду
Опасно лезть, не зная броду.
Иль не наказывала мать
Коварных бродов избегать,
Притом воды страшиться мутной?
И вот, усталый, бесприютный,
Весь день наш бедный дуралей
Искал водицы посветлей,
Покуда не увидел мели
И снова устремился к цели,
Как вдруг на правом берегу
Шатер приметил на лугу,
Богатым бархатом обшитый
Да кожаным чехлом покрытый,
Чтоб дождь сквозь крышу не проник...
Наш мальчик скачет напрямик
К шатру, где сладко, как богиня,
Спала младая герцогиня
Необычайной красоты.
Сон обвевал ее черты,
Но и во сне была она
Амуром вооружена:
Пылают знойные ланиты,
Уста ее полуоткрыты,
А зубки дивной белизны,
Как из жемчужин созданы.
(Ешутой⁵⁴ герцогиню звали...)
Меня, увы, не целовали
Столь бесподобные уста,
О чем тужу я неспроста...
Сползло соболье покрывало
И перси чуть приоткрывало.
Тут на ее руке кольцо
Увидел юный наш скиталец
И ухватил ее за палец,
Припомнив матери словцо
Насчет заветного колечка.
Ну, что за глупая овечка!..

Немалый вышел перепуг,
Когда она, очнувшись вдруг,
Узрела возмущенным взглядом
Сего юнца с собою рядом.
«Позвольте! Кто вы и откуда?!
Немедля прочь! Иль будет худо!
Гляжу, да вы и впрямь наглец!
Кто дал вам право, наконец,
Врываться к благородной даме?!
Да понимаете ль вы сами,
Что вы попали не туда?..»
Но глупый мальчик — вот беда! —
Не говоря дурного слова,
Над нею наклонился снова,
Ее в уста поцеловал,
С ее руки кольцо сорвал
И вдруг промолвил громогласно:
«Как быть? Я голоден ужасно!..»
«Ах, не меня ль вы съесть хотите?
У вас на это хватит прыти, —
Смеясь, воскликнула она. —
Но если вы не привереда,
У нас осталось от обеда
Немного хлеба и вина
И жареные куропатки...
Мы здесь, в лесу, живем в достатке.
Трошу вас оказать мне честь...»
И тут наш мальчик начал есть!..
Он ел так смачно, пил так жадно,
Проголодался он изрядно,
За кубком кубок осушал
И уходить не спешил.
Хозяйка молвила в смущенье:
«Благодарю за посещение,
Однако знайте, милый друг,
Вот-вот вернется мой супруг —
Орилу де Лаландер⁵⁵ смелый,
И коль вам жизнь не надоела,
Трошу кольцо мое вернуть
И поскорей собратиться в путь».
Мальчишка дерзко рассмеялся:
«Вот уж кого не испугался!
Но если тень падет на вас,
Готов я скрыться хоть сейчас!..»
И он отвесил ей поклон
И с драгоценною добычей
Без дозволения вышел вон
(Нарушив рыцарский обычай).
. . . . .
Домой спешит Орилу важный,
Закончив ратные труды.
Вдруг незнакомые следы
На мураве он видит влажной...
В шатер вбегает к герцогине,
Кричит Орилу: «Черт возьми!
Клянусь, что нового ати⁵⁶
Вы тайно привечали ныне!
О, сколь жестоко я наказан,
Хоть всей душой был к вам привязан,
Но, благородства не цена,
Вы опозорили меня!
О, я с ума сойду от боли!
Мне ль выступать в постыдной роли

Обманутого дурака?!
Нет! Пусть скорей моя рука
По воле господы отсохнет,
Чем месть в груди моей заглохнет!..»
Она промолвила в ответ:
«Сколь горько слышать сей навет!
Всему виной — ваш нрав горячий!..
Какой-то дурень, шут бродячий,
В наряде явно шутовском,
Ко мне в шатер проник тайком
И, не сказавши ни словечка,
Сорвал с руки моей колечко.
Затем, немного закусив,
Сбежал виновник злоключенья
В своем дурацком облаченье.
Не скрою: мальчик был красив
И статен, бог его помилуй!..»
Воскликнул герцог с новой силой:
«Мне все понятно наконец!
Вскружил вам голову юнец!
Мое вы осквернили ложе!..»
Она промолвила: «О боже!
Ужель бродячему шуту
Свою отдам я чистоту?»
. . . . .
И герцог молвил герцогине:
«Вы преисполнены гордыни,
Но вашу спесь я поубавлю,
От воздыхателей избавлю,
И жить вы будете в беде,
На черством хлебе и воде!
Забыв любовные объятья,
Носите нищенские платья.
И в виде нищенки убогой
Вы на кобыле хромоногой
Поскачете за мною вслед!
И вам домой возврата нет,
Тюка непрошеному гостю
Я не пересчитаю кости!..»
Благоразумию назло,
Он изрубил мечом седло,
Что в дни счастливые, бывало,
Коня Ешуты украшало...
И герцог рек: «Теперь — в погоню!
Я нечестивца урезоню!
Будь человек он иль дракон,
Зверь с огнедышащею пастью,
Я разорву его на части!»
Что ж. Слово герцога — закон...
И тут жена как зарыдает!
Не за себя она страдает;
Ей не себя — супруга жаль.
Ей тяжела его печаль.
Все претерпеть она готова
И даже рада умереть,
Чтоб ревностью жестокой впредь
Не мучить мужа дорогого!..
(И я с Ешуты грех снимаю,
Хотя прекрасно понимаю,
Что гнев всех женщин призову
На бедную свою главу.)

Меж тем, не зная ни о чем,
Герой спешит своим путем.
Кого в дороге он ни встретит,
С почтеньем юноша приветит:
«Моя возлюбленная мать
Мне так велела поступать!..»
В своем неведенье счастливом
Он скачет над крутым обрывом.
Вдруг женский голос слышит он.
Не голос, нет! Протяжный стон,
Вопль ужаса невероятный,
Плач о потере безвозвратной...
*Сигуна*⁵⁷ — то она была, —
Полубезумная, рвала
Свои распущенные косы...
Здесь содрогнулись бы утесы:
В ее объятиях труп лежал.
А безутешный голос звал:
«Мой князь! Мой *Шионатуландер!*⁵⁸
Свою Сигуну ты забыл!..»
«Кто друга вашего убил?»
«Орилу! Герцог де Лаландер!..»
Он молвил: «Да хранит вас бог!
Но чем, скажите, я бы мог
Помочь ужаснейшему горю?
Хотите, я коня пришпорю
И, где б то ни было, найду
Того, кто вам принес беду,
Чтоб с ним сразиться в поединке?
Не мне ль приказывала мать
В несчастье людям помогать
И чутким быть к любой слезинке?..»
...
Она сказала: «Мальчик мой,
Сколь дорог мне твой нрав прямой!
В себе соединяешь ты
Всю кротость детской доброты
С порывами бойца святыми!
Так назови свое мне имя,
Чтоб пожелать тебе удачи!..»
На это юноша сказал:
«*Von fils, cher fils, beau fils*»... Иначе
Меня никто не называл».
Сигуна сразу поняла,
Кого судьба к ней привела:
То имя было ей знакомо...
И все же наступает срок,
Чтобы с последующих строк
Горой наш звался по-иному...
«Твое прозвание — *Парциф аль!*⁵⁹
Оно в веках тебя прославит:
Насквозь врага пронзает сталь,
Насквозь любовь сердца буравит.
Узнай, потомок королей,
Что сердце матери твоей
Любовь к тебе избороздила.
Ах, так судьба определила,
Чтобы родитель твой — король
Принес отчаянье и боль
Ее душе, безмерно кроткой.
Без хвастовства тебе скажу:
Была мне Герцелойда теткой...
Отец твой — родом из Анжу,

Мать — валезийская испанка —
Тебе однажды жизнь дала
В прекраснейшем Конвалуа...
Но ведома ль тебе изнанка
Роскошной жизни королей:
Коварство, зависть — смерти злей.
Властитель славного Норгальса,
Узнай, что верный твой вассал —
Князь Шионатуландер пал
При обороне Кингривальса⁶⁰ —
Твоей столицы, где народ
Лишь твоего прихода ждет.
Два злобных рыцаря, два брата,
Жрецы насилия и разврата,
Тебе грозят... Из них один —
Надменный рыцарь Леелин,
Другой — Орилус знаменитый...
Здесь пред тобою — князь убитый.
Копьем Орилуса пронзен,
Ах, он при жизни был казнен
Моей холодностью чрезмерной.
Он нам обоим друг был верный.
Погиб он ради нас двоих...
Прости, несчастный мой жених!
Сколь рано ты со мной расстался!
Мне в женихи мертвец достался!
Самой мне умереть пора!..»
«О драгоценная сестра, —
Воскликнул мальчик потрясенный, —
Клянусь норгальскою короной,
Что заодно с тобой скорблю!
Я негодяев истреблю!
Они заплатят головою
За твой неутолимый плач!..
(Он был так молод, так горяч,
В нем чувство зрело боевое!)
Скажи мне, как найти их след?..»
Но, опасаясь новых бед,
Сигуна мальчика послала
На запад, а не на восток!
Где средь нехоженных дорог
Его бы смерть подстерегала.
По направленью на Бретань
Дорогой едет он мощеной.
Кругом — народ, куда ни глянь.
Купец и рыцарь, пеший, конный
Навстречу юноше спешат.
Он каждого приветить рад,
По материнскому совету
Стремясь душой к добру и свету...
Но вот и вечер наступил.
Наш мальчик выбился из сил.
Вдруг рядом хижину он видит.
Неужто мальчика обидит
Живущий в хижине рыбак?
Скажите, разве не пустяк —
Порой ненастною, вечерней,
Впустить озябшего в свой дом?..
Но никогда мы не пойдем
Жестоких нравов подлой черни!..
Рыбак кричит ему в ответ:
«Жди год, жди два, жди тридцать лет, —
Здесь не пожрешь на даровщину!

Уж не тебя ли, дурачину,
Я должен потчевать винишком?
Иль враг я собственным детишкам?
Весь век живя своим трудом,
Мы никому не подаем...
Но кто мне денежек подкинет,
Как лучший друг, мной будет принят.
Ну, доставай свой кошелек!..»
И тут наш юноша извлек
Кольцо божественной Ешуты.
Крестьянин ахнул: «*Фу-ты ну-ты!*»
И, весь дрожа, заговорил:
«Ах, чудо-мальчик! Как ты мил!
Вот уж красавец так красавец, —
Мечта прелестнейших красавиц,
Мой дом открыт тебе всегда!
Питье найдется и еда,
Перинка мягкая из пуха!..
А ну, готовь постель, старуха!..»
Наш друг сказал: «Я не шучу,
Тебе я щедро заплачу,
Уж больно есть и пить хочу я
И у тебя переночую.
А завтра, рано поутру,
Ты мне к Артурову двору
Дорогу верную покажешь».
«Все будет так, как ты прикажешь, —
Сказал рыбак. — Уж как-нибудь
Мне хорошо известен путь
К дворцу великого Артура...
Твой гордый взгляд, твоя фигура,
Речь, благородна и смела,
Как раз — для *Круглого стола!*»
И вот, часу примерно в пятом,
Наш мальчик, вместе с провожатым,
Спешит к Артуру во дворец...
*Гартман ф ол Ауэ,*⁶¹ ты, певец,
*Гиневре*⁶² верный и Артуру,
Прошу тебя: не вздумай сдуру
Обидеть друга моего!
Зря выражает торжество
Твоя ехидная улыбка.
Мой друг — не арфа и не скрипка,
Чтобы могли играть на нем!
Эй, Гартман! Не шути с огнем!
Не то я сам твою *Эниту*⁶³
И мать Эниты — *Карснаф иту*⁶⁴
При людях насмех подниму!
Хоть и слышу я острословом,
Но ранишь друга острым словом
Я не позволю никому!..
Но вот они въезжают в Нантес.⁶⁵
Рыбак сказал: «Вы тут останьтесь,
А мне — я сам тому не рад —
Никак нельзя в престольный град.
Того закон не позволяет.
По шее страж накомытляет
Иль кто другой намнет бока,
Едва увидит мужика.
Что ж... Ворочусь к своей хозяйке...»
Так скрылся с глаз простолюдин,
Рысцой поехал вдоль лужайки.

Дворцовых нравов он не знал,
Галантным не был кавалером,
И Карвеналь⁶⁶ не обучал
Его изысканным манерам.
Одежд он пышных не носил,
Не слыл любимчиком удачи
И в шутовском плаще трусил
На неуклюжей, тощей кляче.
(Да, не таким когда-то в свет
Вступал могучий Гамурет.)
Вдруг рыцарь перед ним возник,
Сияя, словно месяц ясный.
То был — скажу вам — *Итер Красный*,⁶⁷
Один из доблестных владык...
Явился он в доспехах алых,
На рыже-огненном коне.
Глаза горят. Лицо в огне.
Шишак — в рубинах и в кораллах.
Великолепный плащ на нем
Багровым светится огнем.
Как кровь, красно его копье.
Меч красной краскою покрашен
(Белеет только лезвие).
Прекрасен облик. Взор бесстрашен.
Что жаркий пламень, кудри рыжи...
Подъехав к юноше поближе,
Он на почтительный поклон
Поклоном дружеским ответил.
И тут, немало изумлен,
Наш путешественник заметил
В руке у рыцаря бокал,
Что красным золотом сверкал...
Неужто с Круглого стола
Рука предерзкая взяла
Бокал, украшенный портретом,
Пылавший ярко-красным цветом?
И рыцарь молвит: «Друг мой юный,
Видать, обласкан ты Фортуной
И самой чистою из жен
Для славных подвигов рожден.
О, как же ты красив и статен!
Ты будешь славен, будешь знатен,
Ты создан волею творца,
Чтоб, ранив женские сердца,
Их дивным исцелять бальзамом
В служении прекрасным дамам.
Любовь бурлит в крови твоей.
Сейчас ты въедешь в город сей
И явишься к Артуру вскоре...
Увы, я нахожусь с ним в ссоре:
Земля захвачена моя.
Так доложи ему, что я,
Его двоюродный племянник,
Судьбой обиженный изгнанник,
Готов к последнему суду.
Скажи, что я турнира жду,
Где будет назван победитель.
Нет, я не вор, не похититель
И не какой-нибудь беглец.
Придя к Артуру во дворец,
Схватил я этот кубок дядин.
Поверь, он не был мной украден.
Я этот кубок взял в залог,

Токуда не вернут мне землю.
Я приговор любой приемлю.
Но знай, — тому свидетель бог! —
Гиневре милой — о, проклятье! —
Случайно пролил я на платье
Из кубка красное вино...
Там было рыцарей полно,
И все, кто находились в зале,
Позор мой страшный наблюдали.
Вот чем душа уязвлена!..
Коль на меня обозлена
Прекраснейшая королева,
Скажи: нет повода для гнева.
Ее обидеть не хотел
Тот, чей столь горестен удел...
И все ж одно мне непонятно:
Ужели кубок свой обратно
Артур не хочет получить?
Так из чего ж он станет пить?
Неужто и на самом деле
Мужи Артура оробели
И не решаются со мной
Вступить сегодня в смертный бой
Во имя возвращенья кубка?
Мне тягостна сия уступка!..»
Узнав об этом приключенье,
Тотчас исполнить порученье
Наш добрый юноша решил
И въехать в город поспешил,
Чтоб встретиться с Великим Мужем...
За незнакомцем неуклюжим,
Крича, бежала детвора.
Почти из каждого двора
Народ валил на площадь валом,
Смеясь над бедным нашим мальчым.
Он сквозь толпу едва пробился.
Но тут пред мальчиком явился
Красавец юный — *Иванет*.⁶⁸
«Господь храни вас много лет!
Мне матушка моя велела
Любое доблестное дело
Таким приветом начинать.
Я рыцарем желаю стать
И только этим озабочен!
Поэтому прошу вас очень
Скорей кого-нибудь найти,
Кто б мог меня произвести
Немедля в рыцарское званье...
Как мне проникнуть в это здание,
К героям Круглого стола?
Скажите, вы из их числа?..»
Рек Иванет: «А ну, идем.
Сейчас мы, друг, с тобой найдем,
Кого ты ищешь не напрасно!»
И в зал, разубранный прекрасно,
Они вступили... За столом —
Гиневра рядом с королем
Средь знатных рыцарей сидела.
Наш мальчик, преступив порог,
Воскликнул: «Да хранит вас бог!
Так матушка моя велела
Приветить старших всякий раз...
Но все же: кто король среди вас?

Я доложить ему обязан,
Поскольку честным словом связан,
О бедном рыцаре одном.
Он взял у вас бокал с вином
И был бы рад любой расплате.
В турнир мечтает он вступить,
Свои владенья возратить, —
Хотя без умысла на платье
Гиневре он вино плеснул:
Он сам мне в этом присягнул,
Во всем доверившись, как другу...
Когда бы мне его кольчугу
Король великий подарил,
Я вас бы век благодарил!..»
...
Взглянув на юного глупца,
Король Артур, добрей отца,
Сказал: «Мой мальчик, я уверен,
Что ты героем стать намерен.
Мне по душе твой пылкий нрав.
Свою отвагу доказав,
Ты будешь рыцарем могучим.
Но мы сперва тебя научим
Любовь и Славу добывать...
Ну, а пока — не унывать!..»
Тут наш герой как разозлится:
«Ученье это год продлится!
А между тем для ратных дел
Я, говорят, давно созрел!»
Король смеется: «Не тревожься!
Ты, милый друг, всего добьешься...
Сама судьба к тебе добра.
Но потерпи хоть до утра —
И ты получишь снаряженье...»
«Как так?! — воскликнул в раздраженье
Мальчишка, выпятивши грудь. —
Не нищий я какой-нибудь,
Чтобы просить о подаенье.
Я только в красном одеянье
Хочу ходить, как рыцарь тот,
Что ожидает у ворот
Во всей своей красе и блеске...
А на обычные железки
Мне — слышите ли? — наплевать!
Моя возлюбленная мать
Мне и без вас подарит латы.
Мы с ней достаточно богаты:
Небось не нищенка она,
А королевская жена!»
Король ответил: «Ты не знаешь,
На чей ты панцирь посягаешь.
Ах, Красный Итер! Это он,
Кем я столь тяжко оскорблен.
Не я его владенья занял,
А он меня жестоко ранил,
Копьем вражды и клеветы
Пронзив кольчугу доброты.
О дерзкий, о строптивый витязь!»
«И вы, король, его боитесь,
Не смея у него забрать,
Что вам должно принадлежать?!»
Кей-сенешаль⁶⁹ шепнул Артуру:
«Клянусь, с него он спустит шкуру!..»

Мальчишка так и рвется в бой.
 Приемлем тут исход любой:
 Удачей дело обернется —
 Глядишь, и кубок к нам вернется,
 А если Итер победит,
 То нас никто не пристыдит:
 Ведь мальчик не из вашей свиты,
 Он не просил у вас защиты,
 Не вашим он снабжен мечом,
 И мы, выходит, ни при чем!..»
 Король сказал: «Пожалуй, верно,
 Что этот мальчик храбр безмерно.
 Но я за жизнь его страшусь
 И с неохотой соглашусь
 Его подвергнуть испытанью...»
 И вот к желанному ристанью
 Готовится наш юный друг...
 Толпятся рыцари вокруг,
 Ему давая наставленья.
 Зеваки праздные галдят.
 Из окон женщины глядят,
 Как в дни большого представленья.
 Меж тем как молодой и старый
 К дворцу спешат со всех сторон,
 Вдвоем выходят на балкон
 Гиневра с гордой *Куневарой*,⁷⁰
 Которая дала обет
 До самой смерти не смеяться,
 Коли не сможет повстречаться
 С героем, что на целый свет
 Себя прославит в ратном деле...
 Но лишь глаза ее узрели
 Мальчишку с дротиком в руке,
 В смешном, дурацком колпаке
 И в несурзном балахоне,
 Как тут же, стоя на балконе,
 Веселым смехом залилась
 Она, которая клялась
 Держаться строгого обета...
 Кей-сенешаль, увидев это,
 Схватил красавицу за косу:
 «Такая честь — молокососу?!
 Да это ж — рыцарству позор!..»
 И вдруг молчальник Антанор,
 Тот, что связал себя обетом,
 Поклявшись перед целым светом,
 Вовек не раскрывать свои рот,
 Покуда смех не разберет
 Прелестнейшую Куневару,
 Подпрыгнув, словно от удара,
 Вскричал: «Запомни, сенешаль,
 Ты не уйдешь от страшной кары!
 Два брата есть у Куневары!
 (Все это слышит Парцифаль.)
 Лаландер вместе с Леелином,
 Как должно истинным мужчинам,
 Тебе отплатят за сестру!..»
 «Я в порошок тебя сотру!» —
 Воскликнул Кей... Набравшись духу,
 Он Антанору оплеуху
 Влепил, нисколько не стыдясь
 Свидетелей постыдной сцены...
 (Мы распознаем постепенно

Разрозненных событий связь...)
 . . . . .
 Меж тем у городских ворот
 Ждет поединка Итер Красный,
 Еще не зная, сколь ужасный
 Вдруг дело примет оборот.
 Не видно рыцарей покуда...
 Но что такое? Что за чудо?
 Взамен достойного бойца
 Того зеленого юнца
 Он замечает в отдаленье —
 И скрыть не может удивленья...
 . . . . .
 И вот промолвил Парцифаль:
 «Ах, славный рыцарь, мне вас жаль.
 Готов поклясться небесами:
 Никто не смеет драться с вами,
 Возможно, за нехваткой сил.
 Я их уламывал, просил,
 Все говорил, что вы велели:
 Насчет злосчастливого вина
 И что не ваша в том вина,
 Что вы обидеть не хотели
 Гиневру дерзостным поступком
 (Я рассказал про случай с кубком), —
 Все тщетно... Отменен турнир.
 Артур предпочитает мир.
 Притом — отнюдь не для потехи —
 Он ваши дарит мне доспехи.
 Как эти латы я надену,
 Так стану рыцарем мгновенно...
 Поторопитесь! Я спешу
 И вас покорнейше прошу
 Отдать мне ваше снаряжение,
 Здесь неуместны возраженья!..»
 «Ах, вот о чем Артур хлопочет!
 Скажи, в придачу он не хочет
 Тебе и жизнь мою отдать?
 И все ж придется подождать.
 Оставь напрасную надежду
 И береги свою одежду:
 Такой наряд как раз к лицу
 Столь безрассудному глупцу!»
 . . . . .
 Воскликнул Гамуретов сын:
 «Не ты ли — злобный Леелин?
 Мне мать однажды говорила,
 Что наши земли разорила
 Рать беспощадная твоя.
 А ну, меня попробуй тронь-ка!..»
 Тогда тупым концом копья
 Князь дурачка толкнул легонько
 (Мальчишке не желая зла,
 А так, чтоб даром не хвалился)...
 Наш дуралей с коня свалился,
 Из носа кровь ручьем текла...
 Что стало дальше с глупым малым?..
 Охвачен гневом небывалым,
 Он в тот же миг поднялся вновь,
 Рукою утирая кровь,
 И дротик свой метнул столь метко,
 Что в глаз противнику попал.

И рыцарь на землю упал,
 Как с дерева срезанная ветка.
 . . . . .
 Да, смертным холодом сковало
 Героя павшего уста...
 Итак, сбылась твоя мечта!
 Сними с убитого забрало
 И латы красные его,
 Не опасаясь ничего.
 И меч возьми, и драгоценный
 Шлем с этой бедной головой:
 В нем не нуждается — увы —
 Кукумберландец убиенный.
 Чего ж ты медлишь, Парцифаль?
 Ужель гнетет тебя печаль?
 Неужто, выиграв сраженье,
 Ты взять не хочешь снаряженье
 Тобой убитого бойца?
 Или страшишься мертвеца
 Ты, славный отпрыск Гамурета?
 Иль навыка не приобрел?..
 «Сильнейшего ты поборол! —
 Раздался голос Иванета. —
 Здесь все тебе принадлежит:
 Его копье, и меч, и щит,
 И этот конь, и эти латы!..»
 Он обнял юношу, как брата,
 И снаряженье снял тотчас —
 От наколенников до шлема —
 С того, чей гордый дух угас
 И чьи уста навеки немы.
 (Пусть безутешных женщин стон
 К нам долетит со всех сторон...)
 . . . . .
 «Теперь снимай свою хламиду! —
 Промолвил юный Иванет. —
 Ты не по-рыцарски одет
 И просто шут бродячий с виду!..»
 Наш мальчик не без огорченья
 Внимал словам нравоученья:
 «Одежду, что дала мне мать,
 Я и не думаю снимать!
 Доспехов мне любых дороже —
 Пусть что угодно говорят —
 Дурацкий, ветхий сей наряд
 И туфли из телячьей кожи!..»
 И Парцифаль надел впервые
 Стальные латы боевые,
 Сей символ доблести мужской,
 Поверх одежды шутовской.
 Затем уселся он картинно
 На благородного коня
 (О, несравненная картина!)
 И молвил: «Выслушай меня,
 Друг Иванет. Сейчас свершилось
 Все то, что мне сыздетства снилось:
 Долг рыцаря исполнен мной.
 Но — господи! — какой ценой!..
 Артуру доброму с приветом
 Вручи украшенный портретом
 Сей драгоценнейший бокал.

Скажи: не славы я искал.
Иные чувства — честь и вера —
Мою обуревали грудь.
Но заклиная: не забудь
Злодейских козней лицемера!
Да внемлет жалобе моей
Светлейший среди королей,
И не избегнет страшной кары
Обидчик бедной Куневары.
Поверь: ее внезапный смех
Мне как бы предвещал успех.
Зачем же царедворец дерзкий
Свершил поступок свой премерзкий?
За что презренный этот пес
Удар невинному нанес?
(Я разумею Антанора...)
Не знаю, скоро иль не скоро,
По отомщение грядет.
Всему на свете свой черед...
Однако мне пора в дорогу.
Прощай. Господь тебя храни!..»
И на прощание они
Смирненно помолились богу.

Где Парцифаль? Простыл и след.
Уже он скрылся за горою...
А тело павшего героя
Покрывл цветами Иванет,
И по законам здешних мест
Соорудить решил он крест,
Всем видимый издалека:
Злосчастный дротик Парцифала
И поперечная доска
Сей скорбный крест изображали...
Он в Нантес возвратился вскоре.
Король Артур в великом горе
Воспринял юноши доклад.
Рыдали дружно стар и млад,
И всех окутал мрак могильный...
Господь, помилуй и прости!..
Артур велел перенести
Убитого в свой склеп фамильный.
И сам, как говорит преданье,
Присутствовал при отпеванье...

Должно быть, Итеру назло,
И впрямь затмение нашло
На молодого Парцифала.
Иначе, думаю, едва ли
Ввязался б он в столь дикий спор,
А Итер жил бы до сих пор.

Наш глупый мальчик в это время
Стремится вдаль своим путем.
Он не жалеет ни о чем.
Его не давит скорби бремя.
Кастильский конь его удал,
Испытан в зное он и в стуже,
Необычайно резв к тому же...
На третьи сутки увидал
Наш дурень крепостные башни:
«Ужель на королевской пашне

Такие крепости растут?
И для чего их сеют тут?..»
Вопрос был глуп, смешон, наивен,
Но дивный град был вправду дивен:
Там башни гордые росли,
Казалось, прямо из земли.
Князь Гурнеманц⁷¹ сим градом правил.
Вершитель многих громких дел,
Под сенью липы он сидел
И вдаль суровый взгляд уставил.
Вдруг видит: всадник перед ним,
Весьма похожий на ребенка.
«Будь, старче, господом храним! —
Сей незнакомец крикнул звонко. —
Моя возлюбленная мать
Мне старших привечать велела
И ради праведного дела
Советы их перенимать».
«Что ж, — князь промолвил. — В добрый

час!
Ты здесь желанный гость у нас.
В какое ни войдешь жилище —
Ни в чем тебе отказа нет.
Но, думаю, мужской совет
Тебе всего нужней, дружнице!..
Притом, надеюсь, мой урок
Ты не воспримешь как упрек...»
И в тот же миг с его ладони
Взмыл, колокольчиком трезвоня,
Ученый сокол, устремясь
В столицу, коей правил князь.
И, внемля дивному посланцу,
Сбежались к князю Гурнеманцу
Его покорные пажы.
«Князь! Что угодно, прикажи!»
И слышат княжеское слово:
«Примите гостя дорогого.
Его ко мне введите в дом,
Где позаботятся о нем!..»
Немедля к городским воротам
Мальчишку глупого с почетом
Сопроводил военный строй.
Так что ж он сделал, наш герой,
Прибывши к месту назначения?
Не обошлось без приключенья...
Ему стараются помочь
Сойти с коня, а он им: «Трочь!
Я, ставши рыцарем законным,
Обязан оставаться конным.
С коня не смеет рыцарь слезть,
Иначе он утратит честь...
Но матушка моя велела
От всей души приветить вас...»
(Толпа вокруг остолбенела:
Где парень разум порастряс?)
Но снять пора бы снаряженье...
В ответ тотчас же — возраженье:
«Нет! Я свой панцирь не сниму!»
«Что с вами, рыцарь? Почему?»
Когда ж его уговорили,
Под красным панцирем открыли
Шута бродячего наряд...

Князь, воротаясь в столичный град,
Велел пришельца вымыть в бане.
Э! Гость-то прямо с поля брани:
Кровоподтек, два синяка...
И вот по приказанью князя
Бинтом с целительною мазью
Перевязали бедняка...
Однако же пора обедать.
«Чего изволите отведать?..»
Тут гость за стол без споров сел:
Он ведь с тех пор не пил, не ел,
Как в доме рыбака скрывался.
Теперь он до еды дорвался.
Ужасный голод утолял,
А князь ему все подбавлял —
Вино да жирное жаркое...
«Друг, вы нуждаетесь в покое, —
Промолвил князь. — Хотите спать?»
«Моя возлюбленная мать, —
Сказал юнец опять некстати, —
Поди, давным-давно в кровати».
Князь усмехнулся: да, простак...
И молвил: «Спите, коли так».

До полдня крепко спал наш соня,
Затем протер глаза спросонья,
Вскочил, увидел пред собой
На дивной ткани голубой
(Знак величайшего приятья) —
Подаренное князем платье:
То бишь, камзол расцветки алой,
Пошитый с роскошью немалой,
Штаны, а также пояс к ним
С отливом красно-золотым
И чудо-плащ, снегов белей,
С отделкою из соболей...
Восстав с постели, гость умылся,
В наряд свой новый облачился,
Всех живших в крепости смутив:
Он был воистину красив!
Тут вышел князь. «Ну, как вы спали?
Я видел, вы вчера устали.
Однако нам пора пойти
Молитву богу вознести».
И князь в часовню с гостем входит,
Где очи к небесам возводит
Служитель божий — капеллан...
С тех пор молитвы христиан
И христианские обряды
Герой усвоил навсегда,
О чем мы вам поведать рады...
Меж тем роскошная еда
И дорогие вина ждали
Прибывшего в дубовом зале...
Во время трапезы старик
Спросил мальчишку напрямик,
Кто он таков, откуда родом,
Каким владеет он доходом.
И Парцифаль ему, конечно,
Все рассказал чистосердечно:
О Герцелойде и родной

Далекой стороне лесной.
 Не позабыл и той минуты,
 Когда он взял кольцо Ешуты,
 Сигуну вспомнил, а потом,
 Как он за Круглым был столом
 У короля Артура в Нанте,
 И под конец не умолчал
 О воинском своем таланте:
 О том, как Красный Итер пал...
 И князь при этом прослезился.
 Он гостя в сторону отвел
 И рек: «Столь дивно ты расцвел,
 Сколь и чудесно ты родился!
 Ты славным рыцарем растешь
 Под знаком божьей благодати,
 Но иногда ты, рыцарь, все ж
 Глупее малого дитяти.
 Чти память матери, но, боже,
 Мужчине, рыцарю, негоже
 На каждом слове вспоминать,
 Чему его учила мать.
 Нет, до своих последних дней
 Ты думай с трепетом о ней,
 Но этот трепет спрячь глубоко,
 Иначе высмеет жестоко
 Тебя презренная толпа,
 Что беспощадна и тупа...»
 И мальчик понял: старец прав.
 А тот, немного переждав,
 Свою продолжил дальше речь:
 «Стремись священный стыд сберечь,
 Знай: без священного стыда
 Душа — как птица без гнезда,
 Лишенная к тому же крыл...»
 И далее проговорил:
 «Будь милосерд и справедлив,
 К чужим ошибкам терпелив
 И помни всюду и везде:
 Не оставляй людей в беде.
 Спеши, спеши на помощь к ним,
 К тем, кто обижен и гоним,
 Навек спознавшись с состраданием,
 Как с первым рыцарским даянием...
 Господне ждет благодаренье,
 Кто воспитал в себе смиренность!..
 Умерен будь! Сколь славен тот,
 Кто и не скряга и не мот!..
 С вопросами соваться бойся,
 А вопрошающим — откройся.
 При этом никогда не ври:
 Спросили — правду говори!..
 Вступая в бой, сомкни, мой милый,
 Великодушье с твердой силой!..
 Не смей, коль совесть дорога,
 Топтать лежачего врага,
 И если он тебе сдается,
 То и живым пусть остается!
 Ему поверив на слово,
 Ты отпусти несчастного!..
 Поверженных не обижай!..
 Чужие нравы уважай!
 Учись, мой рыцарь, с юных лет
 Блюсти дворцовый этикет,

А также рыцарский устав!..
 Вернувшись с боя, панцирь сняв,
 Умойся с тщанием, чтоб грязь
 От ржавчины не завелась!..
 Прекрасным женщинам служи!..
 Любя, в любви убойся лжи!..»
 С волнением Парцифаль внимал
 И молча, молча вспоминал
 Мать, о которой на чужбине
 Вслух говорить не мог отныне!..
 . . . . .
 Затем отвесил старцу он
 В знак благодарности поклон:
 Урок был добрый им получен...
 Рек Гурнеманц: «Ты неразлучен,
 Сдается мне, с копьем своим?
 Но как же ты владеешь им?
 А щит как держишь? Нет, по мне,
 Висел бы он лучше на стене!»
 И старый князь воскликнул: «Ну-ка!
 Сейчас поймешь ты, что есть — наука!
 На плац! За мной! Сзывайте всех!
 Вперед! Борись за свой успех!..»
 . . . . .
 Наш Парцифаль сражался браво:
 Колол налево и направо.
 В нем, чья рука копьё метала,
 Кровь Гамурета всклокотала,
 И признан был в конце концов
 Он самым сильным среди бойцов.
 . . . . .
 И люди на него глядели.
 И вот уже в толпе галдели,
 Что рыцарь, посетивший их,
 И есть желаннейший жених...
 Заметим: дочь была у старца.
 Сия жемчужина Грагарца,
 Как майский день, нежна была.
 Увы! Одна она росла.
 Ее три брата в битвах пали.⁷²
 Красавицу Лиасой звали...
 . . . . .
 В Грагарце славном, в самом деле,
 Наш странник прожил две недели.
 Как бедную Лиасу жаль!
 Ее любимой Парцифаль
 В Грагарце с нею не останется,
 Он к новым похождениям тянется,
 К неведомым событиям.
 Супругами не быть им!
 Он ощущает странный зов,
 Идущий прямо с облаков,
 Зов, полный обещастья...
 Так пробил час прощанья.
 . . . . .
 О, горемычная судьбина!
 И Гурнеманц, свой рок кляня,
 Воскликнул: «Знай, сегодня я
 Четвертого теряю сына!..»
 . . . . .
 Но Парцифаль сказал: «Лиаса,
 Не плачь и жди иного часа,

И коль того захочет рок,
 Я вновь вступлю на сей порог,
 Но не с поникшей головою,
 А рыцарства всего главою!
 Я имя господя прославлю,
 Христово рыцарство возглавлю,
 И лишь тогда на тебе женюсь,
 Если таким я сюда вернусь!..»
 ...Князь обнял дорогого гостя,
 И слезы полились из глаз:
 «В четвертый раз бросаю кость я,
 Чтоб проиграть в четвертый раз!..»

IV

И дальше скачет Парцифаль,
 На душе его печаль, —
 Пусть добрый им урок получен,
 Пусть правилам рыцарским он обучен,
 Грызет и жмет его тоска,
 Земная ширь ему узка,
 А узкое широким кажется...
 Одно с другим у него не вяжется.
 Как все черно, серо вокруг! —
 Меж тем пред ним зеленый луг.
 В свой красный панцирь он одет,
 Однако видит белый цвет
 Заместо красного: то разум
 Находится в разладе с глазом.
 Сейчас герою моему
 Все в целом мире ни к чему.
 Любовь его томит, и в этом,
 Бесспорно, схож он с Гамуретом...
 Не зная сам, куда он едет,
 Одним живет, одним он бредит —
 Своею златовласой,
 Прекрасною Лиасой...
 Сквозь чащу путь его пролег.
 Спасибо, конь хоть быстройног
 И, видно, так дорогу чует,
 Что здесь, в лесу, не заночует
 Седок, покинувший Грагарц...
 . . . . .
 И под вечер в страну Бробарц⁷³
 Въезжает рыцарь благородный.
 Там, над рекою полноводной,
 Встал град престольный Пельрапер.⁷⁴
 (Покойный ныне Тампентер⁷⁵
 Был королем весьма достойным.
 Вослед за тем как умер он,
 Вступила дочь его на трон,
 Оставленный отцом покойным...)
 Переполох в престольном граде:
 Враги теснят, народ в осаде,
 Притом — еще одна беда:
 Так поднялась в реке вода,
 Что всех погубит наводнение.
 Надежда лишь на провиденье.
 Молясь спасителю Христу,
 Вскачь по висячему мосту
 Герой спешит, ведомый роком,
 Над взбаламученным потоком...
 Вода, ярясь, как зверь, рычала,

Шальная буря мост качала,
И он на самом деле
Напоминал качели —
Знакомый всем предмет игры
Неугомонной детворы,
Летающий вниз, летающий вверх...
Но этот мост был слишком ветх,
И слишком стар, сплетен из веток,
И создан вовсе не для деток...
Да, бушевал и выл поток,
Но стольный град уж недалек,
И над пучиной буйных вод
Герой наш движется вперед
К правобережным скалам,
Исхлестан ветром шальным...
Но вдруг он видит незнакомых
Бойцов в привязанных шеломах,
Числом примерно в шестьдесят.
«Эй! Стой! — кричат. — Нельзя! Назад!»
Приняв за короля *Кламида*⁷⁶
Героя нашего, что с вида
И впрямь казался королем...
Крик. Лязг мечей. И тут с конем
Случилось нечто. Все видали:
Уперся конь, ни шагу дале.
Дрожа, ушами он прядает,
Храпит, копытом об землю бьет...
Тут *Парцифаль* с коня слезает
И под уздцы его ведет...
Охрану словно бы стряхнуло!
Изрядно воинство струхнуло,
Решил: король непобедим,
Уж верно, рать идет за ним.
(Сие смекнул начальник стражи
И — в город! Стражники — туда же!...)
Так *Парцифаль* защитный вал
Благополучно миновал.
Вот он в железные ворота
Стучит, гремя дверным кольцом:
«Открой!..» С испуганным лицом
В оконце появился кто-то.
И девушка, тонка, бела,
Словами за сердце хватает:
«Коль нам желаете вы зла,
Нам и без вас его хватает!»
И *Парцифаль* вскричал в ответ:
«Желаете зла?! Поверьте — нет!
Своими докажу делами,
Что всей душой жалею вас,
А также то, что здесь, сейчас,
Слуга ваш верный перед вами!..»
Речь незнакомца услышав,
Бежит привратница стремглав
К королеве во дворец
Поведать, что настал конец
Их бедам и невзгодам
С чудесного юнца приходом —
Венцом Христовой доброты...
И вот ворота отперты,
И в город *Парцифаль* въезжает...
Юное сердце его поражает
Вид этих улиц, этих лиц.

Здесь нет страданиям границ...
Взвалив оружие на спины,
Бредут усталые мужчины,
Защитники родной страны.
Их жены, словно смерть, бледны
И малые их дети тают...
Людей от голода шатает:
Все перерезаны пути,
И крошки хлеба не найти.
И нет ни мяса там, ни сыра.
(Губами, что не знают жира,
На чаше с влагой никогда
Вы не оставите следа...)
О, эти немощные рты!
О, втянутые животы!
О, женщин высохшие груди!
Какую муку терпят люди!..
О, желтая на лицах кожа
(Что на мадыарскую похожа⁷⁷)!
О, складки скорбные морщин!..
И женщин жаль... И жаль мужчин...
Но я-то что о них радею?
В том доме, коим я владею,
Где я хозяином зовусь,
Где, не спросясь, за стол сажусь,
Мышам приходится несладко.
На что их воровская хватка,
И ловкость, и проворство их,
Коль пусто в наших кладовых
И поживиться нечем?.. Я же,
Хоть не кормлюсь посредством кражи
И в кухню запросто вхожу,
Сам иногда не нахожу
Чего-либо съестного.
И в том даю вам слово,
Что часто голодает, ах...
Кто?.. Я! *Вольфрам фон Эшенбах!*
И так прознали жители
О молодом воителе,
Который прибыл в город к ним,
Ниспослан господом самим
И вновь надежда ожила
В них, чья судьба столь тяжела...
С большими почестями он
Был к королеве приведен,
К прекраснейшей *Кондвиратур*...⁷⁸
Возвышеннейшая из натур,
Она, безмерно справедлива,
Была божественно красива,
Столь величава, столь мила —
*Изольд*⁷⁹ обеих превзошла,
Столь красотой знаменита,
Что *Куневара* и *Энита*,
И все красавицы земли
С ней состязаться не могли...
На рыцаря она взглянула,
Ему приветственно кивнула,
А тот, застыв, молчит... Она
Удивлена, уязвлена.

Ее смущенью нет предела.
«Ужель свое свершили дело
Злосчастный голод и усталость?
И ничего уж не осталось
От прежней красоты моей?..
Мертвы ланиты без румянца...»
Слова запомнив *Гурнеманца*,
Молчит наш рыцарь перед ней.
(Нам с вами, стало быть, известно:
Герой решил не забывать
Совет, что рыцарю неместно
Вопросы первым задавать...
Итак, понявши, в чем причина,
К рассказу вновь перехожу...)
Сопровождали госпожу
Два седовласых паладина...
Она подумала: «Ну, что ж,
Ты вправду молод и хорош,
Однако все молчать изволишь.
Молчи... Но ты здесь гость всего лишь,
А я хозяйка. Значит, я,
Обычай рыцарский храня,
Тебе свою оказываю милость,
В уста тебя поцеловав,
В сознание королевских прав...»
И как ей вздумалось, так и случилось.
Затем промолвила она:
«Мой рыцарь, я спросить должна:
Откуда прибыли, и кто вы,
И нам ли вы служить готовы?..»
«*Владычица*, еще сегодня
С тем, кто всех в мире благородней,
Я распрощался... Доложу,
Что из *Грагарца* путь держу.
Князь *Гурнеманц Грагарцем* правит.
Разлука с ним мне душу давит.
Однако, волю дав слезам,
Ушел я странствовать... И к вам
Был занесен самой судьбою...
Я счастлив вашим стать слугою!..»
И, пораженная немало,
Кондвиратур ему внимала.
«Сейчас мне, рыцарь, не до шуток!
В пути вы не были и дня,
А от *Грагарца* до меня
По меньшей мере трое суток!..
Но расскажите, бога ради,
Как там *Лиаса*? Что — мой дядя?
Князь *Гурнеманц* достойный —
Брат матери моей покойной.
Вы разве этого не знали?..»
И *Парцифаль* ответил ей:
«Князь *Гурнеманц* в большой печали.
Трех потерял он сыновей...»
«Ах, за меня они сражались!
Я над убийцею не сжалюсь!
Коварство короля *Кламида*
Мной не простится никогда,
Поскольку тяжела беда,
Но трижды тяжелей обида!..
А вас я с радостью приму.
Вы, поступив ко мне на службу,

Могли бы дружбою на дружбу
 Ответить дяде моему.
 Наш край в несчастье пребывает:
 К нам провиант не прибывает,
 И хлеба, сыра, мяса
 Кончаются запасы...
 Кламидов сенешаль Кингрун⁸⁰
 Наш город задушил осадой,
 И каждый, стар он или юн,
 Простился мысленно с пощадой.
 Здесь умереть любой готов,
 Но в рабстве жить нам нет охоты...»
 «Примите дюжину хлебов
 От дяди вашего Кийота,⁸¹ —
 Промолвил старый паладин. —
 Пусть поубавят ваши муки
 Бочонки сих заморских вин
 Да и окорока. Три штуки...»
 Подобный же подарок шлет
 Другой сородич — Манф илот.⁸²
 . . . . .
 Но Парцифаль, гласят преданья,
 Просил распределить даянья
 Средь голодающих людей,
 Оставивши себе и ей
 Всего лишь тонкий ломтик хлеба...
 И пусть благословит их небо!..
 Людьями полученный припас
 Хоть скуден был, но многих спас.
 Однако, всем на горе,
 И он был съеден вскоре...
 Народ в могилу погружался...
 Один лишь Парцифаль держался
 Сил у него хватало
 Жить... Жить во что б ни стало!
 . . . . .
 Теперь пора бы рассказать,
 Как Парцифаль улегся спать.
 Быть может, на соломе
 Уснул безвестный дворянин?
 Нет! На мягчайшей из перпн
 У королевы в доме!
 Сиянье свеч слепило взор,
 И драгоценнейший ковер,
 Что королевой послан,
 Был на полу разостлан.
 Он рыцарей отправил прочь...
 Слуга спешит ему помочь
 Разлечься, расстегнуться,
 Раздеться и разуться...
 Но вскорости проснулся он
 Затем, что сладкий этот сон
 Был прерван чьим-то плачем —
 Потоком слез горячим...
 Тут происходит то, о чем
 Мы честный разговор начнем...
 Прелестную Кондвирамур
 Вел к Парцифалю не Амур.
 Она блюла свой стыд девичий,
 Не собираясь стать добычей
 Злокозненной игры страстей...
 Был в полной мере ведом ей
 Священный трепет пред границей

Между женою и девицей.
 И к Парцифалю дева шла
 С надеждою, что в нем нашла,
 Не пошатнув законов девства,
 Оплот, защиту королевства.
 Не муж сейчас ей нужен! Нет!
 Мужской ей надобен совет.
 За свой народ она просила,
 Чтобы влилась мужская сила
 В его слабеющую кровь...
 И что ей страсти! Что любви!..
 Она идет походкой смелой
 В одной сорочке тонкой, белой,
 И это ей — вернейший щит,
 Что от бесчестья защитит...
 Она служанок отпустила,
 Тихонько в комнату вступила,
 Сама пылая, как костер,
 И опустилась на ковер,
 Рыданьем спящего тревожа,
 Встав на колени подле ложа...
 . . . . .
 Он пробудился — сон долой.
 «Вы на коленях? Предо мной?
 Стоять коленапреклоненной
 Возможно лишь перед Мадонной
 Да перед господом Христом
 Или во храме пред крестом.
 Я был бы счастлив, если б сели
 Вы хоть на край моей постели...»
 . . . . .
 И дева молвила тогда:
 «Мой друг, лишь крайняя нужда
 Мне обратиться к вам велела...»
 Так вник наш рыцарь в сущность дела...
 «Едва скончался мой отец,
 Кламид пытался под венец
 Меня насильно повести...
 Я пытки адские снести
 Была скорей готова,
 Чем выйти за такого
 Злодея, зверя, подлеча.
 Отдать ему престол отца?!
 Я, не моргнув и глазом,
 Ответила отказом...
 . . . . .
 Тут он мне объявил войну
 И разорил мою страну,
 И сенешаль его с ним вместе
 Творят кровавые бесчестья.
 Ах, нет надежды никакой —
 На вечный разве что покой...
 В тисках отчаянья и гнева
 Я погибаю, видит бог...»
 «Но чем, скажите, я бы мог
 Полезным быть вам, королева?...»
 . . . . .
 И, посмотрев на Парцифалю,
 Она промолвила, моля:
 «Избавьте нас от короля
 И мерзостного сенешаля!..
 Отпор противнику утроив,
 Я лучших хороню героев.

Но, нашу не осилив рать,
 Он мнит меня измором взять
 И этот город осаждает.
 Кондвирамур, он рассуждает,
 Уступит!.. Радуйся, жених!..
 Но лучше с башен крепостных
 Всех нас пусть сбросят в ров бездонный,
 Чем сделкой, якобы законной,
 Скреплю бесчестье и позор!..»
 К ней руки Парцифаль простер:
 «Мне все равно, — он говорит, —
 Кто сей Кингрун, француз иль брит,
 Какого он происхождения, —
 Ему не будет снисхожденья!
 Я призову его к суду,
 С дороги правой не сойду
 И стану вам служить всей силой,
 Безропотно служить, пока
 Удержит меч моя рука
 Иль сам не буду взят могилой!..
 Кончалась ночь, забрезжил день,
 Когда неслышная, как тень,
 Она ушла без промедленья,
 Исполненная умиленья
 И благодарности к нему,
 К Парцифалю моему,
 С которого весь сон согнало.
 А солнце между тем вставало
 И зажигало небосклон.
 И мерный колокольный звон
 На башне зазвучал соборной,
 Скликая в храм народ упорный
 Сквозь дыма черную завесу
 На утреннюю мессу.
 И наш герой вступает в храм,
 Где, обращаясь к небесам,
 Народ святую молит деву
 Спасти их край, их королеву.
 И тотчас повелел герой:
 «Оружье мне! И панцирь мой!»
 Святая жажда стали
 Проснувшись в Парцифале.
 Едва он сжал копьё в руке,
 Как показались вдалеке,
 Без права и закона,
 Кламидовы знамена.
 Вновь супротивник наседал,
 Всех впереди Кингрун скакал...
 Но посмотрите, кто там
 Помчался к городским воротам?
 Воспрянь, несчастная земля!
 Сын Гамурета-короля
 Спешит на поле брани.
 Молитесь, горожане,
 За вашего спасителя,
 Христовой доброты носителя!..
 Итак, мы видим Парцифалю,
 Летящего на сенешаля.
 Их кони вздыбились... С натуги
 На брюхе лопнули подпруги.
 Что ж. Верно, суждено обоим
 Довольствоваться пешим боем.
 И лязгнули мечи... Причем

Впервые действовать мечом
Герою выпало сегодня.
(О, тайна промысла господня!..)
. . . . .
Они сражались горячо.
Кингруну Парцифаль плечо
Насквозь пронзил с наскока
И наказал его жестоко:
Из раны кровь рекой течет.
Сколь прежний призрачен почет!
(Лишь оставаясь невредимым,
Слыл сенешаль непобедимым,
И тем он славу приобрел,
Что шестерых он поборол
Единственным ударом...)
Все это прах теперь! Все даром!
Кингрун от потрясения нем.
Какой позор! Изрублен шлем,
И с головою обнаженной
Лежит он раненный, сраженный.
Нет, честь былую не вернуть!
Встал Парцифаль ему на грудь.
Кингрун, признавши поражение,
Героя просит в униженье
Его, презренного, спасти.
Он, дескать, счастлив перейти
К такому рыцарю на службу,
Он явит преданность и дружбу,
Пусть Парцифаль его поймет,
К себе пускай его наймет...
На то последовал отказ.
«Пошлю я к Гурнеманцу вас.
Ему на верность присягнете
И этим честь себе вернете!»
«Нет, — молвил сенешаль-злодей, —
Уж лучше ты меня убей!
Я — страшных мук его причина,
Казнил его старшого сына!»
Рек Парцифаль в немалом гневе:
«Так присягните королеве,
С Кламидом навсегда порвав!»
«О, сколь мой победитель прав!
Но буду ль принят здесь? Едва ли.
Меня бы люди разорвали
В куски за то, что столько слез
Я краю этому принес!..»
Какое тут принять решение,
Когда одни лишь прегрешенья
В сей жизни сенешаль свершил?
И все же Парцифаль решил:
«Вы станете служить одной
Прекрасной даме, чтимой мной.
Ее обидели ужасно
Из-за меня... И громогласно
Вы скажете, явившись к ней,
Что в мыслях до скончанья дней
Я не расстанусь с Куневарой,
Что жаркий пламень мести ярой
В груди не только не угас,
А все сильнее каждый час.
Отмщение настанет!
Скажите, не устанет
Он, Парцифаль, мечтать о ней,

Которую обидел Кей.
И помните: я вам велю
Служить Артуру-королю.
Его не покидайте,
Поклон мой низкий передайте.
Вовеки слава и хвала
Героям Круглого стола!..»
Так, покоровшись новой доле,
Кингрун печально съехал с поля.
. . . . .
И вражи отошли войска,
Понявши, что наверняка
Взять город не придется:
Они — без полководца!..
. . . . .
А Парцифаль спешит назад
К Кондвирамур в престольный град,
Где слух прошел среди горожан,
Мол, властелин нам богом дан,
Какого сроду мы не знали.
Он словно выкован из стали,
А сердцем добр и справедлив,
При этом молод и красив,
И ясно всем без спора:
Сыграют свадьбу скоро!..
Меж тем Кондвирамур сама
От Парцифала без ума
И говорит народу:
«Глядели вы, как в воду.
Скажу вам без обману:
Его женой я стану.
Лишь он моя отрада,
И нам другого короля не надо!..»
И при всеобщем ликованье
Не поскупилась на лобзанье,
Героя крепко обняла,
Она доспехи с него сняла,
Омыла ключевой водою
Да угостила бы едою,
Но в городе на самом деле
Давно уж все припасы съели...
Нет хлеба и для короля!..
Вдруг два чудесных корабля
С коричневыми парусами
Под пасмурными небесами
Ко берегу буря принесла.
Людей господня длань спасла.
На кораблях — бесценный груз:
Питье, еда на всякий вкус.
Тут весь народ, и стар и мал,
Толпою в гавань побежал,
И все страшны были собой,
Все поражали худобой,
Как лист осенний невесомы,
Как ветром, голодом несомы.
Кричали все: «Еда! Еда!..»
И приключилась бы беда,
Когда бы маршал престарелый,
В таких делах понаторелый,
Не оградил в конце концов
От разграбления купцов,
А корабли от разоренья.

Он, с целью умиротворенья,
Купцам явиться повелел
К тому, кто городом владел...
Стоят купцы пред Парцифалем:
«Как буря стихнет, мы отчалим».
А он им говорит: «Ну, что ж.
Слыхать, товар у вас хорош.
Весь груз за три цены скупаю!..»
Эх, вот душа-то нескупая!
. . . . .
Народ он щедро угощал.
Тем, кто особо отощал,
Велел он есть помалу —
Отнюдь не до отвалу,
А чтоб у этих горемык
Сперва желудок попривык,
Пред тем как стать набитым,
К кушаньям забытым...
Но вот пора ложиться спать...
«Вы с королевою в кровать
Совместно нынче ляжете?
Двоим стелить прикажете?»
Жених с невестой молвят: «Да...»
Ночная вспыхнула звезда...
С задумчивым и чистым взглядом
Лежит он с королевой рядом,
Лежит, почти не шевелясь
И прикоснуться к ней боясь.
При всем своем очарованье
Он вызвал бы негодование
И озлобление многих дам,
Что часто беспощадны к нам,
Своим любовникам желанным:
Прибегнув к способам обманым,
Притворно молят нас: «Не тронь!»
Чтоб пуще в нас разжечь огонь...
Они нас нежат да голубят
И, ненасытные, нас губят,
Упав любовнику на грудь,
Полночи не дают уснуть...
Нет в этом чувстве настоящего!..
Кто любит, любит ненавязчиво,
И я еще открою вам
Приметы благородных дам...
Любезен им с извечных пор
Пред сном любовный разговор,
Не долгий и не краткий,
Но непременно сладкий...
А валезиец наш без дрожи
Сейчас лежит на брачном ложе.
Он Красным Рыцарем прослыл,
Но до поры сдержал свой пыл,
Кондвирамур сей ночью длинной
Оставив девою невинной.
И тем не менее она
Уже теперь его жена.
И чтобы видел весь дворец,
На голове ее — венец,
Особо достоверный знак
Того, что в ночь свершился брак...
И, щедростью своей горда,
Она супругу города
И баснословные именья

Дарует в вечное владенье...
 Два дня, две ночи пролетели.
 И вот к супружеской постели
 Неслышно третья ночь идет.
 Их близости настал черед.
 Он вспомнил матери советы
 И Гурпеманцевы заветы,
 Что муж с женой — едина плоть
 И так установил господь...
 Сплелись их жаркие тела,
 Их страсть, как пламя, обожгла,
 И выпит был глоток медовый —
 Обряд извечный и вечно новый
 (Здесь трижды сладостный, том боле,
 Что дело обошлось без боли...)
 . . . . .
 Но слушайте! Король Кламид
 Еще близ крепости стоит.
 Сил у него премного,
 И покарать он хочет строго
 Тех, кто пленил его Кингруна,
 В надежде, что фортуна
 Не подведет на этот раз.
 Он войску отдает приказ:
 «Вперед! Вперед! Не ждите!
 Штурмуйте! Бейте! Жгите!..»
 . . . . .
 Ну, что же! Коли бой, так бой!
 Осатанелой бури вой.
 Знамена и копья смешались,
 Казалось, что все помешались.
 На поле истерзанном здешнем
 Меж внутренним войском и внешним
 Идет беспощадная схватка,
 Причем горожанам несладко.
 Но духом они воспряли,
 Услышав, как меч Парцифалья
 По шлемам противника лупит,
 И в крепость противник не вступит!
 Смятенье во вражеском стане:
 Отважные горожане,
 Охвачены пылом борьбы,
 Огромные валят дубы,
 Канатами их обвивают,
 В вих острые колья вбивают.
 Колеса вращают валы,
 Со стен опуская стволы,
 Подобие гребня тяжелого,
 Штурмующим прямо на головы...
 Но от рассказа о войне
 Пора бы возвратиться мне
 К Кингруну-сенешалю...
 Его мы где-то затеряли.
 А в это время сенешаль
 Вступает в замок Карминаль,⁸³
 В лесу дремучем Бразельянском,
 В краю Артуровом, бретанском.
 Пред Куневарой он предстал:
 «Меня к вам Парцифаль прислал,
 Все ваши исполнять веленья
 И отомстить за оскорбленье,
 Что было вам нанесено...
 Не смыто черное пятно!

И Парцифаль скорбит об этом,
 Мечтая с действенным ответом
 К тем, кто обидел вас, прийти,
 Все счеты наконец свести!»
 И Куневара вся зарделась.
 Поймите же, как ей хотелось
 Сейчас обнять объятьем страстным
 Того, кто Рыцарем стал Красным...
 Вдруг сам король Артур явился.
 Кинггун почтительно склонился
 И пресмречно доложил,
 Кто он таков, кому служил
 И по какой причине
 Здесь пребывает ныне...
 . . . . .
 А вскорости коварный Кей
 Кипггуну крикнул: «Кто там! Эй!
 Кинггун?! Позволь! Да ты ли это?
 Послушай, не конец ли света
 Уже воистину настал?
 Кинггун разбит! Кинггун устал!
 Кинггун врагов не побеждает,
 Своим врагам он угрождает!
 Слыхал я, ты сражался пешим...
 Пойдем, несчастную утешим,
 И возместим ей, бога ради,
 Ущерб в размере двух оладий,
 Я ей велю олады спечь,
 Чтобы от мрачных дум отвлечь...»
 Так он «раскался», проклятый,
 Премерзкий соглядатай.
 . . . . .
 А бой тем временем идет.
 Не взявши городских ворот,
 Кламид штурмует крепость с тыла,
 И ненависть в нем не остыла...
 . . . . .
 Но Парцифаль его теснит,
 И вот, в отчаянье, Кламид
 На поединок вызывает
 Того, кто сердце ему разрывает,
 Явив столь редкостное упорство.
 Так пусть решит единоборство,
 Кому достанется сей град!..
 Парцифаль и горд и рад
 Вновь проявить отвагу
 В служенье истинному благу...
 . . . . .
 И вот сошлись они! Сошлись!
 Земля и небо сотряслись.
 Нет счета ранам и ушибам.
 Из шлемов — искры! Мир весь — дыбом!
 Удар! Удар! И вновь удар!
 Дышать сражающимся нечем,
 Щитов прекрасных не сберечь им.
 Кламид сначала напирал,
 Но видят все: он проиграл.
 И — поражения влиянье —
 Случилось кровоизлиянье:
 Кровь у Кламида, как ручей,
 Течет из носа и ушей.

И, этой кровью обгащенный,
 Стал темно-красным луг зеленый...
 Король сорвал с себя забрало —
 В волненье сердце замирало,
 Но Парцифаль спокойно рек:
 «Умри хотя б, как человек,
 О злой источник горьких слез,
 Кто столько бедствий всем принес!
 Но ты, наказанный с позором,
 Грозить разбоем и разором
 Моей жене не сможешь впредь.
 Учись достойно умереть!..»
 «О юный рыцарь благородный!
 В моей груди, как смерть, холодной,
 Иссякла давняя вражда...
 Сим — предаюсь вам навсегда...
 Так жальтесь надо мной!.. Отныне,
 Приняв господни благостыни,
 Ваш край чудесно заживет,
 Любая рана заживет.
 А я... Я смерть ношу в себе,
 Злосчастной отданный судьбе:
 И ту, кого благословляю,
 Вам я в супруги оставляю!..»
 Тут Парцифаль припомнил снова
 В Грагарце слышанное слово,
 Как Гурнеманц учил его
 Не трогать пленника того,
 Который в плен живым сдается,
 Мол, пусть живым и остается,
 И рек: «Отцу моей Лиасы
 Тотчас же, с этого же часа,
 На верность свято присягни!..»
 «Нет, нет! В дугу меня согни,
 Убей, как жалкую собаку,
 Топчи, распни меня, однако
 Любую вынесу беду,
 Но к Гурнеманцу не пойду!
 Я — в том душа моя повинна —
 Убил его меньшого сына!
 За смерть он смертью мне заплатит...
 Ах, неужели вам не хватит
 Мне в отомщенье одного
 Бесчестья злого моего?..»
 «Ну, что ж, твой страх я поубавлю,
 К Артуру-королю отправлю
 Служить красавице одной.
 Она когда-то надо мной
 Беззлобно посмеялась.
 За это ей досталось
 От сенешаля Кея:
 Рука сего злодея
 В преступном гневе поднялась...
 В тот миг во мне отозвалась
 Боль, что познала Куневара.
 И только месть, и только кара,
 И только беспощадный суд
 Обидчика отныне ждут!
 Ничто не будет прощено.
 Так выбирай из двух одно:
 Служенье Куневаре нежной
 Иль ужас казни неизбежной!..»
 Кламид сказал: «Я жить хочу

И к Куневаре поскачу!
Зато сюда мне нет возврата...
Вот — справедливая расплата
За мной содеянное зло...»
А Парцифаль вскочил в седло:
Прыг! — ногу в стремя не вдевая!
И передышки не давая
Коню, он поспешил назад
К Кондвирамур в престольный град,
Где ликovalo все и пело,
Предавшись радости всецело.
. . . . .
За Круглым сидючи столом,
Кламид рассказывал о том,
Что многие уже слышали:
О вalezийце Парцифале,
Который грозен, хоть и юн.
(Да, подтвердить бы мог Кингрун.
Сколь тяжелы его удары!..)
Нет меры счастью Куневары.
И только Кея-сенешаля
Все эти новости смущали...
. . . . .
Но возвратимся вслед за мною
Туда, где Парцифаль страну
Достойно правил; где теперь
Взамен пожаров, бед, потерь
Все оживало, расцветало
И людям жить вольготней стало.
Слышны повсюду песни, смех,
Веселье на душе у всех.
Наследство Тампентера зять
Велел всем подданным своим раздать
А пострадавшим — особливо.
И это было справедливо.
Он слугами любим своими.
Все славят Парцифала имя.
При этом он не забывал,
Что кровью мир завоевал,
Что может всякое случиться,
И укреплять велел границы...
Так постепенно, день за днем,
Везде росла молва о нем...
А королева что? Конечно,
Супруга счастлива сердечно,
И впрямь: всю землю обойдешь,
Такого мужа не найдешь.
Лишь только им она дышала,
Ничто любви их не мешало...
Безмерно жаль мне тех двоих!
Да. Надвигается на них
Разлуки час неотвратимый.
Жену покинет муж любимый,
Который спас ее страну
И самое ее когда-то...
Но нет! Она не виновата.
Оставил он ее одну!
Итак, однажды, на восходе,
Король при всем честном народе
Сказал возлюбленной жене:
«Надеюсь, что ты веришь мне,
Что я души в тебе не чаю.

Но я без матушки скучаю,
Душа моя без нее иссохла,
Сердце мое без нее заглохло,
И жить не в силах я, не зная,
Где матушка моя родная.
Позволь ненадолго уйти,
Дабы родную мать найти,
А если по пути случится
Мне в ратном деле отличиться,
То знай, что образом твоим
Я вдохновлен был и храним!..»
Кондвирамур его любила,
Словечко каждое ловила,
Что Парцифаль произносил.
Перечить у нее нет сил.
Она все стерпит, все снесет,
Но от тоски его спасет.
И говорит: «Иди, мой милый!
Лети, мой сокол быстrokрыльый!»
При этом, как гласит преданье,
Смогла сдержатъ она рыданье,
Целуя мужа дорогого...
Так в дальний путь пустился снова
Отважный Гамуретов сын:
На этот раз совсем один...

V

Спешу заверить тех из вас,
Кому наскучил мой рассказ,
Что расскажу в дальнейшем
О чуде всепервейшем.
Но перед тем, как продолжать,
Позвольте счастья пожелать
Сыну Гамурета —
Причина есть на это.
Сейчас ему как никогда
Грозит ужасная беда:
Не просто злоключенья,
А тяжкие мученья.
Но я скажу вам и о том,
Что все закончится потом
Полнейшею удачей:
Не может быть иначе!..
К нему придут наверняка
Почет и счастье... А пока
Он скачет по лесу, томимый
Разлукою с женой любимой.
Сегодня путь его пролег
Среди нехоженых дорог,
Средь мхов, средь бурелома...
Чем дальше он от дома,
Тем больше топей и болот...
Он бросил повод. Конь бредет
Сквозь чащу еле-еле...
Ну, а на самом деле
Синица, взмыв под облака,
Не перегонит седока,
Который, сам того не зная,
Несется, ветер обгоняя,
И коль предание не врет,
Еще быстрее спешит вперед,
Чем он летел туда, в Бробарц,

Покинув княжество Грагарц.
Уж вечер... Скоро месяц выйдет.
Но что сквозь заросли он видит?
Там озера блеснула гладь.
Ладью на озере видать.
И рыбаков. А посередке,
В кругу мужчин, сидящих в лодке,
Он замечает одного,
Кто не похож ни на кого:
В плаще роскошном, темно-синем,
Расшитом золотом... С павлиньим
Плюмажем... Будь он королем,
Пышней бы не было на нем
И драгоценнее наряда.
Герой с него не сводит взгляда
И спрашивает рыбака:
Что, далека или близка
Дорога в здешнее селенье?
Но что он видит в удивленье?
Сколь опечалился рыбак!
В его очах — могильный мрак.
Он грустно молвит: «Милый друг,
На тридцать — сорок верст вокруг
Жилья не сыщете людского.
Здесь нет селенья никакого...
А впрочем, добрый господин,
Тут замок — слышал я — один
Невдалеке виднеется...
Вам есть на что надеяться!
Спешите же скорей туда,
Где скал кончается гряда,
Но будьте крайне осторожны:
Глядишь, и оступиться можно!..
Чтоб в замок вас могли впустить,
Вы попросите опустить
Сначала мост подъемный
Над пропастью огромной.
Опустят если — добрый знак...»
«Что ж. Я поеду, коли так...»
«Вам надо торопиться!
Но бойтесь заблудиться!
Я это говорю к тому,
Что нынче ночью вас приму
Как гостя в замке этом,
С почетом и приветом.
Страшитесь же прибрежных скал!..
И, попрощавшись, поскочил
В тот странный замок Парцифаль...
«Коль этот юноша чудесный
Вдруг рухнет со скалы отвесной,
Клянусь, мне будет очень жаль...» —
Сказал рыбак, безмерно грустный...
Но мчится всадник наш искусный,
Господней милостью храним,
И видит — замок перед ним...
Не просто замок: чудо-крепость!
Попытка взять ее — нелепость.
Штурмуй хотя бы тридцать лет,
Обрушья на нее весь свет,
Вовнутрь ворваться невозможно:
Защита больше чем надежна...
Парцифаль при свете звезд
Глядит: подъемный поднят мост,

И только ветер или птица
Способны очутиться,
Перемахнувши через ров,
В одном из внутренних дворов...
Вдруг страж заметил Парцифалья;
И говорит: «Узнать нельзя ли,
Откуда вы? Кто вы такой?
Что наш тревожите покой?»
Парцифаль сказал тогда:
«Рыбак прислал меня сюда.
С ним встретясь волею судеб,
Заночевать, спросил я, где б...
Он мне дорогу показал
И на прощанье наказал,
Чтоб мост подъемный опустили
И в замок чтоб меня впустили...»
«О славный рыцарь! В добрый час!
Все будут рады видеть вас!
Все к вашим здесь услугам,
Коли Рыбак зовет вас другом!»
Страж мост подъемный опустил
И, как устав велит, застыл
Перед высокою персоной,
Сюда судьбою занесенной...
А Парцифаль во весь опор
Во внутренний влетает двор,
Угрюмой стражею допущен...
Но как же этот двор запущен!
Зарос крапивой и травой.
Души не видно здесь живой,
Давно здесь стычек не бывало,
И все зачахло, все увяло.
Плац с незапамятных времен
Не видел яркости знамен,
Давно здесь рыцари не бились,
Лихие кони не носились
(Так делать нечего бойцу
И в Абенберге,⁸⁴ на плацу)...
Но пестрой, праздничной картиной
Был подменен сей вид пустынный...
С восторгом Парцифаль взирал,
Как все, кто был здесь, стар и мал,
Его приветливо встречали,
И клики радости звучали.
И, празднично одеты,
Пажи или валетъ,⁸⁵
Готовящиеся в бойцы,
Коня хватали под уздцы,
Несли скамеечку для ног,
Чтоб спешиться удобней мог
Наш юный рыцарь вдохновенный,
Воистину благословенный...
Он ловко спешил. И тут
С почтеньем в дом его ведут.
От ржавчины и пыли
Его лицо отмыли.
Затем он получает в дар
Плащ, что пылает, как пожар:
То был арабский шелк блестящий,
Шуршащий, нежно шелестящий,
Тот плащ, что, по словам пажа,
Носила прежде госпожа,
Святая королева

Репанс⁸⁶ — «Не Знающая Гнева»...
(Признаюсь вам, что и она
Была поражена
Красою Парцифалья...)
Все словно бы восприяли.
Печаль с угрюмых лиц сползла,
И словно Радости Посла
Скорбящие встречали,
Забыв свои печали...
И все заботятся о нем
И сладким потчуют вином.
С него доспехи сняли,
Чтоб плечи отдохали,
И унесли копье и меч,
Но все ж, страшась неожиданных встреч,
Он счел опасным и ненужным
Впредь оставаться безоружным...
Здесь случай вышел несуразный:
Ворвался некто безобразный
И, погремушками звеня,
Героя чуть ли не дразня,
Сказал ему: «Поди-ка,
Тебя зовет владыка!»
Герой, оставшись без меча,
Ударил дурня сгоряча
Своим тяжелым кулаком.
Поверженный упал ничком,
Кровь из ноздрей бежала,
Спина его дрожала.
И рыцари все как вздохнут:
«О рыцарь! Он ведь только шут!
А с шуткою, пускай и вздорией,
Нам легче в этой жизни черной.
Мы извиненья вам приносим
И за него прощенья просим.
Слова ж его толкуйте так:
Вернулся с озера Рыбак.
И он уже, как нам сказали,
Вас ожидает в тронном зале...»
И вот вступает наш гордец
В досель не виданный дворец.
В роскошном королевском зале,
Наверно, сотни свеч сияли,
И сотней свеч освещена
Была здесь каждая стена.
И сотни в королевском зале
Перин пуховых разостлали,
Покрытых сотней покрывал...
Вот что наш рыцарь увидал...
В трех креслах восседали чинно
Три неизвестных палладина,
О чем-то говоря друг с другом,
Вблизи стоящих полукругом
Трех изразцовых очагов.
Огонь, достойный и богов,
Справлять свой пир не уставал
И яростно торжествовал
Над деревом Aloe Lignum⁸⁷ —
Название дано из книг нам.
(Но в Вильденберге у меня⁸⁸
Нельзя согреться у огня.)
Вот на кровати раскладной
Внесен, усталый и больной,

Дворца роскошного хозяин.
Тяжелой хворью он измаян.
Глаза пылают. Хладен лоб.
Жестокий бьет его озноб.
У очага, что посредине,
Приподнялся он на перине
И с грустью на друзей взирал.
Чем жил он? Тем, что умирал,
Пусть в славе, пусть в почете,
Но с Радостью в расчете...
И тело хворое не грели
Ни печи, где дрова горели
Столь жарким, яростным огнем,
Ни шуба, что была на нем
С двойным подбоем соболиным,
Ни шапка с пуговкой-рубином,
Надвинутая на чело,
Чтоб было голове тепло,
Ни меховое покрывало —
Ничто его не согревало...
Но вопреки ужасной хвори
Он, с лаской дружеской во взоре,
Увидев гостя, попросил
Его присесть... Он был без сил,
Но добротой лицо лучилось...
И вдруг — неожиданное случилось...
Дверь — настесь. Свет свечей мигает.
Оруженосец в зал вбегает,
И крови красная струя
С копья струится,⁸⁹ с острия
То рукаву его стекая.
И, не смолкая, не стихая,
Разносится со всех сторон
Истошный вопль, протяжный стон.
И это вот что означало:
Все человечество кричало
И в исступлении звало
Избыть содеянное зло,
Все беды, горести, потери!..
Вдоль стен, к резной дубовой двери,
Копье оруженосец нес,
А крик все ширился и рос,
Но лишь за дверью скрылся он,
Тотчас же смолкли крик и стон
И буря умиротворилась...
Тут дверь стальная отворилась,
И в зал две девушки вошли:
Златые косы до земли,
Прекрасны, словно ангелочки,
На голове у них веночки,
Одеты в праздничный наряд,
В руках светильники горят.
С красавиц люди глаз не сводят.
Но вот за ними следом входят
Графиня со своей служанкой,
Лицом прелестны и осанкой.
Как восхитительны их черты!
Каким огнем пылают их рты!
И с восхищеньем видят гости
Скамейку из слоновой кости,
Что обе вносят в зал,
Где Муж Скорбящий возлежал.
Они смиренно поклонились

И к девам присоединились...
Но тут под сладостный напев
Вступают восемь новых дев.
Четыре девы в платьях темных
Несли в светильниках огромных
Громады свеч: их свет светил
Светлей надоблачных светил.
У четырех других был камень,
Ярко пылавший, как пламень:
Струилось солнце сквозь него.
Яхонт, гранат зовут его...
И девы устремились тоже
К тому, кто возлежал на ложе.
Уже поставлен перед ним
Стол с украшением резным.
Возникли чаши, кубки, блюда,
Драгоценная посуда,
И радовали взоры
Из серебра приборы...
Я сосчитал, что было там
Прекрасных восемнадцать дам,
В шелка и бархат разодетых —
Величественней в мире нет их.
Но, счет закончить не успев,
Я шестерых прибавлю дев,
Возникших посреди других
В двухцветных платьях дорогих...
И к трапезе приготовленью
Сим завершилось... И явленье
Чудесное произошло.
Не солнце ли вспыхнуло так светло,
Что ночь, казалось, отступила?
Нет! Королева в зал вступила!..
Лучезарным ликом все освещала,
Чудеса великие предвещала.
И был на ней, как говорят,
Арабский сказочный наряд.
И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,
Райский дар, преизбыток земного
блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль...⁹⁰
Сверкал светильников хрусталь,
И запах благовоний пряных
Шел из сосудов тех стеклянных,
Где пламенем горел бальзам —
Услада сердцу и глазам...
. . . . .
Да. Силой обладал чудесной
Святой Грааль... Лишь чистый, честный,
Кто сердцем кроток и беззлобен,
Граалем обладать способен...
И волей высшего царя
Он королеве был дан не зря...
Она приблизилась к больному
(И не могло быть по-иному),
Поставила пред ним Грааль...
Глядит с восторгом Парцифаль
Не на святой Грааль... О нет!
На ту, в чей плащ он был одет...

Но дело к трапезе идет...
И слуги вносят для господ
Чаны с нагретою водою...
Рук омовенье пред едою
Свершает благородный круг.
И вот для вытиранья рук
Гостям подносит полотенца
Паж с кротким обликом младенца...
Дымится в чашах угощение:
Столов, наверно, сто — не менее.
Четыре гостя за каждым столом
(Гостей — четыреста числом).
Предивно убраны столы —
Скатерти что снег белы...
. . . . .
Владыка на исходе сил
Сам перед трапезой омыл
Свои слабеющие руки.
И, верен рыцарской науке,
Парцифаль по зову чести
Со страждущим омылся вместе,
У многих вызвав умиление...
И преклонил пред ним колени
Какой-то очень юный граф,
Обоим пестрый плат подав...
Но слушайте, что было дале!
У каждого стола стояли
Четыре кравчих... Из них двоим
Вменялось господам своим
И нарезать, и наливать,
А двум другим — все подавать...
Затем с достоинством, без спешки,
Вкатили кравчие тележки,
На коих не один бокал
Чистейшим золотом сверкал
И, ярким светом залитая,
Сияла утварь золотая...
Но вот вступает сотня слуг,
Чтоб совершить по залу круг.
Добавим, что в руках у них —
Сто белых скатертей льняных
(Зачем, узнаете впоследствии).
Гофмаршал возглавляет шествие...
Остановились пред Граалем,
И тотчас дал хлеба Грааль им.
(Здесь я рассказываю вам
Лишь только то, что слышал сам.)
Грааль в своей великой силе
Мог дать, чего б вы ни просили,
Вмиг угостив вас (это было чудом!)
Любым горячим иль холодным
блюдом,
Заморским или местным,
Известным исстари и неизвестным,
Любою птицей или дичью —
Предела нет его величью.
Ведь Грааль был воплощеньем
совершенства
И преизбытком земного блаженства,
И был основою основ
Ему пресветлый рай Христов.
О, сколько в чашах золоченых
Вареных, жареных, печеных

Яств у Граала! Он готов
К раздаче мяса всех сортов.
Он разливал супы на диво,
К жаркому предлагал подливы
И перец, обжигавший рты,
Набив обжорам животы.
Он кубки наполнял искристым
вином, и терпким и игристым,
Он, тот, пред кем склонялся мир,
Справлял гостеприимства пир,
И не случайно в этот зал
Он в гости рыцарей созвал!..
Но что же с молодым героем?
Он потрясен, смятен — не скроем.
Спросил бы: что творится здесь?
Однако скромность, а не спесь
Ему задать вопрос мешает
И права спрашивать лишает.
Ведь Гурнеманц предупреждал,
Чтоб Парцифаль не задавал
При неожиданных соблазнах
Вопросов лишних или праздных:
От любопытства кровь бурлит,
А вежество молчать велит!..
«Нет, любопытством не унижу
Честь рыцаря!.. А то, что вижу,
Мне объяснят когда-нибудь,
Лишь надо подождать чуть-чуть...»
Что ж, может быть иной вопросец
Торой и вправду ни к чему...
Но тут приблизился к нему
С мечом в руках оруженосец,
Меч Парцифалю преподнес,
Великую радость ему принес.
Сей радостный подарок
Стоил бы тысячу марок:
Вся из рубинов рукоять!
А лезвие! Не устоять
Врагу пред этой сталью!..
Тут с ласковой печалью
Негромко вымолвил больной:
«Был этот меч всегда со мной,
Всегда служил мне верно.
Теперь же дело мое скверно,
Рука не в силах меч держать.
И он тебе принадлежать
Отныне будет: воздаянье
За добрые твои деянья
И нечто вроде возмещенья
За скромность угощенья...»
Как речь столь странную понять?
Но Парцифаль молчит опять.
Молчит! Хоть все, кто были в зале,
Сейчас вопроса ожидали.
Он, очевидно, нужен всем.
Но Парцифаль, как прежде, нем...
А почему бы не спросить?
(Молчанья этого простить
Я Парцифалю не намерен!
Он в послушанье неумерен:
Задай вопрос он хоть один,
И сразу б ожил господин,
Которого мне жаль до слез.

Но на губах застыл вопрос
У сына Гамурета.
И я не делаю секрета,
Что сим — какой уж тут секрет? —
Не пользу он принес, а вред:
Ведь только при одном условии
Мог господин вернуть себе здоровье...)
Меж тем закончен странный бал,
И гости покидают зал,
Как бы спеша скорей отсюда.
И слуги кубки и сосуды
Уносят с каждого стола.
И кто последней в зал вошла,
Уходит первой... Парцифалью,
Владельцу замка и Граалю
Отвесив царственный поклон...
Герой понуро вышел вон.
(Ах, неспроста он так печален...)
Но вот в одной из ближних спален
Он замечает старика.
(Кто это? Помолчим пока.
Потом, когда настанет время,
Вы познакомитесь со всеми,
Кто вам доселе незнаком:
И с этим дивным стариком,
Чья борода была,
Как иней утренний, бела,
И с этим королем несчастным,
К моей истории причастным...)
Пока же слышит наш пришелец,
Как замка дивного владелец
Сказал: «Должно быть, вы устали
И, мнится мне, давно не спали.
Ступайте же! Уж поздний час,
Постель постелена для вас...»
Гость был сражен такой заботой.
Но сводит рот его зевотой,
И сон уже смежает очи.
Хозяин молвит: «Доброй ночи!»
И в спальню входит наш герой.
Клянусь, что не было второй
Такой роскошной спальни чудной:
Блеск золотой, свет изумрудный
Волшебно падал на постель...
Подумать только: неужель
Богатство в мире есть такое?
Не нахожу себе покоя,
Дворец описывая сей
При вечной бедности моей!..
Итак, он с королем расстался
И в комнате один остался,
Сказав послушной свите:
«Я спать ложусь. Вы тоже спите...»
Но тут пажи вбежали
И обувь с ног его усталых сняли,
И, скинув облачение,
Почувствовал он облегченье.
Но сразу обомлел, узрев
Четырех прекрасных дев,
Возникших на пороге
В таинственном чертоге...
Он живо — шмыг под одеяло.
Но так лицо его сияло,

Что даже и не при свечах
Он отражался в их очах.
Смирно девы попросили,
Чтобы, дремоту пересилив,
Он подкрепился перед сном
Сначала тутовым вином,⁹¹
Затем пленительным, прохладным,
Пьянящим соком виноградным
И чтоб отведал от плодов,
Из райских присланных садов...
. . . . .
Чуть закусив, он сном забылся.
Слуга тихонько удалился,
А вслед за ним и девы — прочь...
Так юный рыцарь встретил ночь.
Он спал... Но скверно, неуютно.
Из мрака выплывало смутно
Одно виденье за другим...
Храпит горячий конь под ним
И все куда-то мчится, мчится,
Не может приостановиться...
(Я даже умереть готов,
Чтоб не видеть подобных сноп.)
Вот он немного покачнулся:
Наверно, ранен?.. И очнулся.
В окно чудесный день глядел.
«Эй! Кто здесь? Кто меня раздел?
А слуги где? И свита?..»
В ответ — ни звука. Дверь закрыта.
Он ничего не понимал
И тотчас снова задремал.
Когда же он опять проснулся,
От удивленья ужаснулся:
Ярчайший полдень на дворе,
А у постели, на ковре,
Доспехи красные лежали,
Те, что ему принадлежали,
И тут же — два меча. Причем
Один меч — был его мечом,
Испытанным и старым,
Зато другой был — даром
Владельца замка. Вот в чем суть!..
Герою в сердце вкралась жуть:
«Сон, видимо, был в руку.
Я обречен на муку,
На испытание войной.
Войну сулил мне сон ночной,
И бой, возможно, грянет
Скорей, чем снова ночь настанет!..
Что ж, я с охотой бой приму,
В надежде угодить ему
И в угождение жене,
Чей дивный плащ сейчас на мне...
Однако сердцем и мечтой
Принадлежу не ей, а той,
Кого супругою зову,
Чьим светлым обликом живу,
Кто красотой вешней
Еще прекрасней здешней!..
Он сделал все, что долг велел:
Доспехи бранные надел
И, опоясавшись мечами,
Сверкнул воинственно очами,

Готовый встретиться с врагом,
И вышел. Чуть ли не бегом
Через дворцовые покои.
Но диво, диво-то какое!
Во всем дворце нет ни души,
Все словно замерло в тиши.
И за окном нет никого,
Лишь быстроногий конь его
Стоит, привязанный к перилам.
Все выглядит мертвым и унылым.
Наш рыцарь в дом вбегает снова —
Молчанье, глуше гробового.
Герой спешит из зала в зал:
В оцепенении молчал
Дом, где вчера еще шумели гости.
Герой Парцифаль вскричал от злости:
И с криком выбегает вон!
Вдруг нечто замечает он:
Распахнуты в саду ворота,
Как если б распахнул их кто-то.
Трава потоптана. Глядит —
Да тут все сплошь следы копыт!
Видать, ворота отворились,
Чтобы гости удалились...
Что ж, делать нечего. И он
Дворец покинуть принужден,
Причем без промедленья.
Вдруг страж, стоявший в отдаленье,
От посторонних скрытый глаз,
Мост опустив, сказал: «Для вас
Пусть день померкнет ясный!
Пришелец вы злосчастный,
Вас злобный рок сюда занес!
Вопрос! Всего один вопрос
Задать вам стоило, и круто
Все изменилось бы в минуту.
Но вы не для славы рождены
И слыть глупцом осуждены!..
Герой Парцифаль чуть не плачет:
«Страж, что же это все значит?
Что за вопрос? Кому? Зачем?..»
Но страж молчит. Он снова нем,
Как если б сон объял его...
Не называет никого.
И понял Парцифаль в тот миг
(Хотя всего и не постиг),
Что он в полной изведает мере
Печали, несчастья, потери,
Судьбу беспредельно злую
В оплату за радость былую...
«Ну, а пока — вперед, вперед!
К тем, кто, наверно, бой ведет,
Предписанный всевышним.
Я там не буду лишним, и
Средь тех, кого я полюбил,
Обласкан кем и принят был
(Мне вечер памятен вчерашний),
Драться я стану еще бесстрашней
За дорогую госпожу,
А господину докажу,
Сколь я ему благодарен
За меч, что мне им подарен...»
Он разглядел следы подков,

Сел на коня — и был таков,
Души моей герой любимый,
Бесчестья враг непримиримый.
И я его не оскорблю
Тем, что не скрою, сколь скорблю:
Пошто он в замке не остался?..
...Итак, сперва широкий стлался
Путь перед рыцарем моим.
Однако рок неотвратим,
Чем глубже в лес, тем путь все уже,
Смеркаться начало к тому же,
Беда грозит со всех сторон.
Вдруг женский голос слышит он:
Дева на ветви дерева сидела,
Набальзамированное тело
Убитого друга в объятьях держа.
(Слушая это, от горя дрожа,
Вы испытаете потрясенье —
Иначе вам не видать спасенья...)
Он сразу ее не смог узнать,
Хоть у их матерей одна была мать...
Верность!.. Но верность была здесь иная:
Не земная верность, а неземная...
И Парцифаль поклонился ей.
«Госпожа, — он сказал, — душою всей
Я сочувствую вашей печали безмерной.
Повелите служить вам — слуга я ваш
верный!..»
Она благодарит с отчаяньем во взоре
(Как все благодарят сочувствующих в
горе):
«Кто вы? Из какой вы земли?
Как в эту чащу вы забрели?
Люди чужие здесь редко бывали,
А заблудившихся убивали.
Мне приходилось видать самой
Тех, кто уже не вернется домой:
В крови лежали их тела.
Ужасные здесь творятся дела.
Скачите же прочь под покровом ночи!
И путь постарайтесь найти короче.
Вы молоды. И собой хороши.
Что же вы делали в этой глуши.»
«Госпожа, обо мне не думайте худо.
Но, пожалуй, не дальше версты отсюда
Замок стоит за стеной крепостной.
Странный случай вышел со мной...
Оказался я в зале волшебном богатом,
Где все жемчугами светилось да
златом,
А какие там яства! И вина! О, боже!..
Это было все только вчера. Не позже...»
«Не шутите над девою несчастной.
Вы шутник, да притом опасный,
В этом я присягнуть готова.
Здесь за тридцать верст нет жилья
никакого,
А не то чтобы за версту...
Вы — по вашему видно щиту —
Рыцарь явно не здешний, заезжий...
Ну, а замок-то, замок-то где же?
Клянусь, что ни ночью вчерашней, ни
днем

Вы в нем быть не могли, да и не были в нем.
И, конечно, не тот вы имели в виду,
Где, на счастье одним, а другим на беду,
Всевозможнейших благ земных
преизбыток:
Любое блюдо, любой напиток.
Но чтоб в замок этот попасть,
Не нужны ни усердье, ни власть,
Ни удача, ни разум могучий, —
Лишь судьбой уготованный случай.
В неведение священном
Приходят к этим стенам.
Зовется замок *Мунсальвеш*,⁹²
А местность — *Терредесальвеш*,⁹³
Сия земля, которой
Анф ортас правит хворый...⁹⁴
Он смерти, говорят, бледней,
Он скован ею, дышит ей,
Болезнь его томит и гложет.
Ни ходить, ни стоять он не может,
Ни лежать, ни сидеть, ни скакать на
коне, -
Лишь полулежать, прислонившись к
стене.
Но если вправду вы попали
В *Мунсальвеш* и в тронном зале
Увидали бы короля,
Воспряла здешняя земля,
Поскольку ваше появленье
И означало б исцеленье
Анфортаса...» — «Я видел там, —
Рек *Парцифаль*, — прекрасных дам
Среди сверканья зала...»
И тут она его узнала
По голосу: «Ты — *Парцифаль*!
Так, значит, видел ты *Грааль*
И короля, что был столь мрачен?
Высокий жребий тебе назначен!
Спешите отраднешнюю весть
Мне в утешенье преподнесите
И объяви: король спасен,
А ты навеки вознесен,
И с этого мгновенья
В твоём повиновенье
Весь мир, все земли, всё и вся.
Ты для чудесных дел родился
И станешь королем *Грааля*!..»
«Как вы меня узнали?»
«Как?! Вспомни: это я была,
Кто *Парцифалем* тебя нарекла...
С тобой в родстве я состою,
Я чтילה матушку твою,
Ей матушка моя — сестра,
Вся — святость, вся полна добра,
Она, оплаканная мной,
Была венцом красы земной...
Скажи, не ты ль мне сострадал,
Узнав, что бедный друг мой пал,
С кем я расстаться не могу
И смертный сон его стерегу,
Не ведая успокоенья.
Нет! С каждым днем мои мученья

Все тягостнее, все страшней!..»
Герой *Парцифаль* ответил ей:
«О, страшен мне твой лик усталый!
Стал мертв и бледен рот твой алый.
Ужель зовешься ты *Сигуной*,
Которую знал я прекрасной, юной?
Не в *Бразельянском* ли лесу
Свою оставила ты красу?
Кудри твои поредели,
Жизнь в тебе — на последнем пределе,
Лицо твое бескровно.
Мне ясно одно безусловно:
Предать земле сей труп должны мы!
Воистину невыносимы
Страданья, что познала ты,
Смиранный ангел доброты!..»
...
Навзрыд *Сигуна* зарыдала:
«Я долго, долго ожидала
Предсказанного избавленья.
Так вот оно: в твоём явленье!
Коль тот *страдалец* исцелен,
Мой дух, что птица, окрылен,
И я упыюсь святой усладой.
Так молви, так обрадуй
Известием, что там, где был,
Вопрос задать ты не забыл!..»
«Спросить я не решился!..»
«Знай: ты всего лишился!..
О я, распятая судьбой,
Зачем я встретилась с тобой?
Зачем не промолчала
С самого начала?
Подумать только, что видали
Глаза твои в том волшебном зале!
Копье, сочащееся кровью,
Хозяина в странном нездоровье,
Рубины, золото, хрусталь,
Наконец, святой *Грааль*!
Ты блюда дивные едал,
Ты столько, столько повидал
И доброго и злого —
И не спросил ни слова?!
О, гнусное отродье волчьё!
Душа, отравленная желчью!
Узревши короля в несчастье,
Вопрос, исполненный участия,
Ты должен, должен был задать!
Отныне ты не смеешь ждать
Ни снисхожденья, ни пощады!..
Будь проклят! И другой награды
Не жди, помимо этих слов!..»
«Сестра, я искупить готов
Свой тяжкий грех любой ценою.
Поверь мне, помирись со мною...»
«Нет, проклят, проклят, проклят будь!
И о родстве со мной забудь.
Забудь и *Мунсальвеш*, в котором
Ты рыцарство покрыл позором!..»
Так *Парцифаль* расстался с ней,
С бедною сестрой своей...
Он скачет далее... Одним
Раскаяньем герой томим.

Постигнув, сколь он грешен,
 Он вправду безутешен...
 А солнце жарит и печет,
 Пот по лицу героя течет.
 Дышать ему нечем стало,
 Стесняет дух забрало...
 Он это понимает,
 Свой тяжкий шлем снимает
 И едет, шлем держа в руке...
 Вдруг видит, там, невдалеке
 На тропке, — свежий след подков.
 Не видно только ездовых.
 И тут он замер, болью скованный:
 На старой кляче, неподкованной,
 Скакала женщина. Она
 Была бледна, была бедна,
 Куда-то поспешала,
 А кляча чуть дышала
 И не скакала, а плелась.
 И паутина ей вплелась
 В нечесаную гриву.
 А в дополненье к диву,
 Казалось, чуть ли не сползло
 С кобылы старое седло.
 Оно было без луки.
 Немыслимые муки
 Птеренесла, должно быть, та,
 Чья бесподобна красота...
 Был на прекрасной даме
 Истерзанный шипами,
 Вконец изодранный наряд
 (Вы в нем узнаете навряд
 Роскошное когда-то платье).
 О, горе! О, проклятье!
 Несчастной нет защиты.
 На платье дыры не зашить.
 И все ж сквозь рубище белело
 Прекрасное нагое тело...
 И рот по-прежнему пылал,
 Как прежде, жарок был и ал,
 Но — небо в том свидетель —
 Святую добродетель
 Она торжественно блюла,
 Хоть зло обижена была
 Напраслиной, наветом...
 Подумайте об этом!..
 ...Я все о бедности твержу
 Затем, что радость нахожу
 Не в роскоши чванливых дам,
 Что вечно досаждают нам,
 А в неприкрытой плоти!
 (Вы меня поймете...)
 Но где ж красавец юный? Он,
 Отвесив женщине поклон,
 Был поражен ее словами:
 «К несчастью, мы знакомы с вами.
 Ах, слишком памятен тот час,
 Когда пришлось мне из-за вас,
 Несчастнейшей на свете,
 Надеть лохмотья эти.
 В измене я обвинена!
 И ваша, ваша в том вина...»
 Он на нее взглянул в упор:

«Мной не заслужен сей укор,
 Поскольку, — верьте, я не лгу, —
 Обидеть даму не могу...
 Кто вы? Не угадаю...
 Но вам я сострадаю!..»
 Теперь она с ним рядом скачет
 И горько, безутешно плачет.
 Как градинки, как льдинки
 Из дивных глаз слезинки,
 Звеня, ей катятся на грудь...
 Однако стоило взглянуть
 Ей вновь на Парцифала —
 Слезы бежать перестали...
 С нее он не спускает глаз
 И говорит: «Дозвольте, вас
 Плащом своим укрою
 С подкладкой меховой,
 Прекраснейшая госпожа!..»
 Всхлипнула она, дрожа:
 «Ваш плащ не смею я принять,
 Вы в том должны меня понять.
 Не жаль, что жизни я лишусь,
 Несчастный, я за вас страшусь:
 Коли на помощь мне придете,
 Вы под его мечом падете!..»
 Герой едва повел плечом:
 «Как так паду? Под чьим мечом?
 Мне сила господом дана,
 И вражья сила ни одна
 Меня не одолеет:
 А кто дерзнет, сам пожалеет!..
 Так кто ж он, супротивник мой?..»
 «Он прежде звал меня женой.
 Теперь же, если б мое тело
 Его служанкою стать захотело,
 Он прочь бы оттолкнул меня,
 Измену мнимую кляня.
 В его груди угасла вера...»
 «Надеюсь, что найдется мера,
 Чтоб к вере возвратить его.
 Но много ль войска у него?..»
 «Нет, с ним пока что я одна.
 Но бойтесь! Мечь его страшна!
 Супруг шутить не любит,
 Он вас в куски изрубит.
 Да, он изрубит вас в куски,
 А я исчахну от тоски,
 Злосчастливая Ешута!..»
 Раздета и разута
 Она Орилусом была,
 И все же кротостью цвела,
 Воистину святою
 Женской чистотою...
 . . . . .
 Герой тотчас свой шлем надел
 И словно ветер налетел
 На герцога, что страшным взглядом
 Смотрел, как некто скачет рядом
 С его печальною женой...
 Конь Парцифала — вихрь шальной.
 . . . . .
 Герои копьями дрались.

Ешута бедная, молись!
 И впрямь: подобного турнира
 Не знали с сотворенья мира.
 Здесь все гремело, все звенело.
 Они дрались осатанело.
 (Ах, крови, что ль, пролито мало?)
 Ешута руки ломала...
 Орилус храбрый был боец.
 Да что поделаешь? Юнец
 Его одолевает,
 Сдаваться повелевает.
 «Ах так? Не слушаться меня?!»
 Взял и стащил его с коня
 Могучими руками
 (Что было с герцогом, судите сами)
 И мигом, как мешок с овсом,
 Швырнул его на бурелом,
 Синяками лицо изукрасил
 И нос ему расквасил.
 Кровь из-под шлема льется.
 Одно лишь остается
 Орилусу: глаза смежить
 И умереть... «Ты хочешь жить?
 Все от тебя зависит.
 Раскаянье возвысит
 Тебя, и честь тебе вернет,
 И с сердца тяжкий снимет гнет.
 Проси же без смущенья
 У этой женщины прощенья!
 Свое доверье ей верни
 И подозреньем не черни.
 Тебе клянусь я свято:
 Ни в чем она не виновата!..»
 «Не виновата?! Кто?! Она?!»
 «Да. Знай: во всем — моя вина.
 В своей ребячьей дури
 Навлек я гнева бури
 На воплощенье чистоты...
 Ее подозреваешь ты
 В супружеской измене!
 Но нет на ней вины ни тени!
 Хочу, чтоб ты рассудку вял:
 Кольцо с нее я силой снял
 И, как бы в ослепленье,
 Поцеловал без дозволенья...»
 . . . . .
 Воскликнул герцог: «Я спасен!
 Ужели это все — не сон?
 Хоть я повержен и раздавлен,
 От худшей казни я избавлен.
 Мне поражение принесло
 Усладу дивную. Спасло
 Меня сие известье.
 Что подозрение в бесчестье
 Отпало!.. Что моя жена
 Господним ангелам равна
 Своей небесной чистотою!
 Безумец! Я ее не стою...
 И все ж для ревности тогда
 Был повод... В том-то и беда.
 Она мне сердце разрывала
 Тем, что восторга не скрывала
 Перед твоею красотой.

А у меня-то нрав крутой.
Дурная мысль мне в мозг вонзилась:
Моя жена в тебя влюбилась,
Жена мне боле не верна!..
Из преопасного зерна
Взросло слепое подозренье,
Позор! Позор мне и презренье!
Но о прощении молю
Ее, что я, как жизнь, люблю!..»
Рек Парцифаль: «Тебя я пощажу,
Возблагодари же госпожу!
Взбодрись душой, с земли восстань!
Ты тотчас двинешься в Бретань.
И — клятву в том с тебя беру:
Придя к Артурову двору,
На верность деве присягнешь!
Какой? Сейчас меня поймешь:
Прелестной деве, кротчайшей,
О коей с болью, с тоской величайшей
Я вздыхать не позабыл.
Кей-сенешаль ее побил.
Из-за меня случилось это!
Удар остался пока без ответа.
Найди ж ее, поведай ей,
Что будет отомщен злодей,
Что он за все заплатит кровью...»
«Я рад твои принять условия, —
Ответил герцог. — Но сперва к жене
С повинною дозволю вернуться мне...»
И примиренье состоялось.
Сердце Орилуса с горем рассталось.
И вскоре они в пещеру зашли,
Где с мощами святыми раку нашли,
И копье разноцветное там лежало —
Оно отшельнику принадлежало.
Отшельник Треврицент был брат
Анфортаса... (Так говорят
Предания, по крайней мере.
В ту пору не было его в пещере...)
Над ракой вновь Парцифаль присягнул,
Что ни разу в жизни не посягнул
На честь иль достоинство герцогини,
Однако он горько жалеет ныне
О дерзком поступке (известном вам),
И он резнул себя по губам,
Что зло свершили, без спросу целуя,
Дабы кровью с них смыть печать
поцелуя.
И, глядя герцогине в лицо,
Он с поклоном ей возвратил кольцо...
И тут же доблестный рыцарь Орилус
(Чья душа для добра отворилась)
Супругу плащом драгоценным укрыл
И о любви своей заговорил
И о том, как виновен он перед ней,
Кто всех любезней ему и родней...
А Парцифаль с копьем разноцветным
Стоит, глядит на них взглядом
приветным,
И радость его наполняет грудь...
Он решает в дальнейший пуститься

путь.
Ах, напрасно супруг и супруга
Приглашают молодого друга
С ними вместе в шатровый их град.
Словно бы приглашенью не рад,
Он простился с милой четою,
Снова движимый целью святою...
А теперь я вам о том расскажу,
Как Орилус, обретший свою госпожу,
Ставши снова счастливым супругом,
К своим вернулся слугам
В шатровый город на лугу.
И вправду молвлю, не солгу,
В ту самую минуту,
Когда народ узрел Ешуту,
Восторга клики раздались.
Из множества сердец рвались
Те радостные клики:
День наступил великий...
Им поклонившись до земли,
Обоих в баню повели.
Двенадцать дев придворных,
Прилежных да проворных,
От грязи и от пыли
Владычицу отмыли.
И вот, умыта и свежа,
Вновь почивает госпожа
После скитаний длинных
На пуховых перинах.
Меж тем Орилус, в бане моясь
И ни о чем не беспокоясь,
Мечтает только об одном:
О скором отдыхе ночном.
Тут дорогому господину
Необычайную картину
Один старательный вассал
В таких словах живописал:
«Едва ты, герцог, удалился,
Король Артур сюда явился.
По обе стороны реки
Стоят Артуровы полки,
Кругом раскинуты палатки.
Герои так и рвутся к схватке.
Во имя доблести и славы
Придумывает он забавы:
Турниры, битвы без конца,
Пылают женские сердца.
Их здесь немало, дам прекрасных,
Любительниц сих игр опасных!..»
И герцог, словно бы в огне,
Воскликнул: «Снаряженье мне!
А герцогине — платье!..»
Не в силах передать я,
Как герцогине платье шло
И как лицо ее цвело!..
Затем на ложе они вдвоем сидели
И жареных пичужек ели...
Да жаль, ей герцог есть не давал,
Все беспрерывно целовал
Уста своей Ешуты,
Порвав раздора пути...
И вот они пустились вскачь.
Конь под Орилусом горяч.
Орилус, герцог, был при всем
Вооружении своем,
Однако в этот час он
Не был подпоясан
Испытанным своим мечом,
Что говорило всем — о чем?
О том, что поражение
Он потерпел в сраженье.
Меч поперек седла лежал.
Плененью герцог подлежал
И крайне странной каре:
Служенью Куневаре!..
Артур, приметив тех двоих,
С большим почетом принял их,
Как если б их давно здесь ждали.
Тажи Ешуту сопровождали
При въезде в лагерь, ко двору...
И вдруг любимую сестру
(О, возликуйте, божи твари!)
Узнал Орилус в Куневаре...
Да и она, волнением объята,
Признала в нем тотчас родного брата.
Тут достославнейший Орилус
Поведал ей, что с ним случилось.
Не скрыл он также и того,
Какую клятву взял с него
Его бесстрашный победитель,
Заступник добру, а злу — обвинитель,
Который ему явиться велел
Сюда, чтоб положить предел
Бесчинствам сенешаля Кея...
Затем он воскричал, бледнея:
«Кей! Кей тебя ударить смог?!
Но если есть на небе бог,
Обидчик твой не уйдет от мести!
С героем величайшим вместе
За каждую твою слезу
Обрушим на него грозу!..»
А королева в это время
С придворными своими всеми
Спешит облобызать Ешуту...
Артур пришел. Ну, а к нему-то
Вассалы, слуги так и льнут.
Все в умиление слезы льют,
Счастливейшую видя пару
И вместе с ними Куневару,
Что прежде, словно тень, брела,
А нынче брата обрела
И расцвела красою бесподобной...
Но кто это о ухмылкой злобной
Стоит угрюмо в стороне?
Кей, ненавистный вам и мне!
Счастливец вид его бесил,
И оттого он был без сил.
Вдруг он Кингруна примечает,
Править пиром ему поручает.
«Пойми, — он говорит тайком, —
При совпадении таком

Я за столом сидеть не вправе,
 Душой и сердцем не лукавя.
 Скорей я со стыда помру!
 Ударив герцога сестру,
 Себя я виноватым
 Считаю перед братом.
 Надеюсь, ты меня заменишь
 И старой дружбе не изменишь.
 Всех угости отменно, вкусно:
 Ты это делаешь искусно.
 Не ты ль закатывал обеды,
 Когда одерживал победы
 Твой достославнейший Кламида?..
 Я верю, что не утомит
 Тебя и это угощенье...»
 ...Отвесив герцогу поклон,
 Печально удалился он,
 Так и не заслужив прощенья...
 . . . . .
 ...Куневара всех потчевала на диво,
 Брата родного — особливо.
 Король Артур, скажу без лести,
 Высокой их удостоил чести,
 Когда, собравшись почивать,
 Он доброй ночи пожелать
 Соизволил недавним жертвам ссоры
 лютой.
 Итак, покуда день расцвел,
 Счастливейшую ночь провел
 Орилу с со своей Ешутой.

VI

Узнайте, что Артур-король,
 Покинув замок Коридоль,⁹⁵
 Расстался со своей страной...
 Среди рожденных стариной
 Поверий и сказаний
 Немало указаний
 На то, что он родную землю
 Покинул, гласу мудрых внемля,
 Мечтая в странствии, в пути
 Младого рыцаря найти,
 Того, кто звался Рыцарь Красный
 И подвиг свой свершил ужасный,
 Невольно Итера убив,
 Затем, Кингруна победив,
 Пленил Кламида без смущенья
 И был достоин восхищенья!
 Но что там слава и хвала!
 К героям Круглого стола
 Отважного причислить надо!
 Не это ль высшая ему награда?
 Но прежде чем пуститься в путь,
 Король на верность присягнуть
 Повелевает слугам
 И молвит: «Кто друг с другом
 Затеет драку или спор,
 Пусть ведает, что с этих пор
 Нам все решать придется миром —
 Не поединком, не турниром:
 Нам силы надобно сберечь
 Для дальних странствий и для встреч

Негаданных-нежданных
 В нам незнакомых странах.
 Должны вы это понимать,
 Излишний шум не поднимать.
 В беде я не оставлю вас.
 Так исполняйте мой приказ!
 Мы своего добьемся!..»
 Все молвили: «Клянемся!..»
 . . . . .
 ...Однако где же наш герой?..
 То было зимнею порой.
 Снегами скоро все покроется...
 Как?! Разве на дворе не Троица?
 Ведь все весной напоено
 И все цветет... А! Вот оно!
 О, стародавние поэты,
 Мне ваши ведомы приметы,
 У вас в стихах король Артур —
 Изнеженнейшая из натур.
 Зефирами он обдуваем,
 Он, как цветок: он дышит маем.
 Весенний, майский, неземной,
 Он только в Троицу, весной
 По вашим движется страницам,
 На радость голубым девицам...
 Но нет! У нас он не таков!
 С нас хватит «сладких ветерков»!
 Мы сей рассказ соорудили,
 Собрав бесчисленные были
 И вымыслы. И так хотим,
 Чтоб — пусть мороз невыносим —
 Герой наш, столь любимый мною,
 С Артуром встретился зимою...
 . . . . .
 Артур со свитой скачут вдоль
 Крутого берега Плимидоль.⁹⁶
 Угрюм король и вся его свита
 Зело на сокольного сердита.
 Случился нынче скверный случай:
 Артуров сокол, самый лучший,
 Был перекормлен до того,
 Что есть не стал он ничего
 При утреннем кормленьи
 И, в дерзком устремленьи,
 Рванулся, из виду исчез
 И улетел куда-то в лес.
 Ну, что тут делать станешь?
 Чем сытого заманишь?..
 Меж тем бесценный сокол сей
 В лесу еловом средь ветвей
 Был рядом с Парцифалем.
 (За что его восхвалим!)
 Да, сокол, улетевший прочь,
 С героем рядом был всю ночь.
 Трясло их от озноба,
 И сильно мерзли оба.
 А утром, только рассвело,
 Герой увидел: замело
 Лесные тропы до единой.
 И этой зимнею картиной
 Наш друг безмерно потрясен.
 Он словно видит дивный сон...
 Но как сыскать дорогу?

Он ощутил тревогу.
 Теперь он скачет наугад...
 Стволы, повалены, лежат.
 Кругом — камней нагроможденье.
 Так едет он в сопровожденье
 Красавца сокола того
 И сам не знает про него...
 Над лесом ярко солнце рдеет.
 Но постепенно лес редет,
 И вот уж впереди видна
 Поляна белая одна,
 И диких тысяча гусей,
 Крича, пронесится над ней...
 Но сокол кинулся на них:
 Какой-то гусь навек затих,
 А остальные улетели...
 Три капли на снегу алели,
 Три капли крови на лугу,
 Три алые капли на белом снегу...
 Герой наш в думу погрузился.
 И понял он, чей отразился
 Здесь образ!.. Перед ним возник
 Кондвирамур любимой лик.
 И в памяти все ожило:
 Как снег, ее лицо бело,
 Как кровь, красны ее ланиты!..
 «Кондвирамур! Меня к себе верни ты!
 Beau Corps!.. Прекраснейшая телом,
 Ты алое смешала с белым.
 Твой лик, поклясться я готов,
 Есть сочетанье двух цветов,
 Двух красок: белой краски с красной!
 Конд-ви-ра-мур!..» И вдруг безгласный
 В сердечной боли он застыл,
 Лишившийся душевных сил,
 Как если б потерял сознание...
 О, горемычное созданье!..
 ...Застыл он, неподвижен, нем.
 А по дороге между тем
 В Лаланд стрелой летел Garcon
 (Был Куневарой послан он)
 И вдруг, смущением объятый,
 Увидел чей-то шлем промятый
 И щит, проколотый насквозь...
 Но, может, все бы обошлось,
 Когда бы не узрел гонец
 (Garcon — неопытный пленец)
 Героя Парцифалю,
 Что, погружен в свои печали,
 Пред ним возник недалеко,
 Причем сжимал копьё в руке...
 Да, весь в томленьи погруженный,
 Он спал. Но спал вооруженный.
 Во сне таинственном застыл,
 Он спал, копы не опустив,
 Как если б он, задира,
 Здесь, в чаще, ждал турнира
 И вызывал на поединок
 Кого-то здесь, среди лесных тропинок...
 Garcon к Артуру в лагерь скачет.
 Могу сказать: он едва не плачет.
 «Беда! — кричит. — Беда! Беда!
 Дерзновеннейший рыцарь проник к нам

сюда
Он держит копьё свое наготове.
Клянусь: он жаждет чьей-то крови
И, видимо, желает зла
Героям Круглого стола!
А вы тут дремлете! Нет — спите!
Вы тут в бездействии сидите!
Ах, ах! Позор, какой позор!..»
...Прекрасный, юный *Сеграмор* —
Поистине судьбы избранник,
Гинеvры сладостной племянник,
В шатер вбегает к королю:
«О дядя! Об одном молю,
Дозволь с тем рыцарем сразиться!
Слыхал, он всех нас смять грозится!
Он снаряжение надел...
Однако есть всему предел!..»
(Чтоб смысл попятъ сей пылкой речи,
Скажу вам: юноша ждал сечи,
Давно, давно он рвался в бой
И оттого с такой мольбой,
Столь пылко обращался к дяде,
Одной лишь бранной славы ради...)
Король ответить поспешил:
«Мой мальчик, я бы разрешил
Тебе в сражение вступить
И славу доблестью купить.
Но если ты откроешь бой,
То, уверяю, за тобой
Другие ринутся князья,
А силу нам дробить нельзя.
Мы Мунсальвеш должны найти,
Но нам неведомы пути,
И мы не знаем, как встречать
Анфортаса нас будет рать!..»
. . . . .
Тогда прекрасный *Сеграмор*
К Гинеvре лучезарной взор
С мольбой смиренной обратил...
И королеве уступил
Король. И *le Roi Сеграмор*
Уже летит во весь опор
В огне пылающей броне
На схожем с молнией коне...
. . . . .
А *Парцифаль* был недвижим,
Поскольку завладела им
Любовь, которая не раз
Пытала и меня и вас,
С ума сводила, в бой звала
И сердце пополам рвала.
Ах, знаю я такую,
О коей я тоскую.
Я тоже безутешен
И вроде бы помешан...
Но все же внимнем в разговор,
Который начал *Сеграмор*...
«Высокопочтимый господин,
Вы здесь, как видите, не один.
В чужие вторглись вы владенья.
Мы вправе ждать от вас извиненья.
Поверьте, жизнь я скорей отдам,
Чем себе позволю потворствовать вам!

Ответствуйте, из какой земли,
С какою целью сюда вы пришли?
И коль не хотите с жизнью расстаться,
Вам предлагаю почетно сдаться!..»
Однако *Парцифаль* молчал,
Он ничего не замечал
Да и не слышал ничего, —
Так одурманила его
Волшебница — госпожа *Любовь*...
И на снегу он все видит кровь...
Отъехал *le Roi Сеграмор* чуть-чуть,
Дабы с налета его проткнуть.
Но в этот миг *Парцифаль* проснулся:
Господин *Рассудок* к нему вернулся...
И *Парцифаль-герой* с улыбкою
Наклонил копьё свое пестрое, крепкое,
гибкое,
В пещере найденное им,
В щит *Сеграмора* с расчетом таким
Вонзив, чтобы выбить из седла
Того, в ком жажда славы жила,
И урезонить малость
И чтоб при этом копьё не сломалось...
Вернулся в лагерь *Сеграмор* —
Ненужен утешений хор.
Он держится достойно
И говорит спокойно:
«Нет в жизни худа без добра.
Бой, поединок — все игра,
Коль проигрался в кости,
То относись без злости
К тебе назначенной судьбе.
Я это знаю по себе.
Бывает, что корабль и тот
Крушение терпит, течь дает...
Удача ли, недоля —
На все господня воля...
Однако супротивник мой
Провел недурно этот бой,
И я скажу без униженья,
Что он достоин уваженья!..»
...Явился муж отважный — *Кей*
К славнейшему из королей,
Чтоб доложить о *Сеграморе*,
Который пребывает в горе,
Поскольку не повержен тот,
Кто новых поединков ждёт
В лесу, на прежнем месте.
«Неужто он избегнет мести?
Дозвольте мне сразиться с ним!
Иначе все мы посрамим
Супругу вашу! Да, она
Всех более оскорблена
Сим беспримерным посещеньем!
Нельзя отделаться прощеньем!
Иль службу я с себя сложу,
Хоть верой-правдой вам служу
Не первый год!.. О, боже правый!
Ужель с былой простится славой
Ваш Круглый стол?! И так нелепо?!
Да будь все глухи, немые, слепые,
Вы быть не смеее слепым!..»
И король *Артур* согласился с ним

И дал ему соизволенье
На битву с тем, кто в отдаленье
Застыл в прибежище лесном...
Сейчас ему в бою честном
Сойтись придется с мужем грозным
Под снежным ветром, днем морозным.
Но *Парцифаль* недвижим вновь.
Героя госпожа *Любовь*
Опять околдовала.
Жертв ей, что ли, мало?..
...Скажите, госпожа *Любовь*,
За что вы пьете нашу кровь,
Зачем вы к нам являетесь
И нами забавляетесь?
Вы, исцеляя от тоски,
Нам сердце рвете на куски,
Вы столь искусно лечите,
Что насмерть нас калечите.
Скажите, и не стыдно вам,
Вняв самым пламенным словам,
Куражиться над ними,
Над чувствами святыми,
И нашу боль не укрощать,
Но беспощадно превращать
Чистейшие стремленья
В предмет увеселенья?
Ужасна сила ваших чар
Для тех, кто молод и кто стар,
Мы все на этом свете
Попались в ваши сети.
Всем причинили вы беду.
Мы из-за вас — в сплошном аду,
Томимые нуждою,
Гонимые враждою.
Мы вас не в силах убедить,
Мы вас не в силах победить,
Напротив: вам в угоду
Бежим в огонь и воду...
Себе в служанки выбрав *Честь*,
Все ж позабыли вы, что есть
Угроза вашей власти
В живой, в горячей *Страсти*!..
О госпожа *Живая Страсть*,
Молю, не дайте мне пропасть
В плену *Любви* холодной,
Прекрасной, но... бесплодной!..
Другую б песню я сложил,
Коль от *Любви* бы заслужил
Расположенья крохи
За слезы, стоны, вздохи,
За все, что пережито мной...
Из-за кого? Из-за одной...
Но далее не смею
Песнею своею,
Весьма простонародной,
Любви касаться благородной,
Бессильный гнев свой изливать!..
Любовь достойно воспевать
Лишь *Генрих фон Фельдеке*⁹⁷ умеет.
Пред ним мой бедный язык немеет,
Поэтому я приуныл.
А *Фельдеке* *Любовь* сравнил,
Вняв сладостным напевам,

С большим, цветущим деревом,
Хоть лучше бы изображать,
Как нам от нее бежать...
А впрочем, от Любви уберечь
Не могут нас ни щит и ни меч,
Ни латы наши стальные,
Ни стены крепостные.
Не ускокать от нее на коне,
От нее по морской не уплыть волне:
На море и на суше
Загубит наши души.

Но, госпожа Любовь, мне жаль,
Что оказался Парцифаль,
К великому несчастью,
Под вашей строгой властью.
Ах, право, в неурочный час
Кондвиратур прислала вас
К нему из Тельрапера.
Скажу вам для примера
(Прости, всемиловитый бог!),
Что я бы вынести не мог
Подобного явленья...
Теперь без промедленья
Рассказ я продолжаю свой,
Чтоб не томился наш герой
Под сладким вашим игом,
А пробудился мигом...
...Итак, могущественный Кей,
Воинственнейший среди людей,
Закованный в такие латы,
Что столь надежны, сколь и богаты,
Свой к Парцифалю держит путь.
Не сомневаюсь я ничуть:
Достойный отпрыск Гамурета
Нашел бы способ для ответа,
И Кей бы замертво упал...
Но юный валеzieц спал,
Его всего сковала дрема
(Которая и нам знакома),
Он не подъямет головы...
О женщины! Виновны — вы!
Зачем рассудки нам туманите?
В какую вы нас пропасть тянете?..
Мне это видеть нестерпиво!
Скажите, разве не похож
Герой наш на самоубийцу?..
Кей подъезжает к валезийцу.
«Я, — молвит, — требую суда!
Вы нагло прибыли сюда.
Чье привело вас наущенье?
Неважно!.. Важно возмещенье
Непостижимого урона!
О, здесь оскорблена корона!
Но крови мы не жаждем, нет.
А посему благой совет
Без возмущения примите:
С себя оружие снимите,
Затем, смирив свой нрав горячий,
Ошейник — именно! — собачий
Наденьте... Да... Я так велю!
Я отведу вас к королю...
Ах, не хотите? Что ж, мой милый,

Тогда вас взять придется силой!»
Вот что промолвил злобный Кей.
Но госпожа Любовь сильней
Трезвого Рассудка:
Спит Парцифаль!.. Подумать жутко,
Что с Парцифалем может стать...
Кей закричал: «Ты смеешь спать,
Когда я говорю с тобою?»
Вострепещи перед судьбою!..
Его по шлему стукнул он
Своим копьем... Раздался звон...
Но валеzieц не очнулся,
Даже и не покачнулся.
«Ну, ждать я больше не могу!
Сейчас ты мертвым на снегу
Навеки спать уляжешься,
Коль следовать за мной откажешься!..
Тебя бы надобно кнутом
Полосовать, дабы потом
Мешки с мукой взвалить на спину!
Тебя, ленивую скотину,
Ничем иначе не проймешь!
Не понял? Ну, сейчас поймешь!
Избить! Избить до синяков!
Осел — так не жалей боков!
Тут не воздействуешь словами!..
...О, боже! Что мы слышим с вами?!
Такое и у мужика
Слетает редко с языка,
А тут вот вдруг — у паладина!
Но кто ж во всем этом причина?
Не вы ли, госпожа Любовь?..
Я знаю: вам не прекословь...
Однако Парцифаль проснулся.
Вновь господин Рассудок к нему
вернулся
Развеялся ужасный сон,
И капель крови не видит он
На поляне белоснежной,
Готовый к битве неизбежной...
Теперь поведать вам могу,
Что приключилось на снегу:
Сперва казалось, грозный Кей
Героя нашего сильней
Да и ловчей немножко.
В его щите окошко
Своим мечом он прорубил,
Но в тот же миг наказан был,
Когда удар ответный
Ему нанес урон приметный.
С коня он в снег лицом упал
И ногу левую сломал,
А также руку правую...
Бегут к нему оравую
Оруженосцы и пажи...
Господь! Уста мне развяжи
И повели поведать людям,
Что пред господним правосудьем
Бессильны ненависть и зло!
Вы мните: Кею не везло?
Не в этом суть! Се — воздаянье

За черные его деянья,
Господь свой вынес приговор
За муки те, что Антанор
И Куневара вынесли...
...Из леса Кея вынесли...
Вот он в Артуровом шатре
На скорбном возлежит одре,
Вокруг слышны рыданья
И вздохи состраданья.
К изнемогавшему от ран
Племянник короля — Гаван⁹⁸
Собственной персоной
Прибыл, потрясенный...
Героя раненого жаль.
Но грозно молвил сенешаль:
«Довольно быть, хотя бы!
Или все вы бабы?»
И рек, к Гавану обратясь:
«Послушайте, великий князь.
Вы — сын Артуровой сестры
И сердцем кротки и добры.
Не надо плакать обо мне:
Речь о родной идет стране!
О вашем дяде речь идет!
Ужель король Артур падет?!
Не за себя отметить прошу,
Но вас предостеречь спешу,
Что враг еще не побежден.
Он ждет! Я в этом убежден.
Да, да! Не терпится ему
Нас всех разбить по одному,
Дабы над всеми возвышаться...
Так не пора ли вам вмешаться
И молвить: «Этому не быть!»
Вы... Вы должны его разбить!..
При вашем появлении
Не выкажет он удивленья,
И ни галопом и ни рысью
(Я разгадал его повадку лисью)
От вас он не ускокнет прочь,
Решивши, что себе помочь
Он сможет способом иным:
Лишь явитесь вы перед ним,
Он вам сраженья не навяжет,
А женским волосом вас свяжет
И по рукам и по ногам.
(К иным доверчивым врагам
Он этот способ применяет.
Он связывает и сминает
На жалость падкого юнца!..
Вы в мать пошли! Но не в отца!
Отбросьте кротость, нежность, томность.
Пусть я вам — раненный — запомнюсь,
Когда настанет ваш черед
В сраженья ринуться, вперед!..
Все это словоизверженья
Не повергало в раздраженья
Высокочтимого Гавана.
Что значит окрик грубияна?
Подобный пыл нас веселит...
...Гаван коня седлать велит
И без оружия скачет к чаще,
Готовый к встрече предстоящей.

Но Парцифаль видит он,
Как прежде, погруженным в сон.
Тот ничего не замечает,
Тот ни на что не отвечает,
У госпожи Любви в плену...
Сорвать не в силах пелену
Сын Герцелойды с глаз незрячих...
О, сколько ж огненно-горячих
Потоков крови в нем кипит!
Спит Парцифаль. Зато не спит
В нем кровь потомков: бабок, дедов —
Мучительниц и сердецедов,
Всех, всех, кто повторился в нем, —
И жжет его таким огнем,
Которым грудь его согрета.
И разве не от Гамурета —
Сия приверженность Любви?..
Зови его иль не зови,
Он спит. Он ничему не внимлет.
Любовный сон его объемлет...
...Сын Лота говорит ему:
«Я за обиду не приму
Сие упорное молчанье.
Я прибыл к вам не на ристанье,
Но вы обидели престол
Артура! Вами Круглый стол
В какой-то степени затронут!
Пусть в равнодушие вашем тонут
Мои слова, но объясненья,
Как вторглись в наши вы владенья,
Сейчас обязаны вы дать!..
Вы спите? Я согласен ждать,
Предоставляя вам отсрочку!..»
...В одну, Гаван приметил, точку
Уставил Парцифаль свой взор:
Где снеговой белел ковер,
Три капли огненно алели.
То кровь была на самом деле!..
Тогда Гаван бросает свой,
Подбитый желтою тафтой,
Великолепный плащ шелковый
(Поступок истинно толковый!)
На снег, где проступала кровь...
И тут же госпожа Любовь
Перед Рассудком отступила,
Из плена Разум рыцаря отпустила
(Но сердце его все держала в плену),
И Парцифаль призвал жену:
«О благороднейшая, где ты?
Томлюсь, терзаюсь, жду ответа.
Не я ль завоевал в бою
И руку и страну твою?
Кламида одолел не я ли?..
Так вспомни же о Парцифале,
Бедном сыне Гамурета,
Который солнечного света
Не видит в ослепленье странном...
Застлало мне глаза туманом...»
И вдруг он дико заорал:
«Эй! Кто копье мое украл?!
Куда копье мое девалось?!»
«Увы! В бою оно сломалось!» —
Смеясь, отвечивал Гаван.

«В бою?! И это не обман?!
Воистину невероятно!
Но дрался с кем я?! Непонятно!
Не с вами ведь. Вы безоружны.
Дешевой славы мне не нужно...
Да вы смеетесь надо мной!
Я просто видел сон дурной!..»
Но продолжал Гаван учтиво:
«Поверьте, говорю не лживо,
И хоть я с вами еще незнаком,
К вам дружбой искренней влеком.
Не вижу никаких препятствий
К тому, чтобы мы жили в братстве.
Пришел я вас не победить,
А к тем шатрам сопроводить,
Где множество господ и дам,
Покуда неизвестных вам,
Ждут вашего явления...
Итак, прошу соизволения
Вас проводить туда... в шатер...»
«Мне ваш приятен разговор.
Вы друг мне, так я полагаю,
И я вам дружбу свою предлагаю.
Но кто вы, смею ли узнать?..»
«Кто я? Меня Гаваном звать.
Сын Лота и сестры Артура...»
«Ах, ты и есть Гаван? Натура
Твоя известна... Но пока
Признаюсь: честь невелика,
Что ты мне хочешь быть полезен.
Со всеми ты людьми любезен!
Всем равно хочешь услужить!..
С тобой я соглашусь дружить
Лишь при условии, что за дружбу
В ответ мою ты примешь службу,
Чтобы понять, как ты был прав,
В свои друзья меня избрав!..
Однако кто же здесь владыка?»
«Король Артур! Ты погляди-ка
На тот шатер...» — «О, погоди!
Стеснение в моей груди!..
Я не могу пред королевой
Предстать, пока над чистой девой
Еще глумиться смеет тот,
Кем страшный не оплачен счет!..
Злосчастный, ненавистный Кей
(Из-за наивности моей)
Вкатил несчастной оплеуху!
Отмстить злодею хватит духу!
Возмездья час неотвратим!..»
«...Ты только что сражался с ним,
Причем, скажу, не без успеха.
И сон тебе, брат, не помеха!
Переломал ты Кею ногу
И руку... Словом, понемногу
Мечь все же осуществлена
И полностью отомщена
Прекраснейшая Куневара!
Одно досадно: от удара
Разбилось в щепки и твое
Необычайное копье!..
Но не печалься. В битве правой
Ты победил, увенчан славой.

Послушай! Ликованья хор!
То ждет тебя Артуров двор...»
...Итак, теперь друзья до гроба,
Неторопливо скачут оба
Туда, к Артурову двору,
К королевскому шатру...
Хор ликованья громогласный
Раздался вновь, лишь Рыцарь Красный
В пределы лагеря вступил.
Он славу доблестью купил!..
Тут Куневара увидела,
Кого столь долго она ожидала,
Кто в битвах бился за нее,
Чье благороднейшее копье
Отмстило мерзостному Кею...
Была герцогиня Ешута с нею
И герцог де Лаландер, брат...
Как преданья говорят,
Валезиец был прекрасен:
Осанкой горд и взглядом ясен,
Лицо сквозь ржавчину сияло...
Он ехал, приподняв забрало...
Однако должен вас отвлечь,
Дабы вам дать послушать речь
Обретшей счастье и свободу:
«Сначала господа в угоду,
Затем уже на радость мне
Оказались в нашей вы стороне...
Покуда вас я не узрела,
Тоска-печаль в моем сердце зрела,
Но вот, в тот день увидев вас,
Я засмеялась... В первый раз
Смеялось сердце!.. Да!.. От счастья!..
Из черной зависти отчасти
Безмерно злобный Кей при всех
Меня избил за этот смех...
О славный рыцарь! Сколь приятно
Мне это вымолвить: стократно
Вы отомстили за меня!
Так вождя денейшего дня,
Счастливица, я дождалась!..
Облобызать хочу вас, князь!
И жду ответного лобзанья...»
...Неимоверного терзанья
Злосчастный разомкнулся круг...
Куневара кличет слуг,
Чтоб принесли герою платья...
Теперь прошу вас отгадать я,
Что принесли они?.. Блестящ
Был меховой Кламида плащ,
С его отделкой несравненной.
Не просто плащ — трофей военный!
(Строптивым рыцарям урок...)
Да жаль: потерян был шнурок,
А без шнурка ходить неловко...
«Прошу вас взять мою шнуровку!..»
...В руках героя оказалась
Шнуровка эта, что касалась
Благоуханнейшего тела.
Того сама судьба хотела...
Мой валезиец, господа,
Прекрасен был как никогда...
Меж тем король благословенный

Обряд молитвенный, священный
 Благоговейно совершал.
 Он утро богу посвящал,
 Молясь всевышнему владыке...
 Но вот ликующие клики
 И до Артура донеслись.
 Он понял: люди дождались,
 Красный Рыцарь появился!..
 ...Всяк поспешал, всяк торопился
 За королем туда, в шатер.
 Бежал вприпрыжку Антанор.
 Зачем? Могут ответить:
 Чтоб первым гостя поприветить...
 . . . . .
 Все злоключенья пересилив,
 Как светлый ангел (но без крыльев),
 Прекрасный, юный наш герой
 Встречал к нему спешащий рой.
 Он был красив, любезен, весел.
 Пришедшим он поклон отвесил,
 И все поздравили его
 (Вплоть до Артура самого)
 Дружным хором полнозвучным
 С прибытием благополучным.
 Король с великой похвалою
 Приблизился к герою.
 Затем добавил: «Спору нет,
 Что пользу, равно как и вред,
 Моей земле вы принесли:
 Ешуту верную спасли
 От злобного навета.
 Зачтется вам заслуга эта.
 Высок ваш рыцарский порыв!
 Ешуту с мужем помилив,
 Вы благо совершили...
 А с Кеем явно поспешили.
 Когда бы мне вовремя все рассказали,
 Неужто б мы сами не наказали
 Сенешаля своего?
 Нашлась бы управа и на него!..
 И все же просим вас поведать,
 Что вас заставило проведать
 Сию неблизкие края?
 Нас ожидает, чуто я,
 Рассказ безмерно интересный...
 Вступите, просим, в круг наш тесный!
 Героев Круглого стола.
 Ведь ваши громкие дела
 И ваша рыцарская слава
 Вам обеспечивают право
 Быть в нашу принятым средю
 И в первом выступать ряду
 Отважных паладинов,
 Смущение отринув!..»
 . . . . .
 И вот уж вынесен на луг
 Из шелка вырезанный круг
 (Круглого стола замена)...
 Уселись подле сюзерена
 Его вассалы, чтоб сейчас
 Прекрасный выслушать рассказ...
 (Король закон провозгласил,
 Чтоб каждый рыцарь приносил

Из странствия иль с поля боя
 Какой-нибудь рассказ с собою...)
 . . . . .
 Сей лучший из земных столов,
 Мы знаем, не имел углов.
 Быть как бы во главе стола
 Всем честь оказана была,
 Всяк удостоен чести
 Сидеть на главном месте!..
 ...К героям Круглого стола
 Гиневра с дамами пришла:
 У них глаза горели,
 На рыцаря они смотрели,
 Который всех очаровал...
 И тут король Артур сказал:
 «Мой друг молодой, доставьте радость
 мне
 И дорогой моей жене,
 Которая нежностью к вам пылает
 И вас обლობызать желает,
 Просьбу выполнив сию...
 Я, конечно, сознаю,
 Что вам нисколько не нужны
 Лобзанья чьей-либо жены:
 Целуют слаще в *Пельрапере!*..
 Но если постучит к вам в двери
 Когда-нибудь король Артур,
 То пусть ему Кондвирамур
 В лобзанье не откажет:
 Весь век благодарить обяжет!..»
 И вот, прекрасная собою,
 Гиневра подошла к герою.
 Она подставила уста
 Для поцелуя неспроста:
Прощенье это означало!..
 Ведь вы запомнили начало
 Знакомства их, когда пронзен
 Был Красный Итер... Но прощен
 Виновник гибели напрасной
 Владычицей его всевластной...
 И все ж с ее сбежали глаз
 Слезинки, ибо и сейчас
 Здесь Итера не позабыли:
 Все при дворе его любили...
 Конец, конец былтым обидам!..
 Между Гаваном и Кламидом
 Сидит мой славный Парцифаль,
 Победоносно глядя вдаль.
 Всех красотю превзошел он,
 Отважен, благородства полон,
 Как говорят — в расцвете лет.
 И был необычаен цвет
 И щек его и подбородка...
 Он то восторженно, то кротко
 Мужам Артуровым внимал...
 Лик его напоминал
 Щипцы!.. (Подобными щипцами
 Дам, слишком ветреных сердцами,
 Вполне возможно удержать:
 Лишь надо посильнее жать!..)
 Любовь и Нега, Власть и Сила
 От Парцифаля исходила,
 Все было дорого ему...

И вдруг — конец!.. Конец всему!..
 . . . . .
 Чтоб правде вы в глаза взглянули,
 Скажу: на тощем едет муле,
 Наряд блистательный надев,
 Одна из неизвестных дев.
 Никто (я б в том не сомневался)
 Ее любви не добивался,
 Никто по ней не тосковал,
 Из-за нее не рисковал.
 Лицом весьма неблагородна,
 Дева знала превосходно
 Французский, мавров речь, латынь...
 Но (боже правый, не покинь
 Артура, что бы ни случилось!)
 Зачем она сюда явилась?!
 Что нужно ей в сиих краях?!
 Посеять горе или страх?..
 ...Просвещенной до предела
 Она была и овладела
 И астрономией небесной,
 И геометрией чудесной,
 И вольно речь ее лилась...
*Кундри*⁹⁹ волшебница звалась...
 Вся вызов госпоже Природе,
 В накидке по новой французской моде,
 В лондонской шляпе с пером
 павлиньим,
 В изысканнейшем платье синем,
 В плаще лазурно-голубом,
 Она, как град, она, как гром,
 Беспечность, радость сокрушала
 И шум веселья заглушала...
 Была она желтоглаза,
 С глазами, что два топаза.
 Коса с головы свисала,
 Что «красотой» потрясала:
 Коса была черной и длинной
 И лишь со свиной щетиной
 Могла бы сравниться нежностью...
 Такой *восхитительной* внешностью
 Из нас обладает не всякий:
 Был нос у ней, как у собаки,
 А уши-то, как у медведицы...
 (Хотите ли к ней присоседиться?)
 Ну правда, не хороша ли?
Ротик ее украшали
 Два длинных кабаньих клыка,
 Приметных издалека.
 Не избежать описаний
 Кожи ее обезьяней,
 И шерстью обросших ручек,
 И умилительных штучек,
 Что назывались *ногтями*,
 Но львиными были когтями...
 Не уставала она сжимать
 Рубиновую рукоять
 Длинной шелковой плети...
 Страшней никого я не знал на свете-
 Радости погубительница,
 Великой скорби носительница,
 Скача по зеленому лугу,
 Приближалась к Артурову кругу...

Удар ужасный назревал!
Но кто о нем подозревал?!
Никто не ждал удара.
С Артуром Куневара
Беспечный разговор вела.
Радостью королева цвела,
Ну, а король тем боле:
Сиял, как на престоле!..
Кундри к Артуру подсказала
И по-французски ему сказала:
«Fils du Roi...» А впрочем, вот —
Вам мой немецкий перевод.
(Пришлось немало мук снести,
Чтоб эту речь перевести...)
«Сын Утерпендрагуна славный!
Узнай: ты сам виновник главный
Того, что твой унижен трон!
Бывало, шли со всех сторон
К тебе смелейшие из смелых.
Давно ль во всех земных пределах
За счастье бы любой почел
Хоть раз взглянуть на Круглый стол?
Была ли в мире выше честь,
Чем так с Артуром рядом сесть?
И все тебя боготворили,
Тебе любовь свою дарили...
Так что же вдруг произошло,
Что солнце славы твоей зашло?
Погибла честь, почет утрачен,
Твой жребий, как могила, мрачен...
Понять не можешь, в чем тут суть?
Скажу. Но уж не обессудь.
Хочу, чтоб все узнали:
Здесь дело в Парцифале,
Которому ты так мирволишь!
А он ведь негодяй всего лишь!
Им Красный Итер был убит.
Сей грех еще не позабыт:
Все плачут о достойном муже...
Но грех он совершил похуже!..»
...И к валезийцу подсказав,
Сказала: «Низок и лукав
Ваш нрав и темен разум.
Красавцем ясноглазым
Посмели вы придти сюда.
Меж тем от вас — одна беда.
Я всем чудовищем кажусь,
Но лишь одним сейчас горжусь,
Что с вами мы не схожи.
Мы не одно и то же!
Вы сердцем, вы душой урод!..
Пошто трусливо смолк ваш рот?
Иль требуют сокрытья
Известные события?..
Скажите, рыцарь: как же так?
Вам скорбный встретился Рыбак,
Несчастьем томимый...
А вы? Промчались мимо!
В ту приснопамятную ночь
Лишь вы могли ему помочь,
Но вас не занимала
Чужая боль нимало...
(До чьей-то скорби снизойти?)!

Куда там! Мне не по пути!
Того печаль изъела?
Но мне-то что за дело?!)
Вы даже не раскрыли рта!..
Но бог вам разомкнет уста
И вырвет, вырвет ваш язык
За тот невыкрипнутый крик
Простого состраданья!
И нет вам оправданья
Ни в этом мире и ни в том.
Вписали огненным перстом
Вас в некий страшный свиток
Для предстоящих пыток —
Кипенья в адовой смоле,
В геенне!.. Но и на земле
Пощады вам не будет!
Вас и земля осудит!
И проклянет вас этот круг,
В который вы попали вдруг:
Едва узнают, кто вы,
Все будут к вам суровы...
Вы честь мужскую оскорбили,
Свое достоинство сгубили,
Род опозорили людской...
Верьте, лекарь никакой
Вас не спасет от душевной хвори,
И жизнь свою вы проживете в горе.
Да понимаете ли вы сами,
Что значит грех, совершенный вами,
О бессердечный Парцифаль?
Пред вами пронесли Грааль,
Среди разубранного зала
Пред вами кровь с копья стекала!..
Узрев редчайшее из див,
Вы смолкли, даже не спросив,
Что все бы это означало...
Бессмертье вас бы увенчало,
Мир вас бы к звездам превознес,
Задай вы хоть один вопрос!
Словцо хотя бы оброните
Там, в Мунсальвеше!.. В Таброните
Великой славы и наград
Ваш пестрый удостоен брат.
Сбылись желанья Фейрефица...
Но с Мунсальвешем ли сравнится
Арабов город Табронит?
(Всевышний пусть оборонит
Престол достойнейшего брата!)
А вы, исчадие разврата,
Преступно пали до того,
Что господина моего
Меч, вам врученный, осквернили!
О, господи! Да вы верны ли
Хотя бы памяти отца,
Высокочитимого бойца?
Он, кто анжуйцем назывался,
Ах, как бы он сейчас терзался,
О вашей низости узнав!
Он, тот, чей благородный нрав
Был рыцарству всему известен,
Не вынес бы, что столь бесчестен
Его, им порожденный, сын!..
Да что там! Разве он один

Терзался бы? О нем горюя,
Сейчас в огне сама горю я
И гибну в дьявольском огне!
Всех жальче Герцелойду мне!..»
И Кундри в непомерной муке
Стенала, и ломала руки,
И слезы горькие лила:
Святая Верность ее вела.
(А Верность это — та же Сила!..)
И Кундри рыцарей спросила:
«Остался ли еще среди вас
Боец, кто рвется в этот час,
Душою не лукава,
К Любви и к Бранной Славе?
Кто не забыл, что значит Честь?..
Так знайте: в мире замок есть,
Который скрыт от глаз людей.
Зовется он Шатель Марвей.¹⁰⁰
Четыреста прекрасных дев
На службе там у четырех королев.
И все четыре королевы
Еще прекрасней, чем их девы...
В Шатель Марвей тому почет,
Кого Любовь к себе влечет,
Кто одержим влеченьем
К высоким приключеньям.
Надеюсь, что, хоть и не без труда,
Сегодня еще попаду туда!..»
И, ни к кому не обратившись,
Ни с кем из рыцарей не простившись,
Печальная дева умчалась одна.
Потом вдруг на миг обернулась она
И уже безо всякой угрозы
Воскликнула сквозь слезы:
«Обитель скорби Мунсальвеш!
Твой дивный избавитель где ж?
В беде ли тебя он оставит
Или спасет да избавит?..»
Речь мудрой девы безобразной,
Как видим, не была бессвязной...
А что наш валезиец? Он
Убит, раздавлен, заклеямен!
Он знает: справедлива кара!..
...Очнувшись первой, Куневара
Ужасно зарыдала вдруг:
Ее спаситель, верный друг,
Всегда ведомый чувством долга,
Столь незаслуженно оболган!
Прошло рыданье среди дам,
И счету не было слезам...
...Умчалась Кундри... Но мгновенно
Явился, как бы ей на смену,
Какой-то рыцарь... Ах! Огнем
Пылала мантия на нем
И на коне сверкали бляхи...
В оцепененье, в горе, в страхе
Он застаёт Артуров круг...
Такой же след душевных мук
Лицо красавца отражало...
Невыносимой обиды жало
В младое сердце его впилось
И все отныне в нем сплелось:
Отвага с горем, страсть с тоскою.

Он тяжкий меч вздымал рукою
И вдруг взревел, как ураган:
«Где здесь Артур? Кто здесь Гаван?!»
...Рыдали дамы безутешно...
Тут кто-то из пажей поспешно
Ему обоих показал.
«Храни вас боже! — гость сказал. —
Всем вам привет свой посылаю.
Но одного найти желаю
Средь вас, кто станет мне врагом,
Кто в озлоблении слепом
Навек меня возненавидит!
Я знаю, кто он. Пусть он выйдет
Вперед! Его зовут Гаван!..
Святой обет мной богу дан
Великое свершить отмщенье!
О, неподвластна укрощенью
Меня терзающая боль!
Мой повелитель, мой король
Гаваном мерзостно заколот!
Он столь коварен, сколь и молод!
Без всяких видимых причин
Убит мой князь, мой господин,
Брат моего отца!.. При этом
Гаван с притворным шел приветом
К нему... И в грудь ему вонзил
Свое копье что было сил...
О, вот он, поцелуй иудин!
Убийца низкий! Ты подсуден
Неумолимому суду!
Так выйди! Я ответа жду,
Чтобы отмстить тебе жестоко!
Да! Зуб за зуб! За око — око!
И смерть за смерть!.. Не быть в долгу!
Но, впрочем, может быть, я лгу,
Безвинного черня наветом?!
Что ж! Громко заяви об этом,
Свою невинность докажи,
Меня же смертью накажи
На предначертанном турнире.
Вдвоем нам тесно в этом мире,
И должен пасть один из нас!..
Ответствуй же!.. Но не сейчас...
Турнир во граде Шанпфранцуне,¹⁰¹
В стране великой Аскалуне,
Назначен через две недели!
Ну, что ж. Сойдемся в ратном деле.
Готов, как видишь, подождать,
Пока тебе придется дать
Ответ достаточно подробный!..
О, я противник брани злобной
И не для ругани сюда
Пришел... Я требую суда,
Который кровью все решит!
Пушкой господь свой суд свершит:
Иль чью-то жизнь он остановит,
Иль чью-то честь он восстановит!..»
...Король Артур сперва молчал,
Сначала он не отвечал,
Потом промолвил: «Рыцарь сей —
Любимый сын сестры моей.
Когда Гаван бы в битве пал,
То за него бы я предстал

В Шанпфранцуне пред судом,
Которого мы с болью ждем.
Однако мой племянник жив
И сам услышал твой призыв.
И сможет сам держать ответ.
Посмотрим: прав ты или нет?
Но одного я не пойму:
Такое бросивши ему
Ужаснейшее обвинение,
Ты не имеешь тем не менее
Необходимых доказательств,
А только — несколько ругательств!
Гореть ты будешь со стыда
По завершении суда!..»
...Вот что сказал король Артур...
Тут юный, гордый *Беакур*¹⁰²
(Он братом был Гавану)
Вскричал: «Я грудью встану
В бою за брата моего!
И на судилище его
Я представлять желаю!
И жаждой действия пылаю!»
Хоть на слова Гаван был скуп,
Он рек: «Я не настолько глуп,
Чтоб просьбу выполнить твою.
Сам за себя я постою
И род наш не унижу.
Но, честно говоря, не вижу
Причин для поединка.
Однако всякая заминка
Неверно будет понята.
Так пусть господня доброта
Ни в чем нас не покинет.
Считайте: вызов принят!..»
Но Беакур все не сдавался...
Все своего он добивался...
И хмурый гость сказал тогда:
«О высокие дамы и господа!
Его не имею я чести знать
И вызов не смею его принять,
Вражды не чувствуя к нему.
Он — это видно по всему —
Силен, отважен, прекрасен собой,
Властен, верностью движим святой.¹⁰³
Так пусть он вложит в ножны меч,
Чтоб доблести сии сберечь
Для боле подходящих
Встреч, еще предстоящих.
А я, чье имя вам досель
Неведомо, — князь *Кингримурсель*,
Хочу сражаться лишь с одним
Гаваном!.. Всем же остальным
Желаю процветанья
И мира!.. Испытанья,
Судьбой назначенного, жду!..
Призвав виновного к суду,
Обязан я заметить,
Что мы готовы встретить
С почетом рыцарским его
В столице дяди моего
(Коль он прибыть туда согласен).
Никто не будет ему опасен,
Его поступку вопреки.

И только от *моей* руки
Падет он, мной наказан.
Я высшей клятвой связан!..»
Все словно бы оцепенели,
Услышав речь *Кингримурселя*.
Известно было это имя!
Делами славен боевыми,
Сей рыцарь так мечом владел,
Что равных в мире не имел...
Все трепетали за Гавана...
А князь, явившийся незвано,
Уже успел сокрыться с глаз...
Но мы продолжим свой рассказ.
...От *Кундри* рыцари узнали
Подробности о *Парцифале*:
Как *валезийца* величать
И кто его отец и мать...
Еще не поглотила *Лета*
В ту пору имя *Гамурета*.
Иной с ним вместе воевал,
Иной в *Канвалуа* бывал,
Иной, кто нынче стар годами.
Еще служил *Прекрасной Даме* -
Анфлисе Несравненной, той,
Что *куртуазии* святой
Анжуйца первой обучала...
И всех, конечно, огорчала
Обида, что в порыве зла,
Герою *Кундри* нанесла...
...У каждого — своя обида.
Ну, разве короля *Кламида*
Однажды не обидел рок
И не был мир к нему жесток?
Нет, *Парцифала* и *Гавана*
Вовек не жгла такая рана,
Которая *Кламида* жгла:
Душа в тоске изнемогла,
И несть конца его печалю...
И вот с героем *Парцифалем*
Король вступает в разговор:
«Когда б дары *Кавказских юр*
Или земель *арабских кладь*,
Монет златые водопады
И все сокровища *Граала*
Вы в самом деле потеряли,
Все было б меньше той потери,
Что я издедал в *Тельрапере*,
Когда, разбив меня в бою,
Вы радость отняли мою.
И вот я состою отныне
При *Куневаре*... Для княгини
Я только жалкий пленник ваш...
О, тяжелейшей из пропаж
В ничтожнейшее возмещенье
Прошу мне даровать прощенье,
А *Куневаре* дать понять,
Что стоит от меня принять
Мою любовь, а также руку
В вознаграждение за муку,
Что столько времени терплю...»
«Ну, что ж... Я так и поступлю,
Чтоб вы хоть чуточку воспряли.
Ведь та, кого вы потеряли,

Обийе и Обилот... Добрай
 И чище их едва ли
 В окрестных княжествах знавали.
 Но, как ни странно молвить, зло
 Из-за любви произошло:
 Любовь Раздору послужила!
 Обийе приворожила
 К себе младого короля.
 О снисхождении моля,
 Он на коленях перед ней:
 «Обийе, внемли мольбе моей
 И на любовь ответь любовью!..»
 Она не повела и бровью
 И строго отвечала:
 «Должны вы заслужить сначала
 Право на любовь мою!..
 Еще вы не были в бою
 И не дрались пока ни разу!..»
 К столь дерзновенному отказу
 Король был вовсе не готов.
 И, сам не свой от этих слов,
 Во гневе он проговорил:
 «Тебя отец подговорил
 Унизить государя!
 Готовься к страшной каре!..
 Перечить смеешь королю?!
 Да я вас всех переколю
 И всех вас уничтожу,
 Со всех сдеру с вас кожу!..»
 (Затмение нашло ли
 На короля от сердечной боли,
 Иль тут крутой сказался нрав,
 Иль, вдруг рассудок потеряв,
 Он просто разразился бранью?..
 Коль верить древнему преданью,
 Тут было все... Но сей рассказ
 Дошел не полностью до нас,
 А также до Гавана
 От некоего мальчугана,
 Пажа из свиты Мелианца,
 Который, встретив чужестранца,
 Поведал рыцарю о том,
 Что мы сейчас передаем...)
 ...Итак, король стремится к бою!
 Что с девою молодою?
 Что с добрым князем стало?
 Униженный немало,
 Липпаут сказал: «Я только ленник,
 Но не предатель, не изменник.
 Пусть Рыцарский решит совет,
 Виновен в чем я или нет?..»
 При этом всем добавить надо,
 Что снисхожденья и пощады
 У Мелианца он просил...
 Но тот, однако, закусил,
 Как говорится, удила!..
 У князя все-таки была
 Тогда еще одна возможность:
 Ум проявив и осторожность,
 Взять короля младого в плен...
 Однако юный сюзерен
 Был в этом доме как бы гостем.
 А рыцари гостям и гостьям

Прислуживают, но не мстят —
 Закон, что и поныне свят!..
 Но Мелианц не унимался...
 Однажды ночью он поднялся,
 Чтобы со свитою, тайком,
 Покинуть навсегда тот дом,
 Где он был, в сущности, воспитан...
 И вот теперь войскам велит он
 Сию обитель штурмом взять,
 Чтобы жестоко наказать
 Тех, кто служил его короне!..
 Однако к стойкой обороне
 Был князь Липпаут готов вполне:
 Да! Он был вскормлен на войне!..
 ...Вот что узнал Гаван об этом
 Событье (под большим секретом)...
 Осталось только выбирать —
 Чью в споре сторону принять?
 Обязан в битву он ввязаться,
 Чтобы глупцом не показаться,
 Чтоб трусом не сочли его!..
 Но если драться, то за кого?
 Где большей славы он добьется?
 Где больших почестей дождется?..
 Какой себе ты хочешь доли, —
 Сам выбирай по доброй воле.
 С кем будешь? За кого пойдешь?..
 ...Гаван отправился в Барош...
 Но, боже правый, не посетуй!
 Гаван решил ни той, ни этой
 Не держаться стороны,
 Попад в водоворот войны...
 Он за себя еще не бился,
 Не зря он в Шанпфранцун стремился,
 Где от высокого суда
 Он ждал сейчас, как никогда,
 Погибели или почета...
 ...Сквозь неприступные ворота
 Он въехал в город... Долгий путь
 Отмерен был... Передохнуть
 Гаван под липою тенистой
 Решил, предвидя путь тернистый
 Там, в аскалунской стороне!..
 Меж тем на крепостной стене
 Княгиня с дочерьми стояла
 И вдруг Гавана увидала
 Под липою, в густой тени.
 «Обийе, прошу тебя, взгляни! —
 К нам рыцарь прибыл на подмогу,
 Благодаренья богу!..»
 Обийе как рассмеется:
 «Где рыцарь?! Мне сдается,
 Не рыцарь это, а купец!..»
 «О, помолчи же, наконец, —
 Сказала Обилот в ответ.
 (Сестрице было десять лет,
 Но не по возрасту она
 Была пытлива и умна.)
 Взгляни на шлем его блестящий!
 Он рыцарь! Рыцарь настоящий!
 И на торговца не похож!
 Взгляни, как он собой хорош,
 Как молод, как прекрасен.

И коли он согласен
 Стать верным рыцарем моим,
 Навек он будет мной любим,
 Чудесный мой избранник!..»
 (Все это слышит странник,
 Не подает лишь виду
 И не таит обиду.)
 «Твой злой язык, имей в виду,
 Уже навлек на нас беду!
 Сражен твоим отказом,
 Король утратил разум!..
 Идет прекрасный рыцарь к нам!..»
 «Смешно внимать твоим словам!
 Ты посмотри, сколь гадки
 Приезжего повадки:
 Разлегся около дворца!..
 Мать, повели прогнать купца!
 Во что бы то ни стало
 Хочу, чтоб ты к нему пажа послала!..»
 Пусть детский спор похож на шалость,
 —
 Княгиня старая вмешалась:
 «Не станем время тратить даром!
 Коли он прибыл к нам с товаром,
 Товар его приобретем,
 И пусть идет своим путем!..
 Но если рыцарь он, который
 Нам смог бы послужить опорой
 Среди нам всем грозящих бед,
 Ему почтение и привет!..»
 Промолвив это, госпожа
 Тотчас направила пажа,
 Своего питомца,
 Проведать незнакомца...
 (Хочу заметить: у Гавана
 Была надежная охрана —
 Дружина доблестных бойцов...
 Нередко, впрочем, и купцов
 Дружинники сопровождают...
 И — кто он? — неспроста гадают
 Сейчас княгиня и княжны:
 Им доказательства нужны!..)
 . . . . .
 . . . . .
 И вот, представ перед Гаваном,
 Паж (под предлогом крайне странным)
 Героя должен был спросить:
 «Нельзя ль у вас коней купить?..»
 Но, слава богу, устранился,
 Лезть с вопросом не решился,
 Младого рыцаря узрев:
 Того душил безмерный гнев,
 И в озлобленье крикнул он:
 «Мальчишка! Убирайся вон
 Иль хочешь — ребра пересчитаю!..»
 (Гаван был прав, я так считаю...)
 . . . . .
 . . . . .
 По возвращении гонца
 Просит Обийе отца
 Пришельца в крепость залучить,
 Чтобы в темницу заключить...
 . . . . .

Липпаут Гавана к себе призвал
И в полмгновения узнал,
Что это вовсе не купец,
А рыцарь!.. Так пришел конец
Досадным недоразумениям.
Липпаут воскликнул: «Провиденьем
Вы, рыцарь, посланы сюда!..
Надеюсь, боле никогда
Подобное не приключится...
Коль вам угодно отличиться
В моем строю, я буду рад!..
О нет, не просто друг! Здесь — брат
Сейчас стоит пред вами
И просит со слезами
Помочь, хоть я не побежден...
Но враг сильней, я убежден.
И вы бесконечно меня обяжете,
Если мне помощь свою окажете!..»
И доблестный Гаван сказал:
«О, вам бы никогда я не отказал!
И я готов к любому бою.
Но только рисковать собою
Тпока не смею!.. Не могу!..
Я у самой судьбы в долгу.
Мне бой особый предназначен,
Только этим я озадачен.
Навет я должен отмести!
Затем и нахожусь в пути!..»
Липпаут сказал: «Не для себя,
А дочерей своих любя,
В которых я души не чаю,
Я эту крепость защищаю!..
Великий бог мне не дал сына.
Но сделать сыном господина,
Вопреки дочерней воле,
Я не могу! И не позволю!
Дочь за него я не отдам!..»
«Так пусть господь поможет вам!..»
И снова князь героя начал
Просить о поддержке, чем озадачил
Отважного отпрыска Лота...
Ему ли не охота
Сойтись с врагом? Он весь горит!
И вот он князю говорит:
«Все взвесив, позже вам отвечу...»
...И вдруг бежит навстречу
Гавану, чей родитель Лот,
Прекраснейшая Обилот
И что-то робко произносит...
Она героя в гости просит!..
Так он побрел за ней вослед,
За девочкою в десять лет.
К прелестному ребенку
Зашел он в комнатенку
И, как бы ослепленный,
Стоял коленапреклоненный...
И девочка ему открылась:
«Мне говорить не приходилось
Еще с мужчиной ни с одним,
Разве что с отцом моим...
Надеюсь, вы без осужденья
Мои воспримете рассужденья
И не поставите мне в укор

Недолгий этот разговор...
Моя наставница, бывало,
Вершиной духа называла
Человеческую речь.
Но чувством меры пренебречь
Я не хочу и кратко
Все изложу вам, без остатка...
Как я вас благодарю:
Когда я с вами говорю,
Я говорю с собою, —
Вот что я вам открою...
Затем скажу вам, не тая,
Что я — есмь вы, а вы — есмь я!..
Я — девочка, вы — муж и витязь,
Но именем моим зовитесь,
Поскольку с вами мы — одно.
Мне это ведомо было давно.
Коль это не противно вам,
Я всю вам любовь свою отдам,
И мне служить вы будете,
А славу себе добудете!..
Меньшая княжеская дочь,
Молю вас отцу моему помочь,
Молю вас, как любимого,
Врага, досель неодолимого,
Разбить, не ведая пощады,
В предвиденье моей награды!..»
...Гаван сказал: «Еще вам нет
Пятнадцати заветных лет.
И хоть я от любви немею,
Пять лет я права не имею
Ни вам служить, ни вас любить...
Сам не ведаю, как быть...»
...Тут в сердце Гавана прозвучали
Слова, что слышал он от Парцифаля:
«В Любовь сильней, чем в бога, верь!..»
Зачем же именно теперь
Он речь припомнил эту?
Чтоб внять сему совету!..
И девочке Гаван сказал:
«Нас воедино рок связал.
Мы жизнью связаны одной.
Отныне станете вы мной.
Я в ваши руки отдаю
Мое копье и честь мою,
Чтобы средь бранной вьюги
С моим мечом, в моей кольчуге,
Сидя на моем коне,
Себя вы обрели во мне!..
И враг ваш вызов примет:
Вас за меня он примет,
И не снесет он головы,
Когда его лишите вы
Вчерашнего величья,
Приняв мое обличье!..»
...И молвит юная Обилот:
«Я ваша сила и ваш оплот,
Я панцирь ваш, и меч, и щит,
Моя любовь вас защитит.
Я с вами всюду и везде,
С вами в отраде я и в беде,
Я ваша твердыня и ваш очаг,
От вас не отойду я ни на шаг.

Вам одному принадлежа,
Я господин ваш и госпожа,
И ваша плоть, и ваша кровь,
И ваша надежда, и ваша любовь!..»
И говорит Гаван: «Я ваш
Слуга, защитник, верный страж!
Небесную усладу
Я обрету в награду!..»
...Так он, в канун сраженья,
Обрел Предмет Служенья.
...
И Обилот бежит к отцу:
«Хвала милосердному творцу!
Тот рыцарь, что в наш град явился,
За нас сражаться согласился!
Он боле не покинет нас!..»
«О дочь! Благословен тот час,
Когда на свет ты родилась! —
В слезах воскликнул старый князь. —
Как мне его благодарить?..»
«Дозволь, отец, договорить!
Я дар бесценный обещала
(О боже! Что я верещала!)
Бойцу отважному сему!
Но где я этот дар возьму?
От горя, от стыда, от боли
Я жить на свете не в силах боле!
Умру, терзаясь и любя!..»
«Не бойся! Выручим тебя! —
Липпаут красавице ответил
(Он был сейчас, что солнце, светел,
Узнав столь радостную весть). —
Награда для героя есть!
А нет, так будет вскоре!
Ишь, выдумала горе!..»
И князь является к жене:
«Княгиня, помогите мне
Утешить бедную малютку...
Она влюбилась не на шутку
В того геройского бойца...»
«...Кого сочли мы за купца?!
Не может быть!..» — «В него, конечно,
Чему я рад чистосердечно:
Он молод и прекрасен
И в бой за нас вступить согласен!
Малютке надо поспешить
К началу битвы платье сшить
Такое, чтоб на самом деле
Все от восторга обомлели!..»
...Тут для портных нашлась работа!
Бархат из Трабалибота,¹⁰⁵
Из Табронита кружева
Достали ради торжества!
Кавказским золотом прекрасным,
С отливом дивным, темно-красным,
Редчайшая парча
Горит, как пламень горяча...
Когда портные платье сшили,
Князь с княгиней решили
Не пришивать один рукав,
Чтоб, рыцарю его отдав,
Снабдить героя талисманом...
Вам не должно казаться странным

Решенье это... Обилот
 Не понапрасну слезы льет:
 Она лишь куклой обладала,
 С которою она играла
 Вдвоем с подружкой Клаудитой...
 Неужто рыцарь именитый
 Столь жалкий примет талисман?
 Пусть на своем щите Гаван
 Ее рукав отныне носит
 И далеко врага отбросит!..
 . . . . .
 Нависла ночь над полем боя,
 Чтобы привычно за собою
 Повлечь живительный восход...
 Но утра ясного приход
 Отмечен был не птичьим пеньем,
 А лязгом, грохотом, движеньем
 В атаку рвущихся колонн,
 Готовых князя взять в полон,
 На горе верным горожанам...
 Тем временем Липпаут с Гаваном
 В бой двинули свои полки...
 ...Летели дерева куски —
 В щепы расколотые копья.
 Кружились черной сажии хлопья,
 Земля горела, кровь текла,
 Смерть страшной плетью мир секла
 И кони по полю носились,
 Все в мыле, бешеные, силясь
 Найти убитых седоков...
 Немало, думаю, веков
 Еще пройдет, но битву эту,
 О коей шла молва по свету,
 Не спишут внуки со счетов!..
 О, лязг мечей! О, звон щитов!
 О, стон земли и стен дрожанье!..
 Отважно бились горожане,
 Но Мелианца рать сильней.
 Внезапно появился в ней,
 Неведомый, но властный,
 Могучий Рыцарь Красный...
 Был беспощаден и жесток
 Его удар, его наскок,
 И горожанам снова
 До вала крепостного
 Пришлось пока что отступить...
 Мечей булатных иступить
 Герои не успели
 И на врага насели!
 Эй вы, держитесь, кто не зван!
 Вступает в битву сам Гаван,
 Пылающий румянцем.
 И с храбрым Мелианцем
 Отчаянно дерется!
 Но тот хотел бороться
 И не страшился никого!..
 Тогда герой Гаван его
 Ударил в локоть, в самый сгиб.
 Мелианц чуть не погиб,
 Весь кровью обливался...
 Да, тот, кто не сдавался,
 Шаута-короля¹⁰⁶ птенец,

Гавану сдался наконец,
 Стыд испытав и муку...
 Бранную науку
 Гаван недурно изучил:
 В плен короля заполучил
 И в тыл его направил,
 Не нарушая правил...
 Ликуют горожане,
 А там, во вражьем стане,
 Был Красный Рыцарь уязвлен
 Тем, что король его пленен
 И в правый локоть ранен,
 А дерзкий горожанин,
 Который перед ним дрожал,
 Над ним победу одержал
 И, начатый совсем недавно,
 Бой завершился столь бесславно
 Но, впрочем, он не забывал,
 Что сам он честно воевал
 И взял немало пленных —
 Рыцарей почтенных...
 И Красный Рыцарь молвил им:
 «Клянитесь господом святым,
 Что вы, едва покинув плен,
 Добьетесь, чтоб Липпаут в обмен
 Мне Мелианца возвратил
 И этим распрю бы прекратил.
 Но будут тщетными усилья
 (Как бы вы князя ни просили),
 То вы тогда за мной пойдете
 И мне святой Грааль найдете!..»
 И рыцари сказали:
 «Поверьте, о Граале
 Мы не слыхали никогда!»
 «Ах, не слыхали? Ну, тогда
 Другой есть выход. Например,
 Явиться в город Тельрапер,
 К Кондвирамур прекрасной,
 И молвить: «Рыцарь Красный,
 Тот, кто Кламида одолел,
 Вам низко кланяться велел.
 Живет он, лишь о вас заботясь,
 И верит: вы его дождетесь!
 Он молит его не забывать:
 Грааль он жаждет завоевать...»
 ...Сии он произнес слова
 И — божья воля такова —
 С князьями распростился
 И снова в дальний путь пустился,
 Куда вела его мечта...
 ...А в это время со щита
 Герой Гаван снимал рукав.
 Его Клаудите передав
 Для благородной Обилот,
 Он ей поклон нижайший шлет...
 Рукав был сильно продырявлен,
 Но, как сокровище, доставлен
 И, украшавший славный щит,
 К платью девочки пришит...
 . . . . .
 И вот за стол герои сели.
 О, как там пили! Как там ели!
 Гаван счел нужным попросить

И Мелианца пригласить
 К столу, чтоб побежденный
 Изведал, переубежденный,
 Что значит благо истинного мира!..
 Вдруг посредине пира
 Те пленники вступили в зал,
 Которых Красный Рыцарь взял,
 И все, кто были в зале,
 Явившимся внимали,
 Как Рыцарь Красный их пленил,
 Затем на милость гнев сменил,
 Доспехи и коней оставил
 И в город Тельрапер направил,
 В далекую дорогу...
 ...Гаван в душе молился богу.
 Давно уж он сообразил,
 Кем этот Красный Рыцарь был...
 О, но господней воле
 Ему не пришлось на бранном поле
 Вступить в кровавое единоборство
 С тем, кто такое явил упорство —
 С любимым другом своим
 Парцифалем.
 (И мы всевышнего восхвалим!..
 Так жизнь друзей была спасена...
 Заметим, что их имена
 Здесь, в крепости, не знали...
 Ни о прекрасном Парцифале,
 Ни об отважнейшем Гаване
 Но слыхивали горожане...
 ...Нет в мире худа без добра.
 Гавану тоже в путь пора:
 Цель у него одна ведь!..
 Барош он вынужден оставить.
 К прелестной, дивной Обилот
 Он короля Мелианца шлет,
 Причем с таким наказом:
 Внимать любым ее приказам,
 Знать, что ее слова — закон,
 Не забывать, что пленник он,
 По воле провидения,
 И неповиновения
 Ни в чем не смеет проявлять,
 Чтоб рыцарство не оскорблять!..
 . . . . .
 Но Мелианца Обилот
 К Обийе, сестре своей, ведет
 И молвит без гордыни:
 «Служите ей отныне!
 Я Обийе вас отдам!
 А волю выполнить мою
 Вас в этом самом зале
 Недавно обязали.
 Так исполняйте ж мой приказ!..
 Ведь Обийе любила вас,
 И знаю я, что вскоре
 О вашей глупой ссоре
 Забудете вы оба,
 Друг друга полюбив до гроба!..
 Итак, сестра вам — госпожа!..
 Обийе, от счастья вся дрожа,
 В объятья заключила,
 Кого судьба ей возвратила, —

Храбрейшего средь королей!
Ах, Мелианц был дорог ей!
Она давно жалела,
Что так его задела,
В нем справедливый вызвав гнев...
Однако, все преодолев
И не утратив чести,
Они отныне вместе!..
Она к его прижалась ране —
Мелианц был как в тумане.
Он приложился к ее глазам,
И волю дала она слезам,
Охвачена порывом
Воистину счастливым!..
...К вам обращаюсь я с вопросом:
Кто это принес им
Вдруг столько счастья и добра?
Та, что, как этот мир, стара
И молода навечно!
Вы поняли, конечно,
Что это — госпожа Любовь,
Которая вернулась вновь,
Вся в солнечном сиянье,
В мое повествованье...
...Князь Липпаут в сие мгновенье
Влюбленным дал благословенье
На вскоре предстоящий брак...
А что Гаван?.. Он как-никак
В сию историю замешан.
Найдем его!.. Но где ж он?
О, у прелестной Обилот!..
Малютка горько слезы льет:
Птишка пора прощания!
Напрасны увещания
Князя и княгини:
Ей жизни нет отныне!..
И говорит она герою:
«Молю вас взять меня с собою!
О, сжальтесь! И спасет вас бог!..»
...Но взять он с собою ее не мог,
И девочку едва ли
Не силой оторвали
От в сталь закованной груди...
Что ждет героя впереди?

VIII

Ни в чем судьбой не обделен,
Прославлен, мужествен, силен,
Гаван мой тем не менее
Предчувствует сражение,
Не зная и не ведая,
Разгромом иль победою
Жестокий завершится спор...
О, как же глух и темен бор,
Как далека дорога,
Как велика тревога!..
Он едет несколько недель!
Все мох да мох, все ель да ель,
И лесу нет предела...
Вдруг чаща поредела —
И рыцарь поле увидел.
Свершилось то, чего он ждал.

Кровь вспыхнула в Гаване!..
Какие-то крестьяне
Ему сказали: «В Аскалун
Вы прибыли... А Шанпфранцун,
Готовый к грозной сече,
Отселе недалече...»
Поля... Долины... Горный склон...
Вдруг чудо-крепость видит он!
Как вся она сверкала,
Как взор она ласкала!
Клянусь, прекрасней этих стен
Не помнил далее Карфаген,
Когда вступил в него Эней¹⁰⁷
И где погибелью своей
Дидона доказала,
Как страсть се терзала
И как она любила!..
...Давно все это было,
Однако, знаю, и сейчас
У многих в сердце не погас
Огонь любви высокой,
Прекрасной, хоть жестокой...
...
Да... Крепость в предвечерней мгле
Вся золотилась на скале.
О камни море билось,
Ревело и бесилось.
Такую крепость не возьмешь!
В нее без спросу не войдешь,
Без спросу не покинешь —
Или в пучине сгинешь.
Ни славный город Акратон,¹⁰⁸
Ни — молвить страшно! — Вавилон,
Как мне передавали,
Такого не знавали!..
...Вдруг видит рыцарь: с тех высот,
Числом не меньше пятисот,
В плащи одеты огневые,
В долину скачут верховые.
То, как молва передала,
На журавлей охота шла
И на другую птицу...
(Быль или небылицу
Преданье донесло до нас, —
Гадать не следует сейчас:
Занятье бесполезное.
Но, господа любезные,
Вы, те, кто глуп и кто умен,
Рассказ свой из седых времен
Я продолжать не стану,
Коль к моему Гавану
Сочувствие вас не проймет.
Надеюсь, всяк меня поймет...)
Вот ужас-то! Вот страх-то!
Гаван увидел Вергулахта,¹⁰⁹
Отважнейшего короля,
Кем эта славилась земля.
Он на арабском скакуне,¹¹⁰
В испанской взятом стороне,
Охоту возглавляет.
Лицо его пылает.
Он солнца жаркого ясней.
При этом он потомок фрей

С предгорья Феймургана...¹¹¹
Он поразил Гавана,
К нему с приветом обратясь,
Безмерным сходством: отродясь,
Здесь князя не знавали,
Кто был бы так похож на Парцифалья.
...
Король, как я уже заметил,
Гавана ласково приветил:
«Вы долго пробыли в пути,
И я прошу вас провести
Ночь в нашем доме без заботы,
Тока я не вернусь с охоты...
Итак, с прибытьем! В добрый час!
Гостеприимно встретит вас
Сестра моя — Антикония...»
(Увы, рассказывать начни я,
Каким был королевский дом,
Какой оказан был прием,
Что ел и пил наш юный витязь, —
Вы крайне удивитесь!..
Творцы сказаний, песен, саг
Не могут описать никак
Блеск королевского приема!
Искусство это им незнакомо...
Гартман фон Ауэ тот на что ж
Для данных случаев хорош,
Но даже он едва ли
Расскажет, как встречали
Гавана... Ну, и потому
Мне придется самому
Сии описывать события...
А вы меня не торопите!..
Коль неохота слушать вам, —
Другому слово передам
И слух ваш не обижу...
Но вы добры, я вижу,
К Гавану, другу моему,
Что дорог сердцу и уму...)
Итак, въезжает отпрыск Лота
В дворцовой крепости ворота.
Рыцаря встречает там
Прекраснейшая среди дам,
Та, что и царственна была,
И, вместе, женственно мила.
Сплелись в ее обличье
И нежность и величье...
Ее Антиконией звали...
О нет! Я, думаю, едва ли
Ее достойно опишу,
О чем вас упредить спешу.
Жаль, бедный Фельдеке скончался:
Ведь он, бывало, отличался
Уменьем создавать портрет
Прекрасной дамы в двадцать лет...
...
Она Гавана приглашает
В дворцовый зал и вопрошает:
«Какие приказанья есть?
Исполнить их сочтем за честь.
О, сердце я свое украшу,
Когда исполню просьбу вашу
И буду тем навек горда:

Ведь вас мой брат прислал сюда!
 Так, рыцарь, требуйте же смело
 Все, что угодно!.. Я б хотела
 Облобызать вас в знак привета...
 Вам не претит условность эта?..»
 О нет! Нисколько не претит!
 Клянусь: особый аппетит
 Пухлые губы ее вызывали,
 Что жгли, пылали, зазывали.
 Гаван, к устам ее припав,
 Едва рассудок не потеряв,
 Успел смекнуть, что губы эти
 Не о дворцовом этикете
 С его устами говорят...
 Весь нетерпением объят,
 Он к ней придвинулся поближе
 И голову склонил пониже,
 Промолвил слышные едва,
 Но всем знакомые слова
 О страсти, о любовной муке,
 О невозможности разлуки,
 О том, что мучим он тоской
 И потерял навек покой...
 И хоть Гавана страсть терзала,
 Антикonia отказала,
 И это — просьба и отказ —
 Здесь повторялось много раз...
 Дама начала сердиться:
 «Вы преступаете все границы!
 Угомонитесь, бога ради!
 Покойный Гамурет — мой дядя —
 Всю жизнь Анфлисой дорожил...
 Но большего не заслужил,
 Чем благосклонное вниманье.
 А вы за краткое свиданье
 Все захотели сразу взять!..
 Не знаю даже, как вас звать,
 Еще мне неизвестно, кто вы!
 Ах да! Вы умереть готовы...
 Но кто вы?..» — «Скрою до поры.
 Отец мой — брат своей сестры...
 И все. Пока — ни слова боле.
 Не по своей молчу я воле.
 Потом узнаете вы сами...»
 И вновь прильнул он к дивной даме.,
 Погасли свечи и огни,
 В сумраке они одни.
 Он ей под платье сунул руку...
 И оба испытали муку,
 И что бы тут произошло,
 Благоразумию назло,
 Вам надо пояснять едва ли.
 Но... тут влюбленным помешали!..
 Все обернулось вдруг бедой!..
 Ворвался в комнату седой
 Или, вернее, сивый
 Паладин спесивый.
 Гавана тотчас он узнал,
 Его по имени назвал
 И средь глубокой ночи
 Взревел что было мочи,
 Гавана оскорбленьем зля:
 «Вот он — убийца короля!..

О, вам, наверно, мало,
 Что короля не стало!
 Вы чуть не совершили
 Над дочерью насилье!..
 Готовьтесь с жизнью распрощаться!..»
 «Увы, придется защищаться, —
 Гаван Антиконию рек. —
 Безумный этот человек
 С ним в бой меня вступить заставил...
 Но жаль, я меч внизу оставил...»
 ...Вдруг боевой раздался клич.
 Гаван смог вовремя постичь,
 Что жители сюда бегут
 И что сейчас его убьют
 В неистовстве слепого гнева...
 Тут светлая сказала дева:
 «Укроемся в одной из башен,
 И, может быть, не так уж страшен
 Нам будет натиск черни бешеной,
 На жажде мщенья помешанной!..»
 ...Меж тем со всех окраин града
 На крепость движутся отряды:
 Здесь и герои паладины,
 И злобные простолюдины,
 Мастеровые и купцы,
 Седые старцы и юнцы...
 Бушуют город и предместья.
 Все просят, алчут, жаждут мести...
 Поняв, что другу смерть грозит,
 Антикonia говорит,
 К штурмующим воззав с балкона:
 «Он здесь находится законно!
 Ступайте с миром! Он мой гость!..»
 Еще сильнее взыграла злость:
 Толпа, как разъяренный зверь,
 Бежит по лестнице, чтоб дверь
 Взломать... Но тут наш друг любезный
 Взамен меча засов железный
 Рукой могучею берет
 И обезумевший парод
 По спинам лупит хорошенько,
 И кубарем, через ступеньку,
 Штурмующие покатались.
 А тех, кто не угомонились,
 Тяжелой шахматной доской
 (Что оказалась под рукой)
 Разгневанная королева
 Направо лупит и налево...
 О, гляньте! Чудо, в самом деле!
 То не камня полетели
 На тех, кто злобен чересчур,
 А глыбы шахматных фигур:
 Ладьи, и ферзьи, и пешки...
 Противник отступает в спешке!
 От стен отхлынула толпа.
 Носы, а то и черепа
 У многих перебиты...
 Нет никакой защиты!..
 Так от гибели и зла
 Дева рыцаря спасла,
 Так, проявив любовь и жалость,
 По-рыцарски она сражалась,
 Так подтвердилось вновь и вновь,

Что чудеса творит Любовь...
 . . . . .
 Меж тем и Вергулахт вернулся.
 Не стану лгать: он ужаснулся,
 Сию историю узнав.
 Он счел, что обвинитель прав.
 Хоть сам ни в чем не разобрался,
 Разгневался он, разорался,
 Пообещав поддержку тающим
 Отрядам, в страхе отступающим...
 ...И я, что славил род Гандина,
 Сего дурного господина,
 Что также родом из Анжу,
 Беспрекословно осужу!
 Владелец скипетра и трона
 Обязан действовать резонно,
 Все трезво взвешивать, поправ
 Порой свой слишком пылкий нрав.
 Но Вергулахт мечтает драться!
 Позволив буре разыграться
 И не успев еще остыть,
 Он сам желает в бой вступить
 И в поединке бранном
 Расправиться с Гаваном...
 ...А между тем Гаван взирал
 На ту, из-за кого сгорал.
 Верный бесподобной даме,
 Ее очами и устами
 И носиком ее пленен,
 Он был донельзя распален.
 Ах, как она была желанна!
 Ах, как она звала Гавана!
 О, голос, что у соловья!
 О, талия, как у муравья!..
 . . . . .
 И все же он подозревает,
 Что штурм последний созревает:
 Король войска решил вести
 На штурм, чтоб начисто смести
 Ту башню, где они засели...
 ...Вдруг слышен глас Кингримурселя:
 «Обидеть гостя я не дам!
 Скорее я погибну сам!
 О, мерзостное прегрешенье!..
 Мое принявши приглашенье,
 С условием прибыл он таким,
 Что будет лишь со мной одним
 Сражаться истины во имя!
 Со мною, а не с остальными!
 Что будет он для всех вокруг
 Желанный гость, достойный друг,
 С должным принятым почетом...
 С таким я звал его расчетом,
 Чтоб только божий суд решил,
 Свершил он или не свершил
 То, в чем его подозревали?..
 Мы слишком долго прозревали!
 Но сгинул сей недобрый сон:
 Я вижу — невиновен он,
 Коль бог меня призвал к защите!..
 Не здесь виновника ищите!
 Гаван, ты слышишь? Я с тобой!..
 Держись! Мы выиграем бой!

И хоть пока еще нам туго,
Мы выручим друг друга!..»
Не замедлил Гаван с ответом,
И состоялся мир на этом
Между двумя бойцами,
Между двумя сердцами...
Кингримурсель призвал народ,
Штурм прекратив, начать отход.
Толпа мало-помалу
Его словам внимала,
И потому, что был он прав,
Да и ландграф¹¹² был здесь бургграф,
Пред коим не только дрожали,
Но коего и уважали, —
Толпа заметно поредела.
Король в смятенье: «Тплохо дело!..»
К тому ж Кингримурсель пробрался
К Гавану, с которым он побратался...
...
И Вергулахт своим князьям,
Испытанным своим друзьям,
Промолвил: «Взявши крепость с боем.
Отплатим им обоим!..»
Но тут раздался ропот:
Сказались разум да и опыт,
Накопленный с предавших пор,
Что не к добру ведет раздор
Меж родичами кровными...
И, будучи немногословными,
Князья сказали просто:
«Какой с невинных спрос-то?
Пойди на мировую!..»
...И вот я повествую
О наступившем мире
И о роскошном пире,
Который рыцарям был дан,
И как мой дорогой Гаван,
Очищен от наветов злобных,
Средь паладинов бесподобных
Внимал рассказам боевым
О тех, кто пал и кто живым
Вернулся, невредимым,
Притом непобедимым...
...
И вдруг король сказал: «Увы,
Чуть не лишился и я головы,
Когда вступил со мной в сраженье
Рыцарь в красном снаряженье.
Он не известен здесь никому,
Но в мощи равных нет ему.
И вот я, побежденный, сдался...
Но тут такой приказ раздался:
Я должен до исхода
Нынешнего года
Святой Грааль ему добыть, —
А не добуду, как тут быть?»
Тогда дойти до Пельрапера — града,
Где живет его счастье, его отрада,
Для него затмившая белый свет,
И передать ей его привет...
При этом лицо его все лучилось...
Все это совсем недавно случилось...
Что ж. Мне пора исполнить долг...»

...На этом Вергулахт умолк...
...
...Гаван премного удивился
И рек: «Ты не освободился,
Король, от долга своего?
Так знай: я выполню его!
Обманывать не стану:
Святой Грааль достану,
Чтоб только вызволить тебя,
Антиконию возлюбя...»
...
Гласит старинное преданье,
Что тяжким было расставанье
С Антиконией дивной,
Чей поцелуй призывный
Был ею снова повторен...
Гаван был ею покорен...
...Пересказать охота,
Что, по словам Киота,¹¹³
Он сам когда-то прочитал...
Гаван не плакал, не причитал,
А рек не без сердечной боли:
«Я покорюсь господней воле,
Чтоб в путь далекий поспешить,
В надежде подвиг совершить,
Коль вы меня благословите!
Так будьте счастливы! Живите,
Не зная горя и забот...
Меня ваш образ поведет!..»
И королева отвечала:
«Когда б не столь постыдно мало
Я вам, мой рыцарь, помогла,
Я успокоиться б могла...
Вы, кто смогли бесстрашно биться,
Смогли бы большего добиться
И мира лучшего достичь,
Но как бы ни был грозен бич
Судьбы, что правит нами всюду,
В любой беде я с вами буду,
Вам сердце отдано мое,
Без вас мне в мире не житье...»
Она его обლობызала
И этим сердце его терзала.
Не только он, да и она
Печаль извелили сполна...
...Те, кто Гавана сопровождали,
Коней пораньше оседлали
Под липой, в густой тени,
Чтоб отдохнуть могли они
Перед дорогой дальней...
Кингримурсель был всех печальней
И проводить хотел его
К границам графства своего...
...Гаван сказал ему: «Не стоит,
Пусть вас ничто не беспокоит.
Избрал я тяжкий жребий свой,
Но все еще верну с лихвой,
В заветный край пробьюсь, доеду
И одержу там свою победу...»
...Итак, пришло прощаться время.
Расцеловался Гаван со всеми —
От доблестных седых мужей

До робких юношей — пажей...
Затем, вскочив на Грингульеса,
Гаван исчез за кромкой леса...
О, то была отнюдь не тяга
К источнику земного блага,
О, то не набожность была,
Что странствовать его звала,
Свой подвиг совершить намерен,
Он долгу был при этом верен,
И влек героя интерес
К стране невиданных чудес...

IX

«Откройте!..» — «Кто здесь?..» — «Я —
по пути...
В сердце свое меня впусти!»
«Да как же вы уместитесь в нем?»
«Надеюсь, как-нибудь смекнем».
«Но тесно в этом помещении...»
«Уж ты прости за посещение,
Но я тебя вознагражу:
Чудес премного расскажу!..»
«Ах, это вы, госпожа Авентюра!¹¹⁴
Ну, как там юный друг Артура,
Я разумею — Парцифаль?
Нашел ли он святой Грааль?
Не скрою: жаль его мне стало,
Когда его Кундри так отчитала...
Но вынужден признаться вам:
У многих благородных дам
Рассказ наш вызвал нареканья,
Что от такого испытания
Я Парцифала не уберег,
Что я к герою слишком строг...
Мне эти вздохи надоели...
Однако что на самом деле
С моим любимцем произошло?
Затмение ли вновь на него нашло
Иль, господу благодаренье,
Обрел широту он и ясность зренья?
Живет ли в счастье он иль муке?..
Прошу: в свои возьмите руки
Сего повествованья нить
И постарайтесь нас возратить
Туда, где мы прервали
Рассказ о Парцифале.
Священный преступив рубеж,
Вернулся ли он в Мунсальвеш,
Чтоб там увидеть снова
Анфортаса больного?..
Утешьте ж сообщеньем нас,
Что короля от хвори спас
Герой вопросом долгожданым!
(О, как терзает грудь нужда нам!..)
Сладчайшей Герцелойды сын,
Он, тот, чьим дедом был Гандин,
Он, храбрый отпрыск Гамурета,
О ком поется песня эта, —
Где он? Что с ним? Каков он сейчас?..
Быть может, в нем давно погас
Огонь страстей... А может, вновь
В нем жарко вспыхнула любовь?»

А может быть, в бою суровом
 Сейчас он насмерть бьется?.. Словом,
 Мы все хотели б знать о нем...
 Нам так не терпится!.. Начнем!..»
 ...И Авентюра рассказала:
 Герой наш странствовал немало,
 Скакал по суше на коне,
 И по морской он плыл волне
 На корабле под парусами,
 Всегда хранимый небесами.
 Он и на поединках дрался.
 Кто б состязаться с ним ни брался,
 Был тут же выбит из седла...
 Веси природа создала, —
 Чья перевешивает чаша:
 Моя или, к примеру, ваша?
 А та, где слава тяжелей!
 Но это значит: не жалей
 Сперва себя во время боя,
 Будь властен над самим собою,
 Не потакай себе ни в чем...
 Вот так-то!.. Ну, а уж потом
 И к недругу будь беспощаден!..
 ...Стал воистину громаден
 Парцифаль перевес...
 Но как-то раз в дремучий лес
 Героя занесло случайно.
 Во всем вокруг гнездилась тайна.
 Был ранний час. Рассвет серел...
 Вот Парцифаль-герой узрел
 Пещеру и ручей журчащий,
 Бегущий в глубь бескрайней чащи...
 Нет, страха он не испытал!
 В себе он волю воспитал,
 Рад приключениям и тревогам.
 И был за то замечен богом.
 Да, сам господь его снабдил
 Запасом небывалых сил,
 Чтоб укрепить в нем веру...
 ...Герой вошел в пещеру,
 Где он отшельницу застал...
 Господь любовь ей ниспослал.
 И богу отдала она
 Свое девичество сполна,
 Бежала радостей земных,
 Чтоб жить среди скорбей одних
 И вновь и вновь стонать от боли,
 У старой Верности в неволе...
 Так Парцифаль, герой наш юный,
 Снова встретился с Сигунной
 (Сам не ведая того).
 Притом героя моего
 Ужасный охватил озноб.
 Сигуна обнимала гроб.
 Князь Шионатуландер в нем
 Спал непробудным, вечным сном...
 Так жизнь в Сигуне убывала...
 И хоть на мессах не бывала
 И на молебствиях она,
 Вся жизнь ее была — одна
 Заупокойная молитва...
 Но ею выиграна битва
 С неумолимою судьбой!

Навек пожертвовав собой,
 Она не изменила
 Тому, кого любила,
 Оставшись верной до конца
 Священной тени мертвеца!..
 . . . . .
 . . . . .
 Вступив в пещеру, как в темницу,
 Одетую во власяницу
 Застал Сигуну наш богатыйрь...
 Она, держа в руках псалтырь,
 Его приветствовала словом
 Ласковым, медовым...
 ...Колечка с пальца она не снимала
 Убитого друга вспоминала.
 Камешек на кольце был богатым,
 Сверкающим гранатом,
 Пылавшим средь неимоверной
 Кромешной темноты пещерной...
 Вся бледная от нездоровья
 (На голове — повязка вдовья),
 С лицом, иссушенным тоской,
 Сигуна (смертный страх какой!)
 Герою почесть оказала
 Тем, что рукою указала
 На деревянную скамью,
 И продолжала речь свою:
 «Умоляю вас, присядьте.
 Уставши, даром сил не тратьте...»
 Поблагодарив ее за честь,
 Он просит и ее присесть...
 Но горькие слова отказа
 Он слышит: «Ах, еще ни разу
 Я при мужчине здесь не сидела...
 И нет моим страданиям предела!..»
 Воскликнул герой Парцифаль: «О боже!
 Здесь в чаще, среди бездорожья,
 Смертельной мучимы тоской,
 Без всякой помощи людской,
 Вы, беззащитная, умрете!..
 Где пропитанье вы берете,
 Когда здесь только лес да лес?..»
 «О нет, по милости небес
 Грааль дает мне пропитанье
 В моем жестоком испытанье.
 И хоть противна мне еда,
 Приносит Кундри иногда
 Мне кое-что оттуда,
 Где торжествует чудо!..»
 ...Герой наш Парцифаль сперва
 За шутку эти счел слова
 И сам спросил не без улыбки:
 «Скажите, вы не по ошибке
 Кольцо столь дивное надели?
 Не влюблены ли вы, в самом деле?
 Тогда признайтесь, в честь кого
 Вы в келье носите его?
 Ведь как же так, вас люди спросят,
 Колец отшельники не носят!
 Да и амурничать — ни-ни! —
 Нельзя им, боже сохрани!..»
 И голосом своим печальным
 Сигуна молвит: «Обручальным

Должно бы это стать кольцо.
 Но словно буря — деревцо,
 Смерть друга жизнь мою сломала.
 Невеста, я женой не стала,
 А стала скорбною вдовой...
 Под этой сенью гробовой
 Супруг почует мой... Однако
 Связали нас не узы брака.
 Я ложа не делила с ним.
 Он мужем не был мне земным.
 И хоть давно его убили,
 Друг друга мы не разлюбили:
 С супругом я не расстанюсь,
 Его женою остаюсь,
 Чем бы мне это ни грозило!..
 Копье Орилуса сразило
 Того, кто пал из-за меня,
 Святость Рыцарства храня!..
 О Шионатуландер мой,
 Жизнью мы живем одной
 И перед господом чисты:
 Ты — это я, а я — это ты!..»
 И тут герой наш догадался,
 С кем он нежданно увидался,
 Что он Сигуну видит вновь,
 Которая — сама Любовь...
 Освободился он от забрала,
 Чтоб и она его узнала...
 Увидев цвет его лица,
 Сигуна дивного юнца
 Немедленно узнала
 И тихо прошептала:
 «Да... Узнаю... Вы — Парцифаль.
 Нашли ли вы святой Грааль?
 Его вы разгадали свойства?
 Пришло ли священное к вам
 Беспокойство?
 И, в стольких землях побывав,
 Вы свой ли изменили нрав?..»
 И деве Парцифаль ответил:
 «Немало зла я в жизни встретил,
 Друзей отважных хоронил,
 Стенал над сотнями могил.
 Грааль страдать меня заставил!
 Ах, я из-за него оставил
 Страну, где королем я был,
 Жену, которую любил, —
 Прекраснейшую из прекрасных!
 Живя во власти грез напрасных,
 Я к ней стремлюсь и к ней хочу,
 Но жребий несчастнейший свой влачу...
 Однако никогда доселе
 Я так к иной не рвался цели:
 Хотя б на миг Грааль узреть!
 А нет — так лучше умереть!..
 Сестра, Сигуна дорогая!
 Взгляни, как я изнемогаю,
 На слезы на мои взгляни,
 Ну... и хотя бы... меня не брани
 За то, что прежде было!..»
 «Я все тебе простила!
 Ты, кто столь скверно поступил,
 Свой грех страданием искупил.

Ты самовлюбленностью был отравлен
И теперь от болезни сей избавлен!..»
«Сестра, ужасен твой удел.
Но верь, и я перетерпел
За время нашей с тобой разлуки
Немыслимые муки.
Мои страдания *выше всякой меры!*..»
«Всесильна мощь господней веры!
Пусть он, за нас принявший муку,
Свою спасительную руку
Над головой твоей прострет
И пятно позора с тебя сотрет!..
Не знаю, я права иль нет,
Но, может быть, ты сыщешь след,
В заветный Мунсальвеш ведущий,
Здесь, среди темной нашей пущи.
Назад тому четыре дня
Гостила Кундри у меня.
Следы копыт ее бедняги мула
Дождем не смыло и ветром не сдуло.
И этот след, коли он свеж,
Приведет тебя в Мунсальвеш!..»
С Сигуной Парцифаль простился
И по следу вскачь пустился.
Но все непроходимей лес,
И след меж зарослей исчез, —
Внезапно как бы оборвался...
Так до Грааля не добрался
Герой наш и на этот раз...
Надеюсь, если бы сейчас
Добился Парцифаль удачи,
Повел бы он себя иначе,
И, даже выбившись из сил,
Он бы, я думаю, спросил...
О чем, — но это нам известно,
А повторяться неинтересно,
Хоть и приходится порой...
Пусть дальше скачет наш герой.
Куда?.. Я сам вам не отвечу...
...Вдруг кто-то скачет ему навстречу:
Муж с непокрытой головой,
Зато в кольчуге боевой,
При этом его латы
Сказочно богаты.
Он начал разговор прямой:
«Прошу ответить, рыцарь мой,
Как вы сюда, в наш лес, попали?
Иль вы ни разу не слышали,
Что в Мунсальвеш проезда нет?
А нарушающий запрет
Сурово должен быть наказан:
Он жизнью заплатить обязан!..
Увы, таков и ваш удел...»
И всадник тут же шлем надел...
...
Сталь в руке его сверкнула
И Парцифалья в грудь толкнула.
Но усидел герой в седле.
Зато — храмовник на земле
После ответного удара...
Наш друг умел сражаться яро
И победил не одного...
Вдруг, посколькузнувшись, конь его

С обрыва в пропасть полетел...
К счастью, Парцифаль успел
За кедр руками ухватиться,
Иначе б нам пришлось проститься
С героем нашим навсегда...
...Ах, конь погиб! Но не беда:
Выходит из терновника
Конь побежденного храмовника,
Осталось только сесть в седло.
Так Парцифалью повезло...
И он тут же ускакал подале,
Так его не догнали
**Храмовники те, кто Грааль стерегли...
Нет, мы пока что не смогли
До цели избранной добраться.**
Рассказ наш вынужден продолжаться...
...Не знаю, две или три недели
С той бранной встречи пролетели,
Но Парцифаль все вперед спешил...
Снежок холодный порошил,
Суровый ветер по свету мчался,
А лес, казалось, не кончался,
Чреватый новою бедой...
Вдруг рыцарь, с белой бородой,
С лицом вполне, однако, свежим,
Бредет по сим краям медвежьим.
Да-да, босой бредет, пешком,
Со странническим посошком.
Его жена бредет с ним рядом,
Дырявым, нищенским нарядом
Едва прикрывши наготу...
Сию престранную чету
Две дочери сопровождали.
Они красотой своей поражали,
Хотя одеты были тоже
В плащи или в платья из старой
рогожи.
Наверно, все семейство это,
Что было в рубище одето,
Шло среди лесных болот и мхов
За отпущением грехов
К вратам какого-нибудь храма...
Придворные — мужи и дамы —
В таком же рубище брели.
Их лица благодать обрели,
Тела от холода дрожали...
Собачки впереди бежали...
Вид богомольцев жалок был...
Наш друг коня остановил
И поклонился им учтиво.
Одет был Парцифаль на диво,
В отличие от остальных,
Сияя блеском лат стальных,
Убранством шлема поражая,
Осанкой, взглядом выражая
Величие и торжество...
Слова приветные его
Вознаграждены были приветом.
Однако старец рек при этом:
«Святейший праздник на дворе,
А вы — в греховной мишуре —
Пторочите господне имя!
Сегодня надобно босыми

Ногами холодный снег месить,
Не панцирь — рубище носить
И каяться, молить прощенья...»
Герой промолвил без смущенья:
«Откровенно вам скажу,
Что смысла я не нахожу
В занятиях такого рода...
Какое нынче время года,
Какой неделе счет пошел,
Кто от кого произошел
И что за день у вас сегодня —
То ли рождения господня,
То ль воскресения его, —
Клянусь: не знаю ничего!
Да! Мне все это неизвестно!...
Был некто... тот, кому я честно
Служил средь бурь, невзгод, тревог.
Мой господин — он звался «бог» —
Моих стараний не заметил,
Мне злобой на любовь ответил
И надругался надо мной!..
Так кто ж, скажи, сему виной?!
Ни в чем не отступив от веры,
Страдаю я сверх всякой меры,
Я к помощи взывал его —
Он не услышал ничего,
Сим доказав свое бессилье!..
Ах, на земле, на небеси ли, —
Нигде, нигде защиты нет!..»
И молвил пилигрим в ответ:
«Твой бог рожден святою девою!»
Так образумься, не прогневай
Сейчас, в день пятницы страстной,¹¹⁵
Того, кто спас весь род людской!..
Христом испытанная мука,
Ответствуй, разве не порука
Его безмерной доброты,
Которую не видишь ты?..
О рыцарь! Если ты крещеный,
То, к общей скорби приобщенный,
Оплакать поспеши того,
Кто с нас со всех, до одного,
Ценой мучительной кончины
Пред богом снял грехи и вины,
Нам преградив дорогу в ад!..
Зачем бредешь ты наугад,
В потемках, выхода не зная?..
Сегодня — пятница страстная!
Так поспеши себя спасти
И от души произнести
Слова раскаянья и веры!..
Здесь, в этой чаще есть пещеры,
В одной из них, какой уж год,
Великий праведник живет...
Спеши!.. Он все еще исправит,
По верному пути направит...»
...
Герой себя не поберег,
Благим советом пренебрег
И счел необходимым
Проститься с пилигримом.
Отвесив странникам поклон,
Поспешно удалился он,

Стремясь к заветной цели...
 ...Все его жалели...
 Заметим, что недаром он
 Был Герцелойдою рожден,
 У Герцелойды переняв
 Открытый, благородный нрав,
 Способность к милосердию
 И редкое усердие
 Во всем, где речь идет о чести...
 К нему вернулось благочестье.
 Он весь раскаяньем охвачен.
 Одной лишь мыслью озадачен:
 Хочет так на свете жить,
 Чтоб милость господню заслужить...
 ...Догнав идущих к богомолью,
 Он молвил с искреннею болью:
 «О горе! Как я был неправ,
 Веру в бога потеряв!..
 Меня догадка осенила:
 Бог есть Любовь. Любовь есть Сила,
 Та, что должна меня спасти
 И в пещеру привести,
 Где праведник живет, отшельник...»
 ...И вот уж конь въезжает в ельник,
 Чтоб встать возле пещеры той,
 Где Треврицент¹¹⁶ живет святой.
 (В пещере сей был прощен Орилус,
 Когда Ешута с ним помирилась.)
 Отшельник с соблазнами мира
 простился:
 Истово каялся, строго постился,
 Не пил вина и хлеба не ел,
 Ни мяса, ни рыбы не терпел, —
 Ничего, что кровь в себе содержало
 (От состраданья сердце дрожало).
 В тиши смиренного уединения
 Избег он диавольского наваждения...
 Через отшельника до Парцифала
 Дошла священная тайна Грааля...
 ...И если кто меня бранил,
 Зачем столь долго я хранил
 Историю Грааля под секретом,
 Пусть знает, что своим запретом
 Связал меня великий мастер Киот,
 Сказав, что он один найдет
 Место, где он обо всем расскажет,
 Когда ему Аventura прикажет...
 Киот, продолжая со мной беседу,
 Сказал, что нашел в знаменитом Толедо
 Сие удивительное сочинение
 В первоначальном его изложении.
 На арабском писано языке,
 Оно хранилось в тайнике...
 Хоть письменность у них другая,
 К чернокнижию не прибегая,
 Киот их азбуку постиг
 Без помощи волшебных книг.
 Он человеком был просвещенным,
 Но, что важней: он был крещеным!
 А лишь крещеному дано
 Открыть, что для других — темно,
 И силы неба охраняли
 От некрещеных суть Грааля...

Язычник увидеть Грааль не может...
 (Впрочем, нас это не тревожит...)
 . . . . .
 Вернемся к нашему герою...
 Итак, он зимнею порою
 Вступил на тот клочок земли,
 Где некогда цветы росли
 И где Орилуса с Ешутой
 Он со счастливою минутой
 Поздравил... Между тем старик
 Отшельник, дивно яснолик,
 Воскликнул, чуть ли не стеная:
 «Сегодня пятница страстная,
 А вы — с оружием! На коне!..
 Помилуй, бог!.. Трешу ко мне!..
 Присядьте к очагу скорее!..»
 ...И, с наслажденьем руки грея,
 Герой поведал, по чьему совету
 Явился он в пещеру эту:
 «О наставлении вас прошу!
 В себе я тягчайший грех ношу!..»
 И далее герой добавил:
 «Простите, коли вас заставил,
 Сам не желаячи того,
 Страшиться вида моего:
 С копьем, в кольчуге да в шеломе!..»
 «Эх, добрый рыцарь! В этом доме
 Отвык бояться я людей.
 Олень или медведь-злодей
 Мои ближайшие соседи...
 Но к ратным подвигам, к победе
 И я в былые рвался дни!
 Мечты тщеславные одни
 Меня в ту пору занимали.
 О рыцарь, если бы вы знали,
 Какой любовью был влеком
 Я в бытие своем мирском,
 Как снисхожденья домогался
 Той, перед коей преклонялся,
 Терпел успех и неуспех,
 Но, впад однажды в страшный грех,
 От грешной жизни отказался
 И вот навеки оказался
 Здесь, где вы видите меня...
 Однако вашего коня
 Мы с вами привязать забыли!..
 Пойдемте!.. Дней минувших были
 Я в памяти еще храню...
 Но корма зададим коню,
 А нам, отшельникам, на ужин
 Один лишь папоротник нужен.
 Сейчас вот здесь его нарвем...
 Растет он прямо надо рвом...»
 ...Конь и накормлен и привязан.
 Рассказ, однако, не рассказан.
 Пред вами я еще в долгу...
 . . . . .
 Итак, герои стоят в снегу,
 Он старца ждет и цепенеет:
 Под сталью тело леденеет.
 Вот старец наконец идет,
 В пещеру рыцаря ведет,
 Сесть ближе к углям предлагает,

Свечу смиренно зажигает...
 Парцифаль доспехи снял
 (Как бы укору старца внял)
 И опустился на солому,
 Почуяв сладкую истому:
 В пещере сделалось тепло,
 Хоть на дворе еще мело...
 ...Сейчас обоим было впору
 Вернуться к разговору...
 . . . . .
 «Так что ж, мой сын, тебя гнетет?..»
 «Ах, вот уж скоро пятый год,
 Как я отвергнут богом...
 Когда я по дорогам
 Скачу ли, ежжу ли, хожу, —
 Святые храмы обхожу,
 Чтоб вид мой не обидел
 Того, кто так меня возненавидел
 И в помощи мне отказал...»
 ...Всхлипнув, Треврицент сказал!
 «Когда б в своем уме ты был,
 То одного бы не забыл:
 Бог не помочь не может!
 Пусть он и нам поможет...
 И все ж, ответствуй, отчего
 Ты от себя отторг его
 И что с тобою стало,
 Что сердце возропало?..
 Послушай, что тебе скажу —
 Невинность божью докажу!
 Тебе я сострадаю,
 Но бога оправдаю!..
 Я самоучкою постиг
 Не что-нибудь, а книгу книг —
 Писание Святое —
 То дело не простое!..
 Да я и сам писал потом,
 Познав Писание, о том,
 Сколь нам необходимо
 Служить неколебимо
 Тому, кто в мир пришел спасти
 Нас, грешных, сбившихся с пути,
 И неустанным оком
 Следить, чтобы порокам
 Нас в ад увлечь не удалось,
 А чтоб воистину сбылось
 Всеобщее спасенье —
 Святое воскресенье!..
 Бог это — Верность... Посему
 Будь верен богу своему.
 Бог — Истина... К безбожью
 Идут, спознавшись с ложью...
 Бог есть — Добро. А суть Добра
 В том, чтоб душа была добра.
 Что ни произошло бы —
 Всё восприми без злобы.
 Свой разум злобой осквернишь, —
 Тем самым бога очернишь —
 Терпение господне,
 Как сделал ты сегодня!
 Добро — есть свет, а зло — есть тьма.
 И коль ты не сошел с ума,
 Внемли сему совету:

Вернись к Добру и к Свету!..
А вот — не поученье ль нам?
Был создан господом Адам.
Затем возникла Ева —
Причина божья гнева...
От этих первых чад земли
Все бедствия произошли,
Все горести на свете.
У них родились дети,
Два сына... Старший грех свершил:
Он непорочности лишил —
Кого бы? — Мать своего отца!
Ах, наши бедные сердца
Скорбь и поныне гложет...»
«Такого быть не может! —
Воскликнул бедный наш протест.—
В твоих словах, святой отец,
Прости, коли обижу,
Я смысла, жаль, не вижу.
Могла ли девственницей быть
Жена, успевшая родить?..»
«Мой сын, твои сомнения
Исчезнут в полмгновения...
Земля, что девственно цвела,
Адаму матерью была.
Ну, а причиной срама
Стал Каин, сын Адама!
Когда он Авеля убил,
Он землю кровью обагрил,
И, кровью орошенная,
Невинности лишённая,
Земля от внука зачала
Первоисток земного зла.
И это означало
Всех наших бед начало...
. . . . .
Ответ за Каина несёт
Весь грешный человеческий род.
И только в опрощенье —
Надежда на прощенье!
Кичливость прочь! Смирись! Молись!
Ниц перед господом вались!
И, каюсь неустанно,
Птой господа осанну!..
Будь в вере тверд и чист в любви,
И даром бога не гневи
Ни грубым, богохульным словом,
Ни благолепием дешёвым...
...Предсказывал ещё Платон,¹¹⁷
Что вступит Истина на трон.
В пророчествах Сивиллы¹¹⁸
Явленье высшей силы,
Которой мир спасти дано,
Предсказано давным-давно...
Так с тихим умиленьем
Внемли его веленьям!..
Вот перечень его примет:
Господь — есть негасимый свет,
Кого он озаряет,
Того он одаряет
Любовью, лаской, теплотой!..
Но нет, не только добротой
Он землю покоряет:

Всесильный, он карает
Нас за преступные дела.
Он добр и не приемлет зла.
Но, чуждый жажды мщенья,
Дарует он прощенье
Всем, кто покается пред ним...
Коли приют необходим
Твоей душе в сей час тревожный,
Знай, что господь — приют
надежный!..»
...И Парциф аль сказал в ответ:
«Спасибо вам за благой совет.
Да будут мне во спасение
Ваши разъяснения.
Однако я юность свою провёл
Среди одних только бед и зол,
И тот, кто так справедлив и так светел,
Мне на любовь враждой ответил!..»
Отшельник рек: «Не бойся
И мне до конца откройся,
В чем состоит твоя беда...
И, может, тебе помогу я тогда
Еще каким-либо добрым советом...»
«Я только и мечтал об этом —
Поведать вам свои печали...
Страдания из-за святого Грааля —
Один источник бед... Другой —
Разлука с моей женой дорогой.
Поверьте, без нее я таю...»
«Неплохо сказано, считаю!
Большое благо, веришь мне,
Страдать по собственной жене!
Кто чит святыне узы брака,
Адского избегнет мрака!..
Но вот Грааль... Каким путем
Ты, грешник, мог прознать о нем?
Лишь в небесах определяли,
Кто смеет ведать о Граале.
За что б тебе такая честь —
Знать, что Грааль священный есть?!
Нет, это — невозможно!
Так отвечай неложно:
В чем состоит твоя беда?..»
«Скажите: вы там были?» — «Да», —
Старик отвечив, бледнея...
Тут Парциф аль смекнул: «Умнее
Пока что скрыть, что и я там был...»
И он с почтением попросил:
«Так вы бы мне рассказали
О святом Граале...»
Отшельник рек: «Там все священно!
Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры¹¹⁹ —
Рыцари Христовой веры —
И ночью стерегут и днем:
Святой Грааль хранится в нем!..
Грааль — это камень особой породы:
Lapsit exillis¹²⁰ — перевода
На наш язык пока что нет...
Он излучает волшебный свет,
Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,

Ущерба не претерпев никакого,
А только прекраснее становясь...
Вот она — взаимосвязь
Меж умираемьем и обновленьем!
Все это схоже с одним явленьем,
Известным у птиц под названьем
линька.
А ну, мозгами пораскинь-ка —
И ты проникнешь в сущность дива!..
...Слушай дальше терпеливо.
Грааль, он тем и знаменит,
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
Семь дней уж точно он не умрет!
Это известно наперед.
Достаточно лишь посмотреть —
И невозможно умереть
В течение недели!
Диво, в самом деле!..
...Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты
До самой старости молодыми,
Вот только делает седыми
С теченьем лет их волоса —
Знать, здесь бессильны все чудеса!..
В ночь на пятницу страстную
Грааль, о коем повествую,
Из-под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждёт.¹²¹
То заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.
Так повторяется из году в год...
Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море
живет.
Несметны у Грааля богатства...
Но как же попасть в Граалево братство
И как о том, что ты избран, узнать?..
Надпись на камне умей прочитать!
Она появляется время от времени
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призвано Граалю служить до
конца...
Служение это и есть испытание!
Зато уготовано место заранее,
Вернейшее место в господнем раю,
Тому, кто жизнь отдаст свою,
Но верность Граалю сберечь старается!..
...Чудесная надпись никем не стирается,
А по прочтенье, за словом слово,
Гаснет, чтоб появился снова
Дальнейший список в урочный час
И также, прочитанный, погас...
...Когда небеса сотрясало войною
Меж господом богом и сатаной,
Сей камень ангелы сберегли

Для лучших, избранных чад земли...» Король Грааля — Титурель,
 . . . . . Чьим сыном был Фримутель,
 Отшельник вздохнул и промолвил
 дале:
 «Анфортас стал королем Грааля,
 Он правит Граалем до сих пор,
 Хотя он немощен и хвор...
 В далекой юности когда-то
 Его душа была объята
 Невыносимым честолюбием,
 Которым сами себя мы губим,
 И алчностью в любовной страсти,
 Что повергало весь мир в несчастье...
 Всевышнему благодаренье:
 Граалю надобно смиренье,
 А не придворный этикет,
 В котором святости-то нет!..
Служители Грааля — братья.
Отважны до невероятья,
Они со всех концов земли
Святой Грааль стережь пришли,
 Закрыв для посторонних входы...
 Их снарядили все народы...
 И все же, — продолжал старик, —
 Недавно в Мунсальвеш проник
 Какой-то рыцарь посторонний.
 Наглешее из беззаконий!..
 Великий грех он совершил —
 Перед Граалем согрешил!
 Сойдясь с Анфортасом несчастным,
 Он смел остаться безучастным
 При виде столь ужасных мук!
 Из уст его хотя бы звук
 Участья вырвался наружу!..
 Нездостойнейшему мужу
 Еще воздается! Не забудь!..
 А до него к Граалю путь
 Хотел найти еще один...
 Не слыхивал? — Roi Леелин!
 Близ озера он был замечен
И верным Либбеальсом встречен.
То был отважный тамплиер,
Великой храбрости пример!..
Но бог свой вынес приговор:
Герой погиб... А тот, как вор,
Коня храмовника украл!
Убитого он обобрал:
Его седло увез с собою.
Там — герб Грааля... Бог с тобою,
 Мне вдруг почудилось, мой сын,
 Что... Часом, ты не Леелин?!
 Господь и видит нас и слышит...
 Зачем, поведай, голубь вышит
 На боевом твоём седле?!
 Известно ведь на всей земле
 Что это значит: *Мунсальвеш!*
 Казни меня или утешь!
 Свершил ты это похищенье?
 Зачем же ты молчишь в смущенье?
 Нет, нет, я верю: ты не брал!..
 ...Впервые голубя избрал
 Для славного герба Грааля
 (Дабы сей герб не повторяли)

Отец Анфортаса большого...
 Тебе всё это слышать ново,
 А я... Но молви наконец,
 Кто ты таков? Кто твой отец?!»
 ...Тут, может быть, не без испуга
 Они взглянули друг на друга.
 И с болью Парсифаль сказал:
 «Отец мой в честной битве пал,
 Священным связанный обетом...»
 «А как он звался?» — «Гамуретом.
 И родом был он из Анжу.
 Я от него происхожу...
 Поверьте, я не Леелин.
 Но я... я, Гамурета сын,
 Когда был молодым и глупым,
 Глумясь над беззащитным трупом,
 Свершил почти такой же грех,
 Укрыв у мертвеца доспех —
 Все снаряженье сняв с него...
 Теперь поймите, отчего
 Столь страшно в этой жизни маюсь,
 Покуда не раскаюсь...
 Сгорю я в адовом огне!
 Отец! Кровь Итера на мне!..»
 Не сдерживая слез,
 Блаженный старец произнес:
 «Жизнь мирская, сколь ты зла!
 Сколь много мук ты принесла!
 Сколь много бед ты совершила,
 Сколько людей блаженства лишила!.. -
 Он продолжал: — Вот предо мной
 Сын сестры моей родной!
 Каким помочь ему советом?
 И много ли будет проку в этом?
 И как он должен поступить,
 Чтоб грех столь тяжкий искупить?..
 Так знай, племянник мой несчастный!
 Поступок ты совершил ужасный.
 Ты Красного Итера убил,
 Который богом избран был
 Стать образцом добра и чести!..
 Ни фальши он не знал, ни лести.
 Чист, как господень серафим,
 Он повсеместно был любим
 Чистейшими среди женщин мира!..
 Ты, богом проклятый задира,
 Чужд благородства и добра!..
 Из-за тебя моя сестра
 Смерть приняла, в тоске изнемогая!
 О Герцелойда моя дорогая!
 Смотри, как низко пал твой сын!..»
 ...«О благородный господин,
 Что вы такое говорите?!
 Что же вы со мной творите?
 Я знаю: мать моя жива!
 Но если вправду такова
 Всевышнего святая воля,
 Слезами изойду от боли
 В ужаснейшем своём долгу...»
 «Дитя, я никогда не лгу,
 Обмана не постиг науку.

Не выдержав с тобой разлуку,
 Твоя достойнейшая мать
 Пред вседержителем предстать
 Должна была, в вознагражденье
 За верность, за долготерпенье...
 Ах, вещей ей приснился сон!
 Узнай же: ты был тот дракон,
 Что ей в беременности снился!
 Зачем на свет ты уродился?
 Немало минуло годов,
 Но все же помню: от родов
 Сестра моя другая,
 Шоизиана дорогая,
 В тяжелых муках умерла...
 Сигуна — дочь ее — росла
 У Герцелойды во дворце,
 Забывши о своём отце —
 О герцоге Кийоте...
 Росла в тепле, росла в заботе...
 Да... Только третья из сестер
 Жива-здорова до сих пор:
 Репанс — владычица Грааля.
 Тяжел сей камень, чтоб вы знали!
 И не поднимет его, не возьмет
 Купно весь человеческий род,
 Который свои прегрешенья множит:
 Лишь чистая дева поднять его может!..
 ...Король Анфортас — мне брат родной,
 Мне и прекрасной Репанс де Шой.
 Наш старший брат Анфортас с детства
 Граалем правит по наследству.
 Сын Фримутеля старший,
 Он скипетр получил монарший
 И был его достоин... Да...
 Мы были молоды тогда,
 И веселы, и безбороды...
 Но, как велит закон природы,
 Мы оба начали мужать.
 И тут борьбы не избежать
 Меж Молодостью и Любовью,
 Во вред душевному здоровью...
 ...Итак, Анфортас был влюблен
 И столь любовью ослеплен,
 Что позабыл о святом Граале.
 Иные страсти в нем разыгрались,
 И словно боевой пароль —
 «Амур!» — произносил король...
 Он славно бился, смело дрался,
 В любую битву так и рвался,
 Что — прямо вынужден сказать —
 Нельзя со святостью связать...
 О, злые рыцарские игры!..
 И вот язычник, родом с Тигра,
 Отравленным пронзил копьем
 Того, кто братом, королем
 И сверстником мне доводился...
 ...Язычник жизнью поплатился,
 Но, воротясь домой, король
 Безумную почуял боль...
 С тех пор не заживает рана:
 Гноится, ноет постоянно,
 Горит, как пламя, день и ночь...
 Врачи стараются помочь, —

Увы, искусство их бессильно...
В те дни я слезы лил обильно
И дал всевышнему обет,
Что сам я, до скончания лет,
В лесу отшельником пребуду,
О званье рыцарском забуду,
Лишь был бы брат мой исцелен!..
Все тщетно!.. С этих вот времен
В мученьях корчится твой дядя...
...Перед Граалем о пощаде
Он громко к господу взывал,
Чтоб тот к себе его призвал
И прекратил его страданья.
Но бог не вынес оправданья
Тому, кто дерзкой суетой
Смел осквернить Грааль святой...
Чего мы не предпринимали!
Каких врачей не нанимали!
Нам ни карбункул не помог
(Тот, кем владел единорог),
Ни кровь больного пеликана,
Которой смачивалась рана,
Ни заклинанья, ни густой
Из необычных трав настой...
Сил наших, видно, не хватает.
Проходят дни... Король все тает,
Он с каждым часом все слабей.
И наших не избыть скорбей!..
И вот однажды на Граале
Мы чудо-надпись увидели:
Де рыцарь счастье принесет
И нам Анфортаса спасет,
Вопрос несчастному задавши...
Пред камнем на колени павши,
Могу сказать, дыша едва,
Пытались вникнуть мы в слова,
Что друг за другом проступали
На избавительном Граале...
Вот смысл примерный этих слов:
Он будет лишь тогда здоров,
Когда вопрос, исполнясь ласки,
Задаст приезжий без подсказки
И чьих-то просьб, а целиком
Лишь состраданием влеком!..
Тогда с одра Анфортас встанет...
И... королем быть перестанет.
Грядут иные времена!
Так возвещали письма...»
...
Здесь прервана была беседа
Во имя скудного обеда.
Полакомился наш герой
Кореньями, травой сырой.
Сии дары угрюмой чащи
Казались лучших лакомств слаще...
И, старцу прямо в очи глядя,
Герой Парцифаль сказал: «О дядя,
Безгрешной Герцелойды брат!
Я беспредельно виноват!
Нет глупости моей прощенья!
Так воскипи от возмущенья,
Узнав, что твой родной племянник
И есть тот неизвестный странник,

Что в дом к Анфортасу проник
И тут же прикусил язык...
Задать вопрос я не решился
Не оттого, что утрашился,
Да и совсем не оттого,
Что не было мне жаль его.
О нет! Молчать меня заставил
Свод рыцарских старинных правил.
Так дурь сковала мне уста...»
«Ты словно снял меня с креста,
И я как будто ожил снова!
Племянник! Умысла дурного
Поступок твой не содержал.
Ты — Юности принадлежал:
Еще не наступила Зрелость...
Но Честность ты явил и Смелость,
Сумев к Анфортасу попасть...
Могу ли я тебя проклясть?!
Еще не раз ты ошибешься, —
Но верю: своего добьешься.
Сегодня ль, завтра, через год, —
Тебя всевышний приведет
К избранной тобою цели.
И что упущено доселе,
Ты наверстаешь все равно!..
Так в небесах предreshено!..
...
...
Они беседу продолжали...
О братстве рыцарей Граала
Теперь завел отшельник речь...
Земной любовью пренебречь
Обязаны Граала слуги.
Ни у кого здесь нет супруги
(О том и помышлять грешно!),
Лишь королю разрешено
Вступать однажды в брак законный,
Христовой верой освященный,
И тем из братьев, коим дан
Приказ в какой-нибудь из стран,
Где нет монарха, по закону
Державную надеть корону...
**Храмовники, прибегнув к силе,
Спасенье людям приносили.
Им запрещалось воевать,
Чтоб просто славу добывать...**
«Я в юности (признаюсь в этом)
Строжайшим пренебрег запретом:
Не столько спасеньем души дорожил,
Сколько даме одной служил,
Дойдя до умопомраченья
В порыве юношеского увлеченья.
Был умереть за нее готов,
Искал турниров и боев.
Тогда мне было все едино:
Язычника ль, христианина
Или кого еще сразить, —
Только бы даму мою поразить
Отвагою непостижимой!
Я дрался словно одержимый.
С кем только я не воевал!
Три части света я повидал:
Европу, Африку и Азию,

Считая: «Нет голубоглазее
Моей восхитительной госпожи!..
О, за какие рубежи
Меня несли Амура крылья!..
В Багдаде, помню, нет, в Севилье
Сдружился я с одним бойцом,
Который был твоим отцом, —
С анжуйцем славным, Гамуретом!..
И посейчас скорблю об этом,
Что он направился в Багдад
И так и не пришел назад...
О, рыцарь, полный благородства!..
Однажды он заметил сходство
Меж Герцелойдою и мной:
«В родстве ли ты с моей женой?
Не брат ли ты ей, признавайся!..
Ну, как тут быть? Не сомневайся,
В конце концов пришлось сказать.
Что та, кого зовешь ты «мать», —
Сестра моя родная...
И твой родитель, вспоминаю,
Мне дивный камень подарил,
Из коего я смастерил
Тобою виденную раку...
Упомянуть пора, однако,
Про двадцать пять граальских дев
Из них воспитывают королев
Для самых знатных и достойных
Владык, прославившихся в войнах
Под знаком нашего креста
Во имя господина Христа...
И вот *Кастис*, один из них,
Был матери твоей жених.
Благоговением охвачен,
Он был Граалем предназначен
Супругом стать сестры моей
И преподнес в подарок ей
Норгальс, Валезию!.. Два царства!..
Но вот оно, судьбы коварство,
Еще жениться не успев
На лучшей из граальских дев,
Кастис погиб от старой рапы...
И города его и страны
Сестра в наследство получила...
Да... Так судьба их разлучила,
Чтоб Герцелойде наконец
В мужа достался твой отец,
Что был прославлен повсеместно...
Мнишь, все тебе теперь известно?
Увы, мой друг, пока что — нет...
В оруженосцы Гамурет
Мне отдал племянника своего:
Красный Итер звали его!..
В Кукумберлендии он родился!..
Теперь не без ужаса ты убедился,
Что *родич* был тобою убит!..
И пусть урок сей не будет забыт!..
...Все это так... Но, каюсь истово,
Избавишься ты от нечистого
И к богу обратишь свой взор
Не так, как бывало до сих пор...
В двух, разум жгущих, сердце рвущих
В двух тяжких, к небу вопиющих,

Грехах повинен ты сейчас:
 Ты отнял родича у нас,
 Славнейшего из славных,
 Которому нет равных.
 В тебе же кроется причина,
 Что слишком ранняя кончина
 Твою достойнейшую мать
 Свела туда, откуда ждать
 Напрасно возвращенья!
 Моли у господина прощенья!
 Отъезд твой, чересчур поспешный,
 Ей, нежной, любящей, безгрешной,
 Удар губительный нанес...
 И все ж еще один вопрос
 Тебе сейчас задать я смею...
 О, я от ужаса немею!..
 Где взял ты своего коня?
 Нет, ты не скроешь от меня,
 Что б дальше с нами ни случилось,
 Как у тебя вдруг очутилось
 С гербом Граалевым седло?!»
 ...Поведав, что произошло
 (С храмовником лихая схватка),
 Герой раскаялся без остатка,
 Затем отшельника спросил:
 «Зачем я плащ ее носил?
 Что это было: подношенье?..»
 «О нет! О нет! Не для ношенья
 Искусно скроенный наряд,
 В котором нас боготворят,
 Но драгоценная обнова...
 Репанс племянника родного,
 Вручив свой дивный плащ, звала
 Свершить великие дела!..
 И дядя меч тебе вручил.
 Его ты сильно огорчил
 Своим губительным молчаньем!
 Порадуй же его своим деяньем!..
 Но полно!.. Спать давно пора!..»
 ...И у потухшего костра
 На тощей, на сырой соломе
 Они забылись в сладкой дреме
 И спали не без наслажденья,
 Презрев свое происхождение...
 ...Герой наш долгих две недели
 Провел в отшельнической келье.
 Молитвенным словам внимал
 И жизнь по-новому воспринимал.
 Он с легкостью сносил лишенья
 И уповал, что прогрешенья
 Когда-нибудь ему простятся...
 ...Но вот пришла пора прощаться.
 И Треврицент ему сказал:
 «Твои грехи себе я взял.
 Пред богом за тебя отвечу!..
 А ты иди судьбе навстречу!
 Задуманное соверши,
 Прочь выкинь слабость из души,
 Во всем господню слову следуй —
 И дело кончится победой!..»

X

Теперь своим рассказом
 Ваш взбудоражу разум:
 И радость вам доставлю,
 И мужества прибавлю...
 . . . . .
 Гаван Грааль не отыскал,
 Хоть год прошел, как ускакал.
 Чем время тратить втуне,
 Остался б в Шанпфранцуне!..
 Конечно, он не раз, не два,
 Былого полон удалства,
 В пути отважно дрался,
 Но все же не добрался
 До тех недостижимых мест...
 Ну, словом, был его отъезд
 Ненужным и поспешным,
 А поиск — безуспешным...
 . . . . .
 Но как-то раз пришлось Гавану
 Через зеленую поляну
 Скакать вперед, своим путем...
 И вдруг, раздробленный копьем.
 Он видит щит блестящий,
 Среди травь лежащий.
 Кому принадлежит сей щит?
 Как знать?.. Но рядом конь стоит.
 Привязан крепко к деревцу...
 Принадлежал он не бойцу.
 С таким седлом и стременами
 Не рыцарю, а только даме
 Мог этот конь принадлежать!..
 С чего бы тут щиту лежать?..
 Но, впрочем, иногда мы
 Видали, что и дамы
 К турнирам рвутся и боям...
 О нет! Сражаться против дам
 Во что бы то ни стало
 Гавану не пристало!..
 «Нет, драться с дамой на коне, —
 Он размышляет, — не по мне.
 Зато уж, коли спешимся,
 То досыта потешимся!
 Вот это будет бой так бой!
 Катаясь по земле сырой,
 Сольемся мы телами,
 Пылая словно пламя!..
 Уж тут-то я не уступлю,
 Не пожалею — повалю!
 А коль меня она повалит,
 Меня и это не опечалит!..»
 ...Гаван разглядывает щит:
 «Он насквозь копьем пробит,
 Зияет в нем окошко...
 Да, пострадал немножко
 Владелец бедного щита.
 Но коль земная жизнь — тщета,
 То в ходе битвы рукопашной
 Смерть не должна казаться страшной...
 Что значит: жизнь?.. Одни заботы!
 Вот щит, тот редкой был работы

И стоил дорого!.. (Тпоходы
 Вгоняют нас в одни расходы!..)»
 ...Так наш приятель рассуждал
 И вдруг под липой увидал
 Средь клевера зеленого
 Рыцаря сраженного,
 Который кровью истекал
 И на коленях возлежал
 У дивной женщины рыдающей,
 Спасенья ожидающей...
 Гаван кивнул ей. И поклоном
 Был встречен, столь же благосклонным.
 Прекрасней не встречал он лика...
 У дивной женщины от крика
 Немного голос поохрип:
 Ведь рыцарь несчастный чуть не погиб.
 ...Нетрудно храброму Гавану
 Перевязать любую рану,
 Но чтоб уж всё — наверняка,
 Он взял кусочек тростника
 И в рану сунул, словно трубку.
 (Хвала столь мудрому поступку,
 Хвала умеющим спасать!)
 Затем из трубки пососать
 Он повелел прекрасной даме.
 Свершилось чудо перед нами:
 Сквозь трубку отсосали кровь —
 И полумертвый ожил вновь!..
 Все получилось словно в сказке...
 А рыцарь после перевязки,
 В приливе новых, свежих сил,
 Гавана пылко попросил
 Навеки с ним не расставаться!
 Гаван не хочет оставаться
 И задает лишь один вопрос:
 «Кто такой удар тебе, рыцарь, нанес?..»
 И тот ответил, чуть дыша:
 «Рыцарь Гевелиус Лишуа!
 Он шутики шутить не любит,
 Он прямо насмерть рубит.
 Эх, это вовсе не игра!
 Ты рвешься в крепость Легруа?!¹²²
 Но именно там меня сразили!
 Я был почти в могиле,
 Когда бы ты меня не спас!..
 Я об одном прошу сейчас:
 Чтоб не случилось худа,
 Не жди напрасно чуда
 И к крепости близко не подходи!..»
 Но в пылкой, молодой груди
 Гавана моего дорогого
 Эти слова подобьем зова —
 «На приступ!» — прозвучали...
 Без страха, без печали
 Он скачет с оружием наготове,
 Путь узнавая по каплям крови,
 Раненым рыцарем пролитой
 (Я бы не выдержал боли той!)...
 . . . . .
 И вот перед взором его, на горе,
 Вся золотая в предвечерней заре,
 Крепость предстала чудесная
 И скала совершенно отвесная...

Но, свято лелея свою мечту,
Герой поднимается в высоту
Скалистой, извилистой тропкою.
Ведет его сердце не робкое!..
Но он останавливается, узрев
Одну из самых прекрасных дев:
Глаза его лучшей не видели!
(Мы сим никого не обидели,
Но с необыкновенною девою той
Лишь Кондвирамур своей красотой,
Воистину небывалой,
Могла бы поспорить, пожалуй!..)
И, как донесла Аventura до нас,
Был удивителен блеск ее глаз
И удивителен сладостный рот.
И сердце, любовных полно щедрот,
Влекло простодушьем обманным:
Для всех оно было капканом!..
...А страсть к ней — страшнее любой
кабалы.
Сидела она у подножья скалы,
Под брызгами водопада,
Чаруя прелестью взгляда...
.....
«Ах, окажите мне высшую честь,
Позволив рядом с вами присесть! —
Воскликнул Гаван, пылая,
Ей огненный взгляд посылая... —
Прелестнее девы я не встречал! —
Гаван восторженно воскричал, —
И, видимо, лучшей не встречу!..»
«Ну, что вам на это отвечу? —
С насмешкой вдова сказала ему. —
Надеюсь, вы правы... Но вот почему,
Коль вы воспылали любовью,
Должна я внимать пустословью?!
Дурак или умный, кривой и прямой,
Кого ни спроси — восхищаются мной.
Мне клятвам внимать надоело!
Я — слышите? — требую дела!..
Но в сердце моем нет места для вас...»
Он рек: «Заглянув в глубину ваших глаз,
Я понял: я раб ваш — навечно!
Послушайте: жизнь быстротечна...»
«Ну, что ж. Коли вы полюбили меня,
Тогда моего приведите коня,
Он там, на вершипе, в дворцовом саду...
Я очень устала... Пешком не дойду...
Пожалуйста, поторопитесь!..»
И поторопился наш витязь:
Он, птице подобный, взлетел на скалу
И тем заслужил почет и хвалу,
Столь быстро добравшись до цели...
В саду танцевали и пели.
Было великое множество там
Отважных мужей и прекраснейших дам.
Гавана внезапное появление
Всеобщее вызвало изумленье.
Смолкло веселье в просторных шатрах.
Многих объял безграничный страх.
Многие побелели:
«Еще одного?! Неужели?!»
Что все это значит: «ещё одного?!»

Но понял Гаван: здесь жалеют его!
И впрямь: все его обнимают.
Беду его, что ль, понимают?..
Вот старый вояка вздохнул тяжело
И молвил: «Что, рыцарь, вас к нам
привело
Зачем вы явились к нам в крепость?
Чтоб испытать ее крепость?!Не знаю: вы жизнью своей дорожите?..»
«...Где конь... там, в саду... покажите...
Я должен немедля его увести...»
Тут рыцарь воскликнул: «О боже,
прости!
Вас хочет сгубить *Оргелуза!*¹²³
Вы ищете с нею союза,
Иль красотой ее ослеплены,
Иль бесконечно в нее влюблены?
И разум ваш страстью сжигаем?..
Поверьте: мы все это знаем...
Но знайте и вы, господин дорогой, —
Ей кто-нибудь нужен: не вы, так другой,
Чье юное сердце не черство,
Чтоб с помощью злого притворства
Свести вас с ума, в свой силоч
залучить...
Из этого следует заключить:
Бегите отсюда! Спасайтесь!
И только ее не касайтесь!..
Я говорю вам без тени лжи:
Нет в мире ужасней моей госпожи!
Пусть хороша она ликом —
Порок в ее сердце диком!..
Как солнце сияют ее глаза,
Но вся она — молния, гром, гроза.
И насмерть она поражает
Того, кто ей возражает...»
И молвил паладин седой:
«Все это кончится бедой,
Коли вы, рыцарь, не уйметесь,
Коли за ум вы не возьметесь!..»
...Гаван, однако, хохочет:
«Все будет, как бог захочет!..
Но где же сей конь ретивый?»
«В саду стоит, под оливой!..»
...Гаван под уздцы коня берет...
Тепло провожает его народ:
Успеха желает и счастья,
Исполнен к Гавану участия...
...Итак, под уздцы он ведет коня,
Ничего не страшась, никого не вина,
К счастью или к несчастью,
Только горя своей страстью,
Ведет он коня посерединке
Бегущей над пропастью узкой
тропинки.
Достаточно чуть оступитья,
Чтоб в самом низу очутиться...
Но вот он дошел, он исполнил приказ
И слышит: «Эй, дурень! Приходится вас
Ждать чуть ли не час!.. Даже боле!..
Скажите, вы спятили, что ли?!Я вас от себя прогоню, дурака!..»
...Гаван оробел: «Нет! Я ваш на века!

Прощения вашего заслужу.
Но дайте сперва вас в седло подсажу!..»
Она, преисполнена яда,
Сказала: «Спасибо. Не надо...
В сем деле пустышном я справлюсь без
вас.
И прямо в седло вспорхнула тотчас.
Вот именно, что не села:
Вспорхнула или взлетела!..
И говорит ему в свой черед:
«Слышите, дурень! Скачите вперед!
А я поскачу вслед за вами!..»
(Влюбилась, иными словами...)
Не знаю, что там в душе у нее,
Зато язык говорит свое:
«Недурно бы, в самом деле,
Чтоб вы с коня слетели!..»
...Однако пора снисходительней нам
Взирать на причуды и прихоти дам.
И хоть их причуды большая обуза —
Пусть будет оправдана мной Оргелуза!
...Меж тем с неприветливой миною
Спешит она светлою долиною...
И тут заметил наш друг Гаван:
Трава, полезная для ран,
Растет вблизи обочины...
Немного озабоченно
Гаван остановил коня,
Траву целебную ценя,
Чтоб травки нащипать полезительной
Тому, кто раною мучительной
Такую жалость вызвал в нем,
Герой Гаван смекнул притом,
Какою трава обладает силой!..
Вдруг слышит: «Господи помилуй!
Зачем бы вам пучок травы?!Ах, вот в чем дело! *Лекарь* вы!
Ну и признались бы в этом сначала.
А то я за рыцаря вас считала!..»
Гаван почтительно ей ответил:
«Бойца я раненого встретил
Вот где-то здесь, невдалеке!..
О, жизнь его на волоске!
Трава его спасти способна!..
Жаль, мне пред вами неудобно...»
...И только это он сказал,
Как стук копыт он услыхал.
Оруженосец к герцогине,
Как ветер, неся по долине...
Сейчас вас познакомлю с ним:
Он Кундри братом был родным.
*Малькреатюром*¹²⁴ его звали.
Черты его Кундри напоминали...
На человека едва похож,
Он волосом был чистый еж.
Глазища злобу излучали,
Из пасти два клыка торчали...
В стране чудес Трибалибот
Со стародавних пор живет
Несчастнейшее это племя —
Адамово дурное семя...
Да, прародитель наш Адам
Своим созревшим дочерям

Престрого запретил когда-то,¹²⁵
 Что солоно иль горьковато
 И вредно для пищеваренья
 (К примеру, старые корни)
 Без крайней нужды брать в еду,
 Чтоб не нанести вреда плоду...
 Куда там! Бабы — всюду бабы.
 Отца послушались хотя бы!
 Но что им человечесий род?
 Лишь бы полакомился рот!..
 Так и возникло племя чудищ...
 Беда! Но что тут делать будешь?..
 Пересказал вам эту быль я...
 А королева Секундилья,¹²⁶
 Пред коей пал однажды ниц
 Брат Парсифаля — Фейрефиц,
 Страной далекою владела,
 Где племя чудищ разглядела
 Среди давних подданных своих...
 И Кундри тоже была среди них...
 Однажды люди рассказали
 Секундилье о Граале:
 Ни с кем в богатстве не сравним,
 Король Анфортас правит им...
 «Неужто он меня богаче?!
 О, неотложней нет задачи,
 Чем подобраться к королю!
 Подарочек ему пошлю
 В знак уважения и привета,
 И нам откроется крепость эта!..»
 Анфортасу был послан в дар
 Гранат, пылавший, как пожар,
 А купно с дорогим гранатом
 Красотка Кундри вместе с братом...
 Король Анфортас, говорят,
 Был необыкновенно рад
 Диковинным предметам...
 Однако он при этом
 Того, кто был страшной горилл,
 В оруженосцы подарил
 Герцогине Оргелузе,
 С которой состоял в союзе...
 Итак, переменяв аллюр,
 К Гавану Малькреатюр
 Подъехал мелкой рысью...
 Воздевши морду лисью,
 Он исступленно заорал:
 «Ты!.. Герцогиню ты украл!
 Тебе сверну я шею,
 Гнусному злодею!..»
 ...Ну, тут наш друг Гаван слегка
 Утихомирил дурака.
 Не повышая голоса,
 Схватил его за волосы
 И прямо на землю швырнул,
 Чуть шею чудищу не свернул!
 Жаль вот: рука о волос
 До крови укололась.
 Ладонь как бы прошило...
 Даму это рассмешило...
 . . . . .
 Вот наконец привел их путь
 К герою, раненному в грудь,

Чтобы, излеченный травой,
 Он встал, здоровый и живой...
 И он вскричал, узрев Гавана:
 «Сколь эта встреча мне желанна!
 Где был ты? Или в сих краях
 Пришлось прославиться в боях?
 Но вижу: на тебе — ни шрама!
 Зачем с тобою эта дама?
 Она приносит лишь беду!
 Гаван, имей это в виду!..
 По милости сей герцогини
 Я кровью истекаю ныне!..
 Беги, я говорю, беги!..
 Вооруженные враги
 Куда, поверь мне, безопасней,
 Чем эта, коей нет прекрасней!..
 Но, впрочем, — молвит он Гавану, —
 Как только на ноги я встану,
 В любой беде, в любом бою
 Я за тебя, друг, постою!..
 Только подлечусь немного...
 Гаван, послушай, ради бога, —
 Здесь, если двинуться к реке,
 Есть лазарет невдалеке...
 Дай мне коня моей подруги...»
 Как отказать в такой услуге?
 Гаван подвел ему коня...
 «Нет, он, боюсь, не для меня!» —
 Промолвил рыцарь, и нежданно
 Он прыгнул на коня Гавана
 И ускакал, неудержим.
 Его подруга — вслед за ним...
 Разыграна дурная шутка!..
 За что? За то, что сердце чутко?
 За то, что раненому помог?
 Он толком сам понять не мог...
 Но чем сильнее его досада,
 Тем больше Оргелуза рада...
 ...«Ах, рыцарь!.. Скверные дела...
 Я вас за воина сочла,
 Вы рыцарем мне показались,
 Но лекарем вы оказались.
 Теперь, увидев «подвиг» ваш,
 Не лекарь, вижу, вы, а паж!..
 Я это сознаю вполне...
 ...А как насчет любви ко мне?
 Меня вы чуть не убедили,
 Что от любви с ума сходили?
 Но все, надеюсь, улеглось?..»
 О боже! Что тут началось!
 Какие объясненья!..
 Нет от любви спасенья!
 . . . . .
 . . . . .
 Давно уже сказать пора,
 Что песнопений мастера
 В стихах сверх всякой меры
 Славят власть Венеры!..
 Нет, это, право, чересчур!
 Венера, Купидон, Амур,¹²⁷
 Их факелы, их стрелы —
 Как это устарело!..
 Вот посмотрите: Купидон.

Своей стрелой мне в сердце он
 Целится напрасно —
 Все это неопасно!..
 Усвоить надобно сперва:
 Любовь без Верности мертва!
 Что там огонь Венерин?
 Кто любит? Тот, кто верен!
 Я только Верность, Верность славлю
 И словно с праздником поздравлю
 Того, кто Верность сохранил,
 Любя, Любовь не уронил!..
 Кто Верностью запасся,
 Считай — навеки спасся!..
 . . . . .
 . . . . .
 Но дальше слушайте... Итак,
 Наш друг Гаван попал впросак.
 Здесь не отделаться смешком:
 Он вынужден шагать пешком,
 А дама скачет на коне!..
 Об этом с тяжкой болью мне
 Приходится рассказывать,
 Как бы себя наказывать...
 ...И вот через недолгий срок
 Они увидели поток,
 Разлившийся широко...
 На левом берегу потока
 Величественный замок встал,
 Под солнцем золотом блистал,
 Камнями драгоценными
 Над валами пенными...
 Поднималась к небесам
 Огромнейшая башня там,
 Где в окнах женщины сидели
 И с умилением глядели
 На множество земных красот.
 Четыреста или пятьсот
 Их было? Да. Не менее.
 Все знатного происхождения...
 Но продолжение — потом.
 Тоба ж — скорее на паром!
 Скорее переправиться,
 И все еще поправится!..
 Вот и паромщик тут как тут...
 Хоть нрав у Оргелузы крут,
 Она рукой слегка взмахнула
 И грустно, глубоко вздохнула,
 Мол, переправь, не откажи,
 Свое усердие докажи.
 ...Гаван случайно оглянулся
 И чуть в поток не окунулся:
 Их некий рыцарь догонял!
 Кто это? Он еще не знал.
 Но было совершенно ясно,
 Что рыцарь сей свиреп ужасно,
 Что в силе он своей уверен
 И меч щадить свой не намерен...
 И Оргелуза молвит: «Ну-с,
 Сам Лишуа Гивелиус
 Решил пожаловать сюда!..
 Никем, нигде и никогда
 Еще он не был побежден.
 В своей победе он убежден.

И вы его разубедите,
Лишь если сами победите!..
При этом следует сказать:
Свою мне верность доказать
Вы поклялись во что б ни стало.
Что ж. Испытание настало.
Смотрите, чтоб, не ровен час,
Штаны не лопнули у вас
Во время схватки с перепугу!
Ведь вам в бою придется туго...
Блюдайте рыцарский закон:
Тут дамы смотрят из окон!
Явите выдержку и смётку!..»
...И Оргелуза села в лодку.
«Ужель, — вскричал Гаван тогда, —
Мы расстаемся навсегда?!
О герцогиня, погодите!..»
«Мой друг, сначала победите,
А уж потом поговорим...»
(Нет! Женский прав неповторим!..)
Так отплыла она от берега...
Меж тем Гивелиус с разбега
На друга нашего напал.
Гаван сперва чуть не упал,
Но сам нанес удар прекрепкий.
Копье Гивелиуса — в щепки!
Затем копье Гавана — вдрызг!..
Осатанелой стали визг:
Герои действуют мечами,
Сверкая грозными очами
И с хрипом, тяжело дыша...
Гаван вцепился в Лишуа
И, заключив его в объятья
(Отважнейшее предприятие!),
Стянул с коня и — наземь — бух!..
О, как перехватило дух!..
«Убей меня! — несчастный просит. —
Смерть избавление приносит
Тем, кому жизнь уж не мила.
Честь, гордость, слава и хвала,
Все, все, что было мной добыто,
Твоей рукой навек разбито!
Я проклят богом и людьми!
Так смилуйся же, так сними
С меня тягчайшую обузу!
(Он намекал на Оргелузу.)
Так не раздумывай! Убей!
И сразу станет она твоей!..»
Подумал сын отважный Лота:
«Не ждал такого поворота!
Рехнулся этот господин.
Убить? Нет никаких причин!
Он дрался, как и я, несчастный,
Из-за любви своей напрасной,
Из-за мучительной любви...
Я не убью тебя! Живи!
И жизнь тебе дарую ныне
В честь обожаемой герцогини!..»
...
Меж тем паромщик воротился,
И к сыну Лота обратился:
«Ваш подвиг доблестный цена,
Вернуть вам вашего коня

Торжественно мне приказали!..
Ах, вы Гевелиуса взяли
С неповторимым блеском в плен!..»
«Возьмите же его взамен
Мне отданного Грингульеса...
Хотя бы ради интереса...»
...
Паромщик ему благодарность принес
И на левый берег его перевез...
Однако ту, что так прекрасна,
Повсюду он искал напрасно.
Она исчезла без следа.
Никто не мог сказать — куда...
Узнавши об исходе боя,
Она от нашего героя
Сокрылась в сумраке ночном...
...В свой сказочно богатый дом
Паромщик пригласил Гавана...
Был приготовлен ужин званый.
Стол под яствами ломился,
Но наш приятель утомился.
Он мало пил и мало ел,
Он, очевидно, спать хотел...
...
И вправду наступила ночь...
Паромщик подзывает дочь
И, не позволяя ей прекословить,
Велит немедля приготовить
Для гостя славного кровать:
Мол, гость желает почивать...
Тут должен я заметить, кстати,
Роскошной, сказочней кровати
Никто, наверно, не знал.
О, бархат этих покрывал!
Жар одеял и мягкость пуха
Подушек, в коих тонет ухо!
О, простыней прохладный лен!..
Жаль, что Гаван был утомлен.
С ним дочь паромщика осталась.
И если б не его усталость,
Отказа не было б ему...
Но он устал... И посему
В одно мгновенье слиплись очи...
А коли так, то — доброй ночи!
Пусть сон его господь хранит,
От зол его оборонит!..
Он спал... А за окном светало,
И утро новое настало.

XI

Спал наш Гаван самозабвенно,
Проспал бы сутки, несомненно,
И видел сладостные сны,
Когда бы солнышко стены
Лучом рассветным не коснулось...
Все в мире ожило, проснулось,
В окно вливался птичий гомон...
И, подойдя, увидел дом он —
Подобие огромной башни,
Где, повторяя день вчерашний,
Прильнуло к окнам столько дам!..
Как верить собственным глазам!

И что бы это означало?..
«Эх, дай-ка я посплю сначала», —
Гаван, подумавши, решил
И вновь улечься поспешил...
Но удивился до предела:
Дочь перевозчика сидела
Перед постелью, на ковре,
Вся в золоте и в серебре...
Ну, тут уж не до сна, конечно!
Гаван вполне простосердечно,
Ни гнев не выказав, ни спесь,
Спросил: «Дружок, зачем ты здесь?!
Ведь на дворе еще так рано!..»
И дева молвила Гавану:
«Узнай веление судьбы!
Отныне мы — твои рабы!
Отец мой, мать и мы — их дети...
Еще никто на белом свете
Так много счастья и добра
Нам не принес, как ты вчера...»
Гаван, решив, что это шутка,
Спросил: «Скажи-ка мне, малютка,
Что значит тот высокий дом,
Зачем так много окоп в нем,
Оправленных в большие рамы,
И кто такие эти дамы?
По-моему, здесь ни одна
Не отлипает от окна!..»
...Дева молвила в ответ:
«О сем не спрашивайте! Нет!
Я на вопрос какой угодно
Могу ответить вам свободно,
Но здесь останусь я нема!
Вы свели меня с ума
Вопросом, заданным некстати!..»
И, севши на пол, у кровати,
Она слезами залилась.
Стенала, плакала, тряслась,
Как бы в припадке вся дрожала...
Вбежал отец. И мать вбежала.
«Дочь дорогая! Что о тобой?
Наш покровитель дорогой
С тобою пошутил, возможно,
Ну... чуточку неосторожно!
Так ты уж, право, не серчай,
На ласку лаской отвечай!..»
«О нет! Погибнуть мне на месте, —
Ее я не затронул чести! —
Гаван, бледнея, произнес. —
Я только задал ей вопрос
(Хоть он остался без ответа):
Что означает башня эта
И для чего столь много там
В окнах выставлено дам?
Я этой потрясен картиной...
Вопрос, как видите, невинный!..»
Но простонал паромщик: «Нет!
Смерть означал бы наш ответ!
Ведь вы не знаете последствий!..
Пред вами — бедствие из бедствий!..
Гаван сказал: «Как вы упрямы!
Коли в беду попали дамы,
Я постараюсь им помочь!..

Но вас, а также вашу дочь,
Всего вопрос поверг в смятенье.
 Мне странно ваше поведение!..»
 «О господин, — паромщик рек, —
 Вы, столь бесстрашный человек,
 Не успокойтесь на этом!
 Поскольку мы своим ответом
 Невольно распалим ваш гнев.
 И вы, обдумать не успев,
 Без промедления, сейчас
 Начнете действовать!.. Для нас,
 Вам преданных и благодарных,
 То было б хуже снов кошмарных.
 Мы вами слишком дорожим
 И оттого за вас дрожим.
 Я говорю без тени фальши...»
 Но рыцарь наседает дальше:
 «Скажите правду, все, как есть!
 Поймите: моя задета честь.
 Прямо вас предупреждаю:
 Не скажете — сам все узнаю...»
 «Ну, что ж. Пеняйте на себя.
 Молчать мы решили, вас любя.
 Спешите запастись щитом,
 Чтоб поздно не было потом!..
 Узнайте же, что берег сей —
 Земля чудес — *Терремарвей*.¹²⁸
 Мы не хотим от вас скрывать,
 Здесь есть волшебная кровать
 Или иначе — *Лимарвей*!..¹²⁹
 (Ах, жизнью я поплачусь своей
 За разглашение секрета!..)
 Таинственная башня эта,
 Почти достигшая небес, —
Шатель Марвей, — в стране чудес
 Волшебный замок, о котором
 Давно по всем земным просторам
 Молва недобрая идет...
 Когда б вы знали, что вас ждет!
 Пред тем, что ждет вас, все мученья
 Невиннейшие развлеченья,
 Все, что вас мучило порой,
 Покажется детской вам игрой.
 ...Нет, вы не знали до сих пор,
 Что злобный чародей *Клингсор*,¹³⁰
 Волшебник и злодей отпетый,
 Страною управляет этой,
 Ярмо на подданных надев...
 Четыреста прекрасных дев
 Вы в окна замка увидали.
 Поймите: их заколдовали!
 Клингсор! Он держит их в плену!..
 Ах, без толку его кляню,
 Поскольку все от вас зависит!..
 Иль вседержитель вас возвысит
 И силой вас снабдит такой,
 Чтоб доблестной своей рукой
 Смогли вы изверга обезглавить,
 А сами нашей землю править,
 Став нашим властелином впредь...
 Иль суждено вам умереть,
 Причем не просто, а с позором,
 И пасть во прах перед Клингсором...

. . . . .
 Я предостерегаю вас:
 Бывало, рыцари не раз
 Сих дев освободить хотели:
 Давно их замки опустели.
 Из этих рыцарей боевых
 Не осталось почти никого в живых!..
 Горько на судьбу я сетую...
 И все ж, мой рыцарь, не советую
 Напрасно жизнью рисковать.
 Ведь та волшебная кровать
 И многие другие вещи —
 Воистину зловещи!..»
 . . . . .
 Гаван промолвил: «Но бойцу
 Страшиться смерти — не к лицу!
 Цель моя священна —
 Вызволить из плена,
 Спасти от бед ужасных
 Всех этих дев прекрасных!..
 Что ж! С божьей помощью! Пора!..»
 ...Сказал паромщик: «Вы вчера
 Гевелиуса одолели.
 И, может быть, на самом деле
 Освободить удастся вам
 Несчастных, что томятся там
 И чей удел — могила...
 На то дана вам сила!..
 Сильнее вас я никого
 Не видел, кроме одного
 Бойца, в исколотых, помятых,
 Необычайно красных латах:
 Он их у Итера добыл,
 Когда он Итера убил!..
 Вот это — настоящий воин!
 А я был чести удостоен
 Его через поток везти:
 К нам заглянул он по пути,
 Куда-то торопился очень,
 Был чем-то сильно озабочен
 И в сущность скорбных наших дел,
 Как видно, вникнуть не успел...
 Итак, его я переправил...
 Он пятерых коней мне оставил
 В награду за мои труды...
 Я на его щите следы
 Весьма жестоких битв заметил.
 На мой вопрос он мне ответил,
 Что пятерых поочередно
 (Ну, это ли не превосходно?)
 Он паладинов победил,
 Их покориться убедил
 И в Тельрапер послал... Слыхали?
 Все спрашивал он о Граале...
 Такого редко встретишь... Да...»
 ...«Куда он поскакал?! Куда? —
 Вскричал Гаван с горящим взглядом.
 Да знал ли он, что я здесь рядом?!
 О предстоящей битве знал?!»
 «Клингсор его не занимал,
 И я избег с ним разговора
 Насчет проклятого Клингсора,

Его тревогою смущен:
 Он был Граалем поглощен!..
 «Жаль, мы не встретили друг друга!..
 Но полно!.. Где моя кольчуга?
 Кольчугу! Шлем! Коня подать!
 Настало время нападать!..
 . . . . .
 Доспех Гавана превосходен.
 И меч остер. А щит — негоден,
 Пробитый в схватке боевой...
 Паромщик щит приносит свой:
 «Возьмите, может пригодиться!
 Незаменимая вещица.
 Порой весьма полезен щит:
 Коль не спасет, так защитит!..
 Да и с мечом не расставайтесь.
 Пугать начнут — не поддавайтесь!..
 И вот еще о чем прошу:
 Зайдите в лавку, к торгашу,
 Там, возле крепостных ворот...
 Коль примет скверный оборот
 Задуманное вами дело,
 На него положиться можно всецело.
 Оставьте у него коня!..
 И передайте поклон от меня...»
 ...Гаван семейство это
 За добрые советы
 И помощь поблагодарил —
 Им настезь сердце свое отворил...
 И прочь отправился, спеша
 Найти сначала торгаша,
 Дабы коня ему оставить...
 Я мог бы многое добавить,
 Скажу, однако, кратко:
 Все шло сначала гладко...
 Воскликнул радостно купец:
 «Ну, наконец-то! Наконец!..
 Не надо мне вознагражденья:
 Мы заждались освобожденья!..
 ...Лежат товары на прилавке,
 Пасется чей-то конь при лавке...
 А наш герой, чуть поуная
 Запальчивый свой, гордый прав,
Пешком (поймите: это — к счастью ж!)
 Вошел в распахнутые настезь
 Ворота замка... Ни один
 Слуга ли, страж ли, паладин
 Ему не встретился... Все было
 Безлюдно, тихо... Все таило
 В себе неясную беду...
 Герой наш постоял в саду
 И осмотрелся постепенно.
 Его смущали эти стены:
 Их осаждай хоть тридцать лет,
 Надежды на победу нет.
 Здесь штурм напрасен. И преступен.
 Поскольку замок — неприступен!..
 ...Все это так... Но отчего
 Не видно в окнах никого?
 Исчезли женские фигуры...
 По утвержденью АVENTЮРЫ,
 Гаван, в раздумья погружен,
 Был крышей замка поражен,

Столь светлой, пестрой и прозрачной.
(Он счел ее весьма удачной,
С павлиньим опереньем схожей,
И он преклонился пред волей божьей...)
...Заметим, что ни дождь, ни град,
Ни самый сильный снегопад
Не могут повредить узорам,
Представшим перед нашим взором...
...Гаван по лестнице идет
(Как знать, куда она ведет?),
А после, длинным переходом,
Под куполообразным сводом,
Он шествует из зала в зал.
Ну, хоть кого бы повстречал!..
Все комнаты — как нежилые.
Да люди есть ли здесь живые?..
И вдруг он главный видит зал,
Где пол сверкает, как кристалл...
Вот здесь — посередине зала —
Кровать волшебная стояла.
Ее четыре колеса,
Все — вот какие чудеса! —
Из настоящего рубина!..
Необычайная картина!..
Но пол, что выложил Клингсор
Дарами всех на свете гор,
Великолепным малахитом,
Гранатом, яшмой, хризолитом,
Любое диво затмевал!..
Клигсор недаром затевал
Свершить немислимое чудо:
Собрать в свой замок отовсюду
Богатства всех краев земли!..
Тех, что вблизи и что вдали!..
...Был до кровати шаг — не боле.
Но пол — что ледяное поле.
Чуть только по полу пройдешь,
Как поскользнешься, упадешь...
Наш друг, проникнуть в зал пытаясь,
Едва не падая, шатаясь,
До цели чуть ли не добрел!..
Но трюк волшебник изобрел:
Кровать отъехала в сторонку!
Герой Гаван за ней вдогонку!
А та — проворно — от него!..
Вот что такое — волшебство!..
Гаван решил: «Пусть это — чудо,
Но бегать я за ним не буду!..
Присел, пригнулся он и — прыг! —
Он — на кровати! В тот же миг,
Как он блаженно распластался,
Необычайный гром раздался.
Пред этим грохотом слаба
Была архангела труба.
Все грохотало, все гремело!..
Хоть действовал Гаван умело
И на кровать бесстрашно лег,
Он все равно уснуть не мог.
А гром ревел, а гром ярился...
Тогда Гаван щитом укрылся...
И сжалился над ним творец,
Внезапно положив конец
Своей спасительною дланью

Немыслимому грохотанью...
...Но тут из пятисот пращей
(Губительнее нет вещей!)
В Гавана камни полетели.
Герой наш, сидя на постели,
Наверно, помер бы на ней,
Попав под этот град камней,
Но мы-то ведь не забываем,
Что щит-то был непробиваем,
И камни, что пращи метали,
О щит ударясь, отлетали...
Но вот запас камней иссяк...
И тотчас — тоже не пустяк! —
В сопровожденье странных звуков
Из страшных, смертоносных луков
Посыпались вдруг тучи стрел.
Щит не поддался! Уцелел!
Гавана стрелы не задели!..
...Наверно, мы бы поседели,
Попав в подобный переплет!..
А вот Гаван на все плюет!..
Да... Мы, прости нас, правый боже,
Мы на Гавана не похожи:
Чуть что — нас страх в дугу согнул
А тот и глазом не моргнул!..
...Но вдруг здоровый мужичина
(Лицо — ужасная личина),
Обросший рыбьей чешуей,
Вошел с дубиною большой.
Нет, не с большою, а с громадной
Вид у него был кровожадный.
Не дай бог никому из нас
С таким вот встретиться хоть раз.
Но тешит нас соображенье:
Детина-то без снаряженья,
А рыцарь со щитом своим
Пока что был неуязвим.
Лишь увидел мужик Гавана,
Отвисла челюсть у мужлана.
Орет, проклятый, пасть раскрыв:
«Того не может быть! Он жив!»
«Боюсь, ты раньше околеешь!..
«Ничем его не одолеешь,
А только влипнешь сам в беду!
Себе дороже! Я пойду!..
...И вдруг донесся до Гавана
Неясный грохот барабана...
Нет, барабанов двадцать штук
Тревожный издавали звук.
И в зал огромный лев ворвался.
Он бешен был: проголодался
И человечины алкал.
Клигсор его поднатаскал!
К ремням щита он лапу тянет
(А барабаны барабанят),
Щит без надежного ремня —
Почти как всадник без коня!..
Но у Гавана был недаром
С собою меч!..
Одним ударом
Он зверю лапу отрубил.
Лев не взревел! Он протрубил
Крик дикой, небывалой боли!..
Но, повинувшись божьей воле,

Герой Гаван решает в грудь
Льву свой булатный меч воткнуть.
И мертвым лев свалился на пол...
Он лишь немного поцарапал
Героя... Но Гаван устал
И, обескровленный, упал
На львиный труп в изнеможенье...
И к тем пришло освобожденье,
Кого, ценой утраты сил,
От колдовства освободил
Герой, сражавшийся столь лихо...
Все смолкло... Всюду было тихо,
Тока, в окно не поглядев,
Одна из горемычных дев
Своими глазами не увидела
Мертвого льва посередине зала
И лежащего рядом со львом
Бездыханно
Героя — отважнейшего Гавана...
Пришлось дрожащей от страха деве
К Арниве,¹³¹ старой королеве,
Бежать, чтоб поскорей принести
Необычайнейшую весть,
Что столь же непонятна,
Сколь и невероятна...
Скажите, вы понять могли б —
Птогиб герой иль не погиб,
Когда бы вы не знали
О том, что было в зале?..
Арнива же была умна.
Двум юным пленницам она
Тотчас повелела
Разведать: в чем тут дело?..
...Как девы Гавана увидали,
Они безудержно зарыдали:
«Герой убит! Он недвижим!
Но мы ему принадлежим!..
Сим преданность они явили...
И вдруг дыханье уловили,
Слетевшее с пунцовых губ!..
О, перед ними был не труп!..
Едва с него доспехи сняли,
Как с упоеньем слушать стали
Слова, что спящий лепетал...
При этом с уст его слетал
Звук, на чуть слышный стон похожий...
Спаси того, великий боже,
Кто вызволил нас из беды!..
«Скорей, — кричат, — воды! Воды!..
Ему уста они разжали
(Алые губы его чуть дрожали).
Воды студеной влили в рот...
Но... Дальше слушайте!..
И вот
Глаза его раскрылись ясные.
Он видит: женщины прекрасные
Столпились около него
И все благодарят его
За возвращенную свободу...
Кто свежую приносит воду,
А кто — целительную мазь,
Чтоб смог скорей подняться князь
После невообразимых пыток...
Арнива сварила ему напиток,

Найдя целительную травку,
 Чтоб дело быстрее пошло на поправку.
 Герой с охотой пил и ел
 И, пристально весьма, смотрел
 На дев, чей облик был чист и светел...
 Но Оргелузу свою он не встретил...
 ...О, как его благодарили!
 Чего ему только не говорили!..
 Но снова погрузился он
 В целебный, благодатный сои...

XII

Кто спящего даром побеспокоит,
 Великим позором себя покроет.
 А тот, кто, здесь лежа, глаза смежил,
 Воистину отдыха заслужил!..
 Свидетельствует АVENTЮРА,
 Что отпрыск Лота, племянник Артура,
 Хоть совершенно изнемог,
 Славу свою преумножить смог!..
 Мне даже сравнивать неохота
 Дела его с подвигами Ланцилота...¹³²
 Признайтесь сами: неужель
 Известный вам всем король Гарель¹³³
 Отвагой рыцарскою сравнится
 С тем, кому сейчас так сладко спится?..
 Ах, если б множество тех стрел,
 От коих он столько перетерпел,
 Собрать да взвалить на мула,
 Животное б к земле пригнуло!..
 Что там Ивэйн?¹³⁴ Что там Эрек?¹³⁵
 Иль полководец имярек?..
 О господи, не стану
 Прекрасному Гавану
 Кого-то противопоставлять:
 Зря только раны свои растравлять.
 Ведь, победив в ристанье,
 Душевные страданья
 Мой славный рыцарь не избыл!
 Увы! Страдая, он любил.
 И сердце его не покидала
 Та, что вершиной идеала
 Для друга нашего была:
 Оргелуза, источник зла!..
 Подумайте только, что творится!
 Способна ль вправду уместиться
 Большая женщина в крохотном сердце?
 Через какую такую дверцу
 Она к Гавану в сердце вошла
 И как дорожку туда нашла?..
 Держать не стану я в секрете:
 Дела проделывает эти,
 Конечно, госпожа Любовь!..
 Я с нею в спор вступаю вновь,
 Хоть этот спор не мной навязан.
 ...За что так мучиться обязан
 Наивернейший ваш слуга?
 Жизнь всем, конечно, дорога,
 Однако вы ему дороже!..
 (Как дети на отцов похожи! —
 Любовью жил бесстрашный Лот!..) ¹³⁶
 А разве юный ИЛИНОТ,

Гавана родич, не был вами
 Загублен при служенье даме?..
 Ах, госпожа Любовь, зачем
 Вы досаждаете нам всем
 И наше губите здоровье?..
 И эти капли алой крови
 Я не припомнить не могу,
 Что на белеющем снегу
 Перед очами Парсифаля
 Напоминанием предстали
 О горестной любви к жене...
 А смерть принявший на войне
 Гамурет — его родитель —
 Он разве был не ваш воитель?
 Иль он погиб не из-за вас?!
 ...Пусть вам припомнятся сейчас
 Гаван и все его родные!..
 Прекраснейшая ИТОНЯ¹³⁷ —
 Гавана дивная сестра.
 Она чиста, умна, добра,
 Как в вихре бешеного танца
 Кружилась из-за Грамоф ланца,¹³⁸
 Известного среди королей...
 Вы были милостивы к ней?!
 Сестра другая — Сурдамур...¹³⁹
 Ее ли не сгубил Амур,
 Влюбивши ее в Александра-царя,
 Пред коим рассветная гаснет заря.
 Вы всех терзали, всех казнили...
 И вот острейшую вонзили
 Стрелу в израненную грудь!..
 Могу ли вас не упрекнуть
 В преступной черствости к Гавану?!
 Нет! Обвинять вас не устану...
 ...Поет Любовь избранник музы!..
 Но бедный пленник Оргелузы,
 Изведав злую вашу власть,
 Навек вас должен был проклясть!..
 Как много он стерпел лишений,
 Одной из ваших став мишеней!..
 . . . . .
 Ночь миновала. Рассветает...
 Свечного света не хватает
 Для состязания с дневным!..
 ...Гаван движением одним
 Смахнул с себя оцепененье...
 В окно вливалось птичье пенье.
 И наш приятель ощутил
 Прилив могучих свежих сил.
 Затем он произнес тихонько:
 «Однако же я спал долгонько!..
 Но боже! Вот чему я рад!..»
 Лежал новехонький наряд
 Взамен его одежды грязной,
 Забрызганной и безобразной,
 Изодранной когтями льва...
 Переодевшись, он сперва
 Прошелся медленно по залам,
 Любуясь блеском небывалым,
 Хоть во дворцах живал не раз...
 Хрусталь, рубин, смарагд, топаз
 Чудесно стены украшали.
 Каменья словно бы дышали

Средь белораморных колонн...
 Вдруг, потрясенный, видит он
 Большую башню из камней,
 Пылавших тысячью огней,
 Переливавшихся, сверкавших,
 Необъяснимо отражавших
 В его обличии живом
 Тот мир, в котором мы живем.
 Увидел он моря и горы,
 Разливы рек, полей просторы,
 Луга и тучные стада,
 Затем увидел города,
 Где улицы, дома и люди...
 Конечно, о подобном чуде
 Гаван и помышлять не смел...
 Признаемся: он онемел...
 Но престарелая Арника
 И королевы дочь — Сангива¹⁴⁰
 В сопровожденье юных внучек¹⁴¹
 (В глазах у каждой — солнца лучик)
 Спешат к герою моему
 С желанием внушить ему,
 Что, хоть была пустяшной рана,
 С постели подниматься рано,
 Что надобно себя беречь
 И всеми делами пока пренебречь,
 Чтоб ране вновь не отвориться...
 «О госпожа и мастерица, —
 Гаван в ответ проговорил, —
 Весь век бы вас благодарил!
 Вновь приведен я в чувство —
 То ваше сделало искусство!
 Вас сам господь ко мне призвал!..»
 «Так ты мастерицу во мне признал?
 И благодарен мне безмерно?..
 Ну, что же. Коли это верно,
 Тебя хочу я обязать
 Их, всех троих, обლობызать...
 Все трое — королевской крови...»
 Он тотчас же, не прекослова,
 С охотой выполнил приказ
 И (говоря вам без прикрас)
 Почувствовал выздоровленье...
 С чем он и принял поздравленье...
 И все ж глазами ищет он
 Ту чудо-башню средь колонн
 И страстно молит, чтоб Арнива
 Сего не убирала дива...
 ...Она сказала: «Ну, так и быть.
 Все, что можешь увидеть, увидь!» —
 И пальцем ему погрозила...
 И башня отразила
 (Уж так была она устроена)
 Прекрасную деву и гордого воина,
 Которые мчались галопом
 Сквозь лес, по запутанным тропам...
 Правила дева горячим конем,
 А рыцарь пылал благородным огнем,
 И, чувствуя жаркое жженье,
 Он, видимо, рвался в сраженье...
 ...О, если бы башня ему солгала!
 Той девой — увь! — Оргелуза была,
 И вид ее был так прелестен...

А рыцарь? Он нам неизвестен.
Я говорю: неизвестен пока.
Еще мы с ним встретимся наверняка.
Однако томить вас не стану —
Вновь возвращаюсь к Гавану...
Он молвит: «Там — рыцарь, я вижу его,
Торопит куда-то коня своего,
Воздевши копьё боевое,
Он хочет рискнуть головою...
Ну, что же, коль хочет рискнуть, пусть
рискнет!
Мое копьё его проткнет!..
Не вы ли мне силы придали?..»
...Все четверо зарыдали:
«Мы не враги вам, а друзья.
Сражаться вам еще нельзя.
Вы не оправились от ран.
А этот паладин — *Флоран*,¹⁴²
Доселе был непобедимым,
О чем считаем необходимым
До вашего сведения довести,
Чтобы образумить вас и спасти...
Но будь вы даже вполне здоровы,
Сражаться вам смысла нет никакого,
Тут мнений быть не может двух,
Несмотря на ваш славный рыцарский
дух,
И вы нам, пожалуйста, поверьте...
В случае вашей геройской смерти
Немедленно казнят и нас,
Которых ваш меч благородный спас...
И даже в случае *вашей* победы
Всех ждут ужаснейшие беды:
Под тяжестью железных лат
Вновь ваши раны закровоточат,
И, к торжеству себя готовя,
Умрете вы от потери крови!..»
...Как быть?.. Герой не хочет ждать!..
Он просит женщин не рыдать
И, обратив молитву к богу,
Собирается в дорогу,
Свой долг Любви отдать спеша...
...И вот Гаван у торгаша,
Где Грингульес покорно пасся,
Чтобы его хозяин спасся!..
Теперь — вперед — к другому дому,
К тому паромщику седому,
Который, как назначил рок,
Его переправил через поток...
Седой паромщик снова
Принял его как родного
И дал копьё герою длинное,
Как тот волшебный щит — *старинное!*..
...И снова наступает срок
Переправить Гавана через поток.
Гаван еще слаб, Гаван еще болен,
Но разве рыцарю позволен
Трусливой слабости позор?!
Итак — всему наперекор!..
...Сын достославнейшего Лота
Сшиб супротивника с налета.
Не поднимая головы,

Средь блещущей росой трапы,
Лежал он, сброшенный с коня
Толчком старинного копьё,
И в безнадежнейшем положении
Свое признал он поражение...
Гаван с паромщиком расстался.
Старик в обиде не остался,
Взамен волшебного копьё
Забрав у рыцаря коня.
Однако, рассуждая здраво,
Старик имел на это право,
Гавана одарив щитом,
Копьём снабдив... Но не о том
Сейчас поговорить охота,
А о другом!.. Как сына Лота
Надменная Оргелуза встретила
И чем на восторги его ответила...
Итак, на Гавана она взирает:
«Вас, вижу, гордость распирает.
Вы возомнили о себе,
Что вы — герой!.. Но лишь судьбе
Слепой обязаны удачей!..
Однако нрав у вас горячий,
Не то б смогли вы сплеховать,
Топав в волшебную кровать!..
Ого! Вы даже льва убили!..
Но — полно! Разве вы забыли:
Вас в замке *ваши дамы* ждут,
И нечего вам делать тут!..
Иль, как вы сами говорите,
Вы, рыцарь, все еще горите
Любовью пылкою ко мне?..»
Гаван вскричал: «Я весь в огне!
Победный меч *вы* мне вручили!
Раны мои *вы* залечили!
Меня *ваш* светлый образ спас!
И жить я не могу без вас!..»
«Ну, что ж! Тогда поскачем вместе
Во имя Доблести и Чести.
Но нелегко придется вам...
Предупредите *ваших дам!*..»
Исполнен трепета священного,
Гаван направил в замок пленного,
Который предал все огласке...
У многих увлажнились глазки.
«Надежда наша, наш оплот,
Пусть радость господь тебе ниспошлет,
Пусть, нашему внимая плачу,
Бог ниспошлет тебе удачу!
Рыдать мы будем целыми днями
Из-за того, что расстался ты с нами!..»
...Сказала мудрая Арнива:
«Вот роза-то на вид красива,
Да больно колются шипы!
Ах, со спасительной тропы
Сошел наш друг, с дороги сбился.
И в сердце шип ему вонзился,
Хоть роза радует глаза.
О, да минует его гроза!..»
В волшебном замке, в дивном зале,
Навзрыд четырёхста дев рыдали,
И этот плач не унимался...

...Меж тем герой за славой гнался...
С любимой встретившись, Гаван
Забыл про боль телесных ран.
Отныне дух его и разум
Поглощены ее приказом:
«Во избежание позора
Вы проберетесь в сад Клингсора,
Чтоб для меня венок сплести
И мне в подарок преподнести,
Любой — вы слышите? — ценою!
И будете любимы мною!..»
Промолвил Гаван: «Я в тот сад войду,
Все пересилю, любую беду,
Но венок на вас надену —
Высокую вы назначили цену!
Ведь за любовь и жизнь отдать!..
Знайте: до самой смерти я — *ваш!*..»
...
Но вот недалеко от сада
Они услышали шум водопада,
И хоть уже цель была близка,
Ее отделила от них река...
Оргелуза сказала: «Я буду здесь ждать...
За любовь собирались вы жизнь отдать,
Но жизни вашей мне не надо,
А, напротив, я была бы рада,
Если бы, дорогой дружок,
Вам удалось в один прыжок
Эту реку перепрыгнуть
И волшебного сада Клингсора
достигнуть
Тогда бы воистину то сбылось,
Что никому из рыцарей не удалось.
И вы бы *меня* получили в награду!..»
Они подъехали к водопаду...
...
И герой Гаван изо всех своих сил
Шпоры коню в бока вонзил,
И конь только черною гривой тряхнул —
И через реку перемахнул
Одним, как говорится, махом...
А Гаван и не соприкоснулся со
страхом...
...И все же, хоть конь казался крылатым,
Прыжок оказался коротковатым.
Коня и всадника поток
Вниз по течению поволок...
...Несчастнейшая герцогиня
(Куда подевалась ее гордыня?)
Стенает, льет слезы, ломает руки
Потому, что не выдержишь этой муки,
Когда должно взирать твое око
На то, что уносит вода потока
Кого-то по *твоей* вине...
...(Оргелуза сгорала в любовном огне...)
...
Между тем Гаван, уцепившись за ветку
(Чудеса происходят не так уж редко)
И ловко орудуя копьём,
На сушу выбрался вместе с конем...
...Вскоре, не страшась засад,
Гаван проник в заветный сад

И листьев нарвал, сплел чудесный
венок
И решил, что он в мире не одинок...
...
Он спешил к любимой. Он был
влюбленным...
Вдруг какой-то рыцарь в плаще зеленом
Появился невдалеке
В дивной шляпе и с ястребом на руке...
Рыцарь был без оружия, без снаряженья.
Но, однако, не скрыл своего
раздраженья.
На поклон Гавана отвесив поклон,
С добрым утром пришельца приветил
он
И спросил хоть и грозно, но не лукаво:
«Где, скажите, вы взяли такое право
Здесь ломать деревья, венки плести?!
Я не в силах этого перенести...
Оргелуза, конечно, вас подослала...
Сколько рыцарей гибнет, а ей — все
мало!..
Но не бойтесь, дорогой господин,
Я ни с кем не сражаюсь *один на один*,
А люблю рисковать головою:
Я — один, а противников — *двое*.
Иногда я, один, вызываю *троих*
И пока что всегда побиваю их!..»
...Пробежал по спине Гавана холод...
Говоривший с ним не был ни стар, ни
молод,
Королевской осанкою поражал...
Гаван его слушал, не возражал,
Он и сам поединок считал здесь
ненужным:
Незнакомец-то был *безоружным!*..
Но Гаван был уверен, что час придет —
И поединок меж ними произойдет!..
Затем незнакомец сказал Гавану:
«Лишь с одним я драться стану
Один на один, лицом к лицу,
Чей отец моему дорогому отцу
Нанес однажды смертельную рану...
Я отметить обязан Гавану!..
Может быть, вы слышали о том,
Что Гаван у Артура за Круглым столом
Средь любимцев его пребывает!
В жажде мщенья душа моя изнывает!
Я — король *Грамофланц!*.. Обет мною
дан
Отмстить за отца!..¹⁴³» И отважный Гаван.
Отвечает такими словами:
«Отпрыск Лота, Гаван перед вами!..
Я готов хоть сейчас поединок начать,
До конца за отца моего отвечать,
С безоружным лишь драться не стану!..
...«О, неужто я вижу Гавана?! —
Грамофланц с удивлением произнес. —
Ты мне боль причинил и усладу
принес...
Поединок с тобою начни я —
И отвергнет меня Итония!..
Обещай перед тем, как сраженья начать,

Итонию, сестру твою, в жены отдать
Мне, кто любит ее больше жизни
самой!..
«...Так жестоко, так злобно шутить надо
мною
Вам, король Грамофланц, не пристало:
Итония бесследно пропала!..
Много лет не могу отыскать ее след,
И надежды на это, мне кажется, нет,
И откроется правда не скоро!..
«...В заколдованном замке Клингсора
Итония любимая мною живет!..
Да! Она меня любит! Она меня ждет!..
Знай же: господу было угодно —
Итония отныне свободна!
Говорят, что умер волшебник
Клингсор!..
Неужели все эти слухи — вздор?!»
Гаван спешит с ответом:
«Я был сегодня в замке этом,
Переходил из зала в зал
И только не подозревал,
Любви отравлен ядом,
Что Итония — рядом!..
«Как? Ты в волшебном замке был?!
Так это ты освободил
Четыреста дев из Клингсорова плена?!
Да будет имя твое священно! —
Воскликнул Грамофланц-король. —
Тогда еще с одной дозволю
Нижайшею просьбой к тебе обратиться:
В Клингсора замок возвратиться,
Чтоб Итонию повидать
И ей колечко передать!..
...И Гаван отвечает такими словами:
«Когда же мы сразимся с вами?
Кольцо сестре я передам,
Но кровь свою я должен вам...»
...«Во имя той, кто мне всех родней,
Мы встретимся через шестнадцать дней,
С сегодняшнего дня считая,
То воля господя святая!..
В долине, возле Иофланца¹⁴⁴
Битва Гавана и Грамофланца,
Я полагаю, соберет
Прекрасных дам, благородных господ.
Мы, как на праздник, их созовем,
Знамена мы свои взовьем.
Король Артур к нам в гости прибудет.
И спор отцов наших кровь рассудит!..
...
Вновь переправившись через поток,
Гаван Оргелузе вручил венки.
Она к ногам его припала,
Слова благодарственные шептала.
Он целовал ее в уста,
Но молвил: «Святостью щита
Помыкать не смейте!..
Хоть целый мир осмейте —
И все ж одна святыня есть:
Это — рыцарская честь.
За что же вы над ней глумитесь?..
...«Мой доблестный, любимый витязь,

Простите, грешницу, меня...
Судьбу жесточайшую кляня,
Любви я вашей недостойна.
Но выслушайте меня спокойно...
Когда-то, не изведав зла,
Я тихой скромницей была
И только всем добра желала,
То куда ненависти жало
Не тронуло груди моей...
Один из здешних королей,
Грамофланц по имени,
Лишил моей любви меня,
Убив того, кто был мною любим,
Считался женихом моим,
Дабы остатний путь земной
Прошли мы вместе: муж с женой.
И вот, когда погиб мой князь,
Торжественно я поклялась
Своей загубленной любовью
Мстить рыцарскому сословью!..
Кто бы в любви ни клялся мне,
Был обречен в могильном сне
На веки вечные забыться...
Я своего смогла добиться!..
Вы — первый, первый среди них,
Кто — слава господе! — в живых,
На радость мне, остался...
И отныне с мщеньем мой дух расстался.
...Примите же, рыцарь, мою любовь.
С вами и я воспряла вновь...
...
Но теперь я вам тайну тайн доверю.
Ужасную познав потерю,
Я долго думала: как мне быть,
Чтоб короля Грамофланца убить?..
Его я требовала крови!
И это страшное условие,
Мой столь безжалостный призыв,
Меня безумно полюбив,
Король Анфортас принял некий...
Об этом бедном человеке
Я вспоминаю иногда:
Из-за меня — его беда...
...
Без мщенья жизнь мне сделалась
постыла.
С Клингсором в заговор я вступила,
Чтобы добиться торжества
Хотя бы с помощью колдовства...
Все было зря. Все было тщетно...
Летело время незаметно,
И я, исполненная зла,
Все лишь отмщением жила...
И никого я не любила,
Влюбленных рыцарей губила...
Ах, кто сюда бы ни попал,
Любовью страстной ко мне пылал
И сразу после объясненья
Уж мог не надеяться на спасенье!..
И, помню, только одного,
Кто не сказал мне ничего,
Полюбила я когда-то...
Он, видимо, спешил куда-то,

О чем-то думал все и молчал,
Меня почти он не замечал...
Ходил он в ярко-красных латах...
Решив, что он — из неженатых,
Я вспыхнула любовью вдруг...
Не осуждайте меня, мой друг,
Но в том, кого я полюбила,
Была таинственная сила...
Он верных стражников моих
(Один пошел на пятерых!)
Взял в плен вот здесь, на переправе,
Хотя ничуть не рвался к славе...
Паромщику отдал он их коней...
И я полюбила еще сильней...
Наверно, никем я так не дорожила,
Но когда я все ему предложила:
И замок свой, и владенья свои,
И весь жар нерастраченной, юной
любви, —
Он молвил голосом печальным:
«Поверьте, в Пельрапере дальнем
Ждет меня королева, что мной
Навеки избрана женой.
А сам зовусь я Парцифалем.
Не вами, а святым Граалем
Всецело разум мой поглощен!..
Мой грех!.. Он будет ли мне прощен?..»
Скажите, что же это было:
Я недостойного любила,
И вы разлюбите меня,
Безумие мое кляня?!»
...Гаван ответил: «Не казнитесь!
Достойнейший, честнейший витязь
Вас, благородная, привлек!..
Ах, где он? Близок ли? Далеко?
Я сам ищу его повсюду
И вас не только корить не буду,
А — в этом торжественно клянусь —
Пред вашим чувством преклонюсь!..
...Теперь скажу о Грамофланце:
На плацу, при Иофланце,
Я, в том себя надеждой льщу,
На поединке отомщу
Тому, кто принес вам столько боли!..
Через шестнадцать дней! Не доле!..»
...И к замку вместе они поскакали,
И влюбленным взором друг друга
ласкали,
И ни для нее, и ни для него,
Кроме них, в мире не было никого!..
...Но вот показались зубчатые стены,
И Гаван промолвил: «Непрременно
Должны мое вы имя скрыть
И никому не говорить,
Кто я такой, иду откуда —
Так надобно покуда...
Во имя спасенья своей сестра:
От посторонних до поры
Свое я имя скрою...
...Увидевши героя,
Кто льва волшебного одолел,
Весь замок восторженно загудел,
Все рыцаря встречали,

И крики радости звучали.
И даже воины Клингсора
Восторженного взора
Не захотели отвести
От рыцаря, кто смог спасти
Дев столь прекрасных, сколь и
невинных,
Когтей не убоявшись львиных...
Да, с незапамятных времен
Так много флагов и знамен
Над башнями не вилось...
Все пело, веселилось...
Паромщик с дочерью младой
С напитками прибыли и с едой...
То приглашению красотки
Гаван и Оргелуза к лодке
Вдвоем торжественно пошли
И там бочонок с вином нашли.
Бочонок был прозрачный —
Подарок для новобрачной!
Отказа не было в еде!..
Плыли они по синей воде,
Закусывая вкусно —
Все было преискусно!..
Плыли влюбленные вдвоем,
И о ранении своем
Гаиан и думать позабыл,
Ту обрета, кого он любил!..
Прекрасным было их возвращенье,
Отменным было угощенье,
Волшебный замок пировал:
Гаван всем свободу даровал!..
Пир приготовила на диво
Многомудрая Арнива.
И получил Гаван гонца —
Весьма проворного юнца...
...
...
Покуда в зале громыхал
Веселый, пестрый, шумный бал,
Покуда в этом зале
Рыцари с дамами танцевали,
Гаван с пергаментным листком
Из зала выбежал тайком,
Чтоб написать Артуру тайно
Послание, важное чрезвычайно.
(Он, откровенно говоря,
Учился грамоте не зря:
Не было в записке
И крохотной описки.)
«Гаван, племянник ваш и вассал, —
Он в возбуждении писал, —
Вам кланяется низко... —
Так начиналась его записка. —
И хоть не на одной войне
Я дрался в дальней стороне,
Я вас не забываю...
Сейчас я пребываю
В том самом замке, где Клингсор
Был властелином с давних нор
И где (по различным причинам)
Я стал отныне господином
С женой возлюбленной моей...

Однако через шестнадцать дней
Под знаменитым Иофланцем
Со знаменитым Грамофланцем
Мне поединок предстоит!..
О, пусть господь меня простит!..
Ввиду сего события
Жду вашего прибытия
В сопровождении двора...»
И молвил он гонцу: «Тора
В дорогу собираться!
Не так легко добраться!..
...Едва гонец успел уйти,
Его повстречала на пути
Премудрая Арнива,
Спросила торопливо,
Куда он послан и зачем,
Но мальчик оставался нем,
Не мог он секрета выдать чужого
И поэтому не проронил ни слова...
Любимым послан господином,
Спешил он к Артуровым гордым
дружинам...

XIII

А во дворце тимпанов звон
С летящими со всех сторон
Восторга возгласами смешан...
По стенам не один развешан
Дар величайших мастеров...
Великолепие ковров
Красой узоров привлекало...
Здесь все искрилось и все сверкало...
Ну, а мягчайшие сиденья —
Сидел на них бы целый день я!
А кубки, полные вина!..
...Послеобеденного сна
Час благодатный миновал...
Дам бесконечно волновал
Вопрос: в каком наряде явится
Тот, кто такую отвагой славится?..
Вот распахнулась дверь... Он входит,
Горящим взором дам обводит,
Волшебный излучая свет
(Он в золотой камзол одет)...
Подходит к Итонии прямо
(Уязвлены другие дамы),
Берет ее под локоток
И тихо отводит в уголок,
Молвит ей: «Вы так невинны!
Неужто же в груди мужчины
Успели вы любовь разжечь
И тем его не уберечь?»
...Она хитровато сказала: «Что вы?!

Досель с мужчинами ни слова
Я даже не произнесла.
Сама судьба меня спасла
От с ними всякого общенья.
И, признаюсь, не без смущенья
Я с вами — первым — говорю...»
Гаван кивнул: «Благодарю... —
И молвил: — Значит, вам неведом,
Кто благодаря своим победам

Любовь и славу завоевал?!
 Он *ваше сердце миновал?*...»
 Итония отвечает:
 «Вопрос ваш, стало быть, означает —
 Люблю иль не люблю я вас, —
 Пока что рыцарей у нас
 Вам не встречали равных,
 Столь молодых и славных...»
 «А вы знакомы с Грамофланцем?»
 ...Лицо ее вспыхнуло румянцем,
 Затем покрылось все белизной...
 Гаван сказал: «Прошу, со мной
 Говорите откровенно...
 Нас не услышат даже стены... —
 И он ей посмотрел в лицо. —
 Я вам привез от него кольцо!..»
 ...При виде этого подарка
 Ей стало холодно и жарко,
 Шепчет она, как бы в огне:
 «То я — ему, а то он — мне
 Колечко это посылаем...
 Любовью друг к другу мы пылаем
 И — вам известен ли наш секрет? —
 Друг другу нашу любовь и привет
 Передаем с колечком этим...»
 (Гаван не гневался, заметим...)
 «О господин, — сказала дева, —
 Я не заслуживаю гнева...
 И все же виновна я в одном —
 В греховных мыслях... Только сном
 Все это было... Снилось мне,
 Что в заповедной тишине
 По дивной воле *высших* сил
 Он получил то, что просил
 И что, любя его без предела,
 Я только ему отдать хотела...
 И стали мы неразлучны отныне...
 А Оргелузу-герцогиню
 Я ненавижу всей душой.
 Грех совершила я большой...
 Вы, появившись в этом зале,
 Всем облобызаться с ней приказали...
 Так, исполняя ваш приказ,
 Я согрешила в первый раз —
 Сколь мерзок поцелуй иудин!
 (О, ваш приказ был безрассуден.)
 Сей поцелуй мне губы жжет,
 И все во мне бесстыдно лжет:
 Лжет рот, лгут губы, лжет все тело!..
 Так слушайте! Поправьте дело!
 Готова к вашим припасть стопам,
 О доблестный рыцарь! Служите *нам!*
 Ваш ум столь гибок, дух столь отважен!
 Ваш каждый совет нам будет важен!..»
 ...Зачем не молвил наш герой:
 «Узнайте же! Мы — брат с сестрой!»?
 Скрывая это так упорно,
 Виновен мой Гаван бесспорно.
 За многое его ценю,
 А здесь — прощенья нет! Виню!..
 . . . . .
 Но вот и пир!.. Что снег белы,
 Покрыли скатерти столы,

Они у левой стены стояли
 Для дам, находившихся в этом зале
 (Поскольку так повелел Гаван)...
 Вот Лишуа... За ним — Флоран
 В волшебном зале появился...
 (Так Гаван распорядился.)
 ...Вдоль правой стены сидели чинно
 За длинным столом одни мужчины,
 А слуги вносили за блюдом блюдо,
 И все это было похоже на чудо...
 . . . . .
 Уж к вечеру начал клониться день,
 Уже на замок пала тень,
 Уже завели в темном небе танцы
 Ясные звезды — ночей посланцы,
 Уже — едва настала тьма —
 Гостеприимные дома
 Всё — от дверей и до объятий —
 Раскрыли для прибывших ратей...
 ...Уже вносили свечи в зал —
 Темный вечер наступал,
 И все ж вносили их напрасно!
 Бессильна тьма и безопасна,
 Поскольку Оргелузы лик,
 Сияя, в сумраке возник
 И дивных глаз ее сиянье
 Тьму сокрушило до основания...
 И это правда: свет очей
 Могущественней тьмы ночей!..
 ...Все было так на самом деле.
 И у гостей глаза горели
 Желаньем, страстью молодой.
 Я думаю, что не водой
 Такое гасят пламя,
 Изведенное всеми нами...
 . . . . .
 И наш герой Гаван *пылал* —
 Горящий взгляд ей *посылал*...
 . . . . .
 Да, пламя глаз и жар речей
 Порой заменят нам свет свечей.
 Их свет воистину *не нужен!*
 ...Но вот уже закончен ужин,
 Достойный всяческой хвалы,
 И вот уже убраны столы,
 И герой Гаван, не без улыбки,
 Дал знак... И заиграли скрипки
 Необычайнейший мотив,
 В котором — жизнь, любовь, порыв!..
 О, этот сладостный, огненный танец
 На лицах зажигал румянец,
 В сердцах надежду возбуждал,
 Слова высокие рождал...
 О, музыки волшебной звуки!
 Жаркие в пожатях руки!
 О, ночь любви! О, сердца трепет!
 Робких уст невнятный лепет —
 Клятвы в страсти неземной!..
 (Все это было и со мной!..
 . . . . .
 Но что Гаван?.. А он прижался
 К своей любимой... Приблизился
 Тот незабвенный, заветный час,

Который бывал у всех у нас,
 Когда рука сжимает руку
 И счастье вызывает муку
 В огне высокого порыва...
 ...Тут многомудрая Арнива
 Сказала: «Господин Гаван,
 Вы не оправились от ран!..
 Вам отдохнуть пора в постели
 И до утра прервать веселье.
 Еще, мой рыцарь, вы больны
 И крепко выспаться должны.
 Возможно, милая герцогиня,
 Исполненная благостыни,
 Сиделкой, не смыкая глаз,
 Ночь скоротает подле вас?..
 Так что ж молчите вы? Спросите?
 А коль откажет, попросите
 Об этом... ну, хотя бы меня —
 Ваш сон постережь до начала дня...»
 ...«О, не тревожьтесь, королева, —
 С улыбкою сказала дева, —
 Уж позабочусь я о том,
 Чтоб сон его был добрым сном...
 И после моего ухода,
 Еще до моего ухода,
 Надеюсь, будет он здоров!..
 Желаем вам приятных снов!..»
 . . . . .
 И в комнате дворцовой, дальней,
 Которая им стала спальней,
 Покрывалами белели
 Две удивительные постели...
 Арнива, перед тем как выйти,
 Еще раз сказала: «Помогите
 Больному, чтобы здоров он стал
 И сладко эту ночь проспал.
 И помните, что пламя —
 Под этими бинтами,
 Которыми перевязаны
 Раны, что мазью целебной смазаны...»
 . . . . .
 Она ушла, закрывши дверь.
 И, к сожалению, теперь
 Повествование прерываю,
 Хоть искренне подозреваю,
 Сколь интересно вам узнать
 О том, что непристойно знать!..
 Нет, мы достоинства своего не уроним
 И не расскажем посторонним
 Подробности того, что было,
 Когда влюбленных ночь соединила...
 Я ничего не расскажу,
 Страшась обидеть госпожу,
 Открою лишь, что благоворен
 Был истинно целебный корень,
 Который все недуги снял...
 (Кто этот корень принимал,
 Сам по себе наверно знает:
 Сие лекарство помогает!
 Умей лишь пользоваться им!..)
 ...Итак, скорее поспешим
 С героем нашим утро встретить,
 Но предварительно заметить

Считаю здесь необходимым:
Ночные бдения с любимым
(Хоть тысячу ночей подряд!..)
Ничуть здоровью не вредят!
.....
Так безо всяких забот пролетели
Две распрекраснейшие недели.
Шла ночь за ночью, шел день за днем,
Мешаясь в празднике *одном*.
Конца нет играм да гуляньям!..
Но вот однажды, утром ранним,
Когда, влекомые покоем,
Все разбрелись по своим покоям,
Сидели в нише у окна,
В которое была видна
Река в подножии обрыва, —
Гаван сидели и Арнива,
И рыцарь королеву-мать
С почтеньем просит рассказать,
Как замок сей Клингсор построил,
И как он *это все подстроил*,
И главное, — о том и речь! —
Как смог он стольких дев завлечь,
Не дав им выбраться отсюда?
Как совершил он все это чудо?..
Арнива, хоть и была седой,
Дух сохранила весьма молодой
И непосредственность девичью,
Что не пошло во вред величью...
Она промолвила в ответ:
«Ну, чуда тут большого нет
В сравнении с чудесами теми,
Что происходят в наше время,
И что свершал Клингсор не раз,
Как у других, так и у нас...
Во многих землях он известен...
Конечно, твой вопрос уместен:
Как он нас всех завлек сюда?..
Но такое случается иногда:
И сманивают, и уводят,
И до безумия доводят,
И держат хуже чем в плену
Даже законную жену!
Любовь порой приносит горе...
Но расскажу тебе о Клингсоре...
В самом Неаполе рожден,
В Терра де Лабур¹⁴⁵ он сел на трон...
Он — отпрыск вполне знаменитых
фамилий.
Дед его — неаполитанец *Вергилий*¹⁴⁶ —
Чуть ли не с детства волшебником
слыл,
Да, он великим кудесником был...
Клингсор же в Капуе¹⁴⁷ был князем
Благодаря своим тайным связям...
Но князя юного манила
Не власть, не рыцарская сила,
А лишь объятья баб дурных...
Он сутки проводил у них...
За кем он только не волочился?
У него рассудок помрачился!..
Когда бы видел ты его!
Хотел он только *одного*,

Считая это высшим благом!
И ради *этого* стал магом,
Чтоб не было ни разу
Его домогательствам отказа...
Гнев всех мужей Клингсор навлек...
Но тут содержится намек
На некое его *отличие*.
Однако требует приличье
Нам этот обойти предмет...
А впрочем, почему бы нет?..
Я расскажу тебе все, что знаю...
В Персиде,¹⁴⁸ я припоминаю,
Нет, нет, не в Персиде, а в Калот-
Эмболот¹⁴⁹
Один король принес ему много хлопот.
Клингсор спал с его женой!
И король, явившись в час ночной,
Застал любовников в постели.
Те и подняться не успели,
Как сталь сверкнула и — долой
То, чем любовник удалой
Пред женщинами похвалялся!..
С тех пор Клингсор скопцом остался
И сделался безмерно зол!
О, сколько он понаделал зол!
Лишь злом душа его дышала,
Все доброе ему мешало.
Став непригодным для любви,
Он, с жадной мщеньем в крови,
Употребил свое искусство
На убиенье в людях чувства,
И в заточенье держит он
Тех, кто любим и кто влюблен.
И в этом для него едины
Как женщины, так и мужчины.
Средь наших бедных полонянок
Язычиц ты и христианок
Одновременно встретить мог...
Да, всех он запер на замок,
И мы надеемся отныне
Сказать «навек прощай!» чужбине
И разбежаться по домам...
Отчизна греет сердце нам,
А на чужбине сердце стынет...
Тот, кто родину покинет,
Найти обратный должен путь!..
Прекрасна *возвращенья* суть!..
О, тот, кто землею и звездами правит,
Пусть нас, идущих домой, не оставит!..
Любимую дочь рождает мать,
Дабы дочери матери матерью стать.
Льды происходят от воды,
И опять водой становятся льды.
Была я в радости возвращена
И к радости буду возвращена.
Так плод всегда порождает плод,
К брегам отрады ладья плывет,
И кто понимает мой намек
От берега блаженного недалек...
.....
Давно когда-то выпал мне
Счастливейший жребий... В моей стране
С дочерью моею вместе

Была я большой удостоена чести,
Любви и верности благородной...
Была королевою я народной:
Ко всем справедлива, со всеми добра,
Любому страждущему — сестра...
Одною мыслью теперь я живу,
Добраться до дому наяву,
Навек распрощавшись с чужбиной
постылой.,
Лев побежден твоею силой,
Волшебная усмирена кровать,
Тебя по праву называть
Мы можем нашим господином...
Так возвратиться домой разреши нам,
Выпусти на волю нас!..
Ответствуй, близок ли этот час,
Когда вновь сына обниму,
Когда к груди своей прижму
Высокородного Артура?..»
И, как повествует Аventura,
Великое свершилось диво:
Сын благороднейшей Арнивы,
Король Артур издалика
В Шатель Марвей свои войска
Вел, получив письмо Гавана...
Мой господин Гаван нежданно
Увидел множество флажков —
Цвета Артуровых полков.
Под солнцем весело блистали
Кольчуги и мечи из стали.
Три каждом рыцаре лихом
Скакала прекрасная дама верхом,
И вскоре, в шахматном порядке,
Были расставлены палатки
И королевские шатры,
А также зажжены костры
И флаги подняты высоко
На левом берегу потока...
.....
Гавана радость распирала:
Нет, куртуазия не умирала!
И верность рыцарству жила,
Как бы порой ни тяжела
Бывала рыцарская доля...
...Итак, посередине поля,
На левом берегу реки,
Артуровы расположились полки:
В долину Иофланца
Пришли войска бретанца...
...Тут дорогой господин мой Гаван,
Хоть в гости он пока не зван,
Решает распорядиться
Четырем приближенным своим
разрядиться.
Обдумав хорошенько,
Он маршала, затем мундшенка,¹⁵⁰
Конюшего и камергера берет
И устремляется вперед!..
...С великим множеством даров
Он близ Артуровых шатров
Велит остановиться,
А маршалу велит явиться
К королю Артуру самому,

С почтением доложив ему,
 Что здесь — пусть не тревожится —
 Гавана лагерь расположится...
 . . . . .
 Рано утром, лишь проснулись,
 Артур увидел: потянулись
 Гости дражайшие к нему
 (Теперь-то знал он, что к чему).
 О, как они отважны, право!
 Им не опасна переправа...
 Но отчего так много там
 Воистину прекрасных дам?!
 Неужто в замке их так много?
 Поясните, ради бога!..
 ...Присматриваясь к каждой даме,
 Сравнить их с яркими цветами
 В зеленом поле я готов...
 Но всех прекраснее цветов,
 Поверьте, эти дамы были,
 Которых из замка освободили...
 Так, вырвавшись из злой неволи,
 Они заполнили поле,
 Всемерно радуя наш взор,
 Былой беде наперекор!..
 . . . . .
 Артур с племянником сошелся.
 «Гаван! Ты наконец нашелся!
 Мой дорогой племянник жив,
 Льва-людоеда победил!..
 Но кто, ответь мне, эти
 Прелестнейшие божьи дети?
 И кто, скажи, я знать желаю,
 Та королева пожилая?..»
 . . . . .
 «Кто эта дама, ты хочешь знать?
 Узнай: твоя родная мать,
 Мудрейшая королева Арнива.
 А это — дочь ее Сангива:
 Она мне — мать, тебе — сестра.
 Пришла желанных встреч пора!
 Вновь обрели мы матерей,
 Которые к нам всех добрей,
 Которые, хоть в плен попали,
 Все ж не погибли и не пропали.
 Так что ж на свете превосходней
 Безграничной милости господней?!
 А вот выходит из шатра
 Моя любимая сестра,
 Твоя племянница — Итония!..»
 ...Тут слезы полились сплошные:
 Артур сам плакал, как дитя,
 Мать, сестру и племянницу обретя!
 Кто хотел бы познать хоть отчасти,
 Что значит *Истинное Счастье*,
 Того я должен был вовлечь
 В сей Праздник Долгожданных Встреч,
 Позвать на этот Пир Свиданий
 После тревог, разлук, скитаний:
 Словами ведь не передашь
 Миг Обретения Пропаж!..
 Пусть вам поможет воображенье
 Увидеть счастья выраженье
 На этих лицах, мне дорогих, —

Искренне я обожаю их!..
 ...Король Артур сквозь плач и смех
 Спросил: «Но кто ж красивей всех
 В кругу твоих красавиц?
 Ответь-ка мне, красавец!
 Давно бы мне узнать пора...»
 «*Оргелуза де Логруа!*
 Она воистину прекрасна!» —
 Гаван ответил громогласно,
 И кликами со всех сторон
 Был в тот же миг поддержан он...
 . . . . .
 Так не смолкал веселья хор...
 А Гаван вернулся в свой шатер,
 Чтоб снаряжение примерить.
 Сначала он хотел проверить,
 Раны ли не заболят
 Под тяжестью железных лат.
 Надел он панцирь и забрало,
 Тут ретивое в нем взыграло!
 Эх, снова меч бы в руки взять,
 Эх, вновь себя бы показать
 Пред дамами и господами,
 Как он служить умеет Даме,
 Готовый всех врагов смести!..
 ...Коня велит он привести,
 В седло одним садится махом
 И — прочь!.. (С волнением и страхом
 Я говорю про сей отъезд
 Из этих, нам известных мест...)
 . . . . .
 Он скачет полем, скачет лесом,
 Несомый верным Грингульесом,
 Которого обрел он вновь...
 Вдруг в нем остановилась кровь.
 Он видит рыцаря пред собою
 Над рекой полноводною, голубою.
 Был несравненный рыцарь тот
 Отваги рыцарской оплот,
 Всех рыцарских доблестей воплощенье.
 Он только чувства восхищенья
 Своею верностью вызывал.
 Он долга рыцарского не забывал.
 В нем порывы священные не стихали.
 Вы, безусловно, о нем слышали
 И, безусловно, узнаете дальше
 Об этом сердце, не знающем фальши.
 И, воздав восхищение рыцарю оному,
 Наш рассказ возвращается к руслу
 искомному...

XIV

Коль правда, что, рискнув собой,
 Гаван начать решится бой,
 То я, признаться, очень
 Его судьбою буду озабочен.
 Еще ни разу, никогда
 Так не грозила ему беда,
 Урон достоинству и чести...
 Нет, на его оказаться месте
 Не пожелаю и врагу!..

Но не отметить не могу,
 Что и противнику Гавана
 Завидовать пока что рано.
 Меня, однако, не страшит
 Его судьба... Он сокрушит,
 В сраженье равный рати целой,
 Кого угодно дланью смелой.
 Он войску равен был один!..
 На нем, краснее, чем рубин,
 Доспехи алые сияли,
 Из дальней вывезены дали,
 Наверно, из заморских стран...
 От многих смертоносных ран
 Или от гибели возможной
 Щит охранял его надежный,
 На коем не сочтете дыр...
 Пто явной видимости, мир
 Давно был рыцарю неведом
 На тягостном пути к победам,
 Которыми себя он тешил...
 И вдруг мой герой Гаван опешил,
 Узрев на шлеме чужестранца
 Цветущую ветку Грамофланца...
 И понял рыцарь потрясенный,
 Что это — собственной персоной
 Король Грамофланц возник пред ним,
 Жаждой сражения одержим...
 Как быть?.. Увы, придется драться,
 Хоть битвою полюбоваться
 Не сможет дама ни одна
 С балкона или из окна,
 Что сожаления достойно...
 Турниры, схватки, даже войны
 Привыкли дамы наблюдать.¹⁵¹
 Обычай надо соблюдать!..
 А эти, коих рок заставил
 Сойтись, не нарушали правил
 Военных игр, избави бог!
 Здесь каждый сызмальства берег
 Святые рыцарские нравы.
 При этом, рассуждая здраво,
 Меня никто не убедит,
 Что, кто в турнире победит,
 Не понесет по меньшей мере
 Наибольшие потери...
 Велик ущерб, я бы сказал,
 А выигрыш ничтожно мал.
 И часто заслоняют беды
 Сияние самой победы...
 Слепая ненависть сильней
 Приятя, дружбы давних дней...
 ...Но слушайте! Они столкнулись!..
 Сначала кони их взметнулись,
 На землю сбросив седоков
 С великим множеством синяков...
 Поднявшись, принялись они снова
 Колошматить один другого,
 Орудя мечами,
 Как мужики — цепами...
 Смешались в битве той роковой
 Обломки щитов с зеленой травой...
 Давно б дерущихся разняли,
 Но в замке-то не знали,

Что между ними бой идет,
А также кто здесь бой ведет:
Все в замке сном забылись,
Пока герои бились...
Спохватятся покуда, —
Обоим будет худо!..
.....
К утру Артуровы посланцы
Явились в крепость к Грамофланпу,
И ждет он вести от послов:
Гаван-де встретиться готов,
Он-де ваш вызов принимает,
О чем-де и напоминает...
...В ту пору Грамофланца рать
Большое пространство смогла занять
Меж крепостью и морем,
Что было выгодно, не спорим...
...Тестро у короля во стане!
Здесь рыцари, и горожане,
И лучники, и конники,
И дамы, и их поклонники...
Особенно много — прекрасных жен!
Король ими прямо-таки окружен
Как бы живым забором...
Меж тем все одержимы сбором
В поход, туда, под Иофланц,
Где достославный Грамофланц
Гавана встретить хочет:
Мечи дружина точит...
...Итак, велит он собираться,
Лежа на пальмовом матраце
В своем роскошнейшем шатре,
Трохладном при такой жаре...
Над ним всё дамы колдовали,
На него набедренники надевали,
И наколенники, и наплечники,
Чтоб стрел и копий наконечники
Пронзить монарха не могли...
И тут как раз послы вошли...
На гордеца взглянувши хмуро,
Рек старший: «Короля Артура
Мы паладины и гонцы.
Идет молва во все концы
О славном нашем государе
И о его прекрасном даре
Врагов строптивых побеждать.
Вас, полагаем, убеждать
В его могуществе не стоит...
Тем более нас беспокоит,
Как вы осмелились и отчего
Племяннику его
Свой дерзкий бросить вызов.
Тем самым короля унизив?!
Пусть даже он виновен в чем,
Ваш спор не разрешить мечом, —
Напрасно только меч иступится:
Весь Круглый стол за Гавана вступится
Мы все здесь братья его и друзья!..»
...Король ответил: «Нет, нельзя
Наш спор окончить миром.
Сегодняшним турниром,
Который будет весьма кровав,

Сама судьба решит: кто прав,
Покрытый в битве правой
Презреньем или славой!..»
.....
И с ложа Грамофланц восстал.
Король доспехами блистал...
Двенадцать дев для господина
Принесли подобие балдахина,
Плат распластав над его главой
Во время скачки верховой...
Две девы, что красой сияли,
С князем рядышком скакали.
Он ласково взирал на них,
На красавиц молодых.
.....
И продолжает Аventura:
Посланцы короля Артура
Назад спешили, в лагерь свой.
Вдруг их глазам открылся бой!..
Гаван (как он сюда пробрался?!)
С каким-то паладином дрался.
Послов безмерный страх объял:
Гаван держался, но сдавал...
Знать, нелегко пришлось герою.
Противник был сильнее втрое.
И, весь в крови от свежих ран,
Был сдаться вынужден Гаван...
Послы, едва его узнали,
Его по имени назвали.
«О господин Гаван!..» И вдруг
Противник выронил из рук
Копье в тоске невероятной
И отшвырнул свой меч булатный.
И, зарыдав, воскликнул он:
«Я проклят! Я приговорен!
Счастье навек от меня отвернулось!..
(Вот ведь как дело-то обернулось!)
Средь всех грехов моих, средь всех,
Я совершил тягчайший грех!
С себя вины я не снимаю,
Хотя, конечно, понимаю —
Вновь на рассудок мой лег туман...
Так, значит, это был — Гаван?!
Я, стало быть, с Гаваном дрался?!
Мой друг Гаван! Не он мне сдался,
А я своей беде сдаюсь
И побежденным остаюсь!..»
Услышав эти зовы,
Гаван воскликнул: «Кто вы?
За что вы так добры ко мне?..
Всё происходит как во сне.
Когда б вы сначала все это сказали,
То битву бы я проиграл едва ли...
Однако знать желаю я,
Кем слава отнята моя
И у кого мне ее найти,
Коль наши скрестятся пути.
И я заклинаю вас всеми святыми:
Свое мне назовите имя!..»
«Так знай же, сородич мой дорогой,
Я — Парциф аль, и не кто другой!..»
Гаван сказал: «Поистине,

Кривыми путями пришли мы к истине
Два простодушных сердца злоба
Едва не довела до гроба.
Твоей рукой побеждены,
Мы для любви возрождены,
Для верности блаженной,
Для радости священной.
Так, выиграв со мною бой,
Победу ты одержал над собой!..»
...И тут Гаван, лишившись сил,
К небу очи закатил
И пал на землю бездыханным...
Послы склонились над Гаваном,
Который бледен был и нем...
С него тотчас же сняли шлем
И стали махать над Гаваном
Его павлиньим султаном.
От этого маханья
К нему вернулось дыханье,
А вскоре вернулась и сила...
Так Верность его воскресила!..
...Тем временем под Иофланц
Спешил с дружиной Грамофланц.
(Согласно правилу, любое
Король мог выбрать место боя,
И это было оттого,
Что вызвал он, а — не его...)
.....
Но вот уже видна поляна,
Где Грамофланц проткнет Гавана...
Вдруг — что такое?.. Под кустом
Его противник, сняв шолом,
Лежит изранен да измучен...
Ого! Да тут, видать, получен
Удар, при этом — не один!..
Ужель сей юный господин
Опередил своим турниром
Того, кто признан целым миром?!
Кто эта странная особа?!
Но те молчали оба...
...Понятен Грамофланца гнев.
Но, жженье ран преодолев,
Герой Гаван с земли поднялся.
Сражаться он не отказался.
Напротив!.. Без излишних слов
Он рек: «Извольте... Я готов...»
Но Грамофланц был недоволен:
«Гаван, ты ранен или болен,
И мне, признаться, жаль до слез,
Что раны тебе не я нанес...
И все-таки о бранной встрече
Сейчас не может быть и речи...
Со слабыми я не дерусь,
Скорее с бабами берусь
Сражаться, чем с твоим бессильем.
Победу не возьмешь насильем:
Такой победе — грош цена!..
Приятного желаю сна!
А после отдыха ночного
С тобой мы в битву вступим снова!..»
...Сей речи Парцифаль внимал.
Он не ослаб, он не устал,
Он был собою превосходен

И явно для ристанья годен.
 Когда король на него поглядел,
 Парцифаль уже снова свой шлем надел
 И рек с любезностью отменной:
 «Прошу вас не спешить с отменой
 Ристанья славного сего.
 Я вместо родича моего
 Готов под вашим ударом пасть,
 Коль того возжелает господня власть,
 Или, напротив, вашей кровью
 Отмыть Гавана от злословья!..»
 Но Грамофланц промолвил: «Нет!
 Он должен сам нести ответ!..
 Вы, по всему видать, герой,
 Но не вам предназначен этот бой!..»
 . . . . .
 Герой Парцифаль, скажу вам без лести,
 Не посрамил сословной чести,
 И рассуждали знатоки
 О доблести его руки:
 «Да, равных нет ему, пожалуй!
 А этот выпад небывалый!
 А этот натиск! А удар!
 Здесь — вне сомнений — божий дар!..»
 ...Теперь сказать необходимо,
 Как возвратились побратимы,
 Прервавши бранную игру,
 Назад, к Артурову двору.
 Героев радостно встречали,
 Им славу трижды прокричали,
 А Парцифаль был столь прелестен,
 Столь среди рыцарства известен,
 Столь обожаем и любим,
 Что все склонились перед ним.
 Все только на него глядели...
 ...Герои на себя надели
 Новые наряды,
 Чему они были крайне рады...
 ...Повсюду слух распространился:
 «А Парцифаль-то возвратился!
 Тот самый?!» — «Да неужто он?!» —
 Так слышалось со всех сторон...
 ...Гаван сказал ему: «Ответь,
 Ты не хотел бы посмотретьь
 На четырех высоких жен,
 Обладательниц корон?
 При этом все они, вчетвером,
 С тобою связаны родством...
 Однако и помимо них
 Здесь много прелестных дам других.
 Их красоту всем сердцем славлю!
 Идем же, я тебя представляю!..»
 Но отпрыск Гамурета рек:
 «Гаван, ты добрый человек
 И мне добра желаешь, зная,
 Как судьба меня всюду преследует злая.
 Но едва ли порадует женский взор
 Меня, на коего позор
 В долине Плимицоля лег...
 И чем, скажи, я их так привлек?..
 Спасибо за великодушье,
 Но, как от страшного удушья,
 Я погибаю от стыда

И перед дамой никогда
 Отныне не предстану!..»
 Вот что сказал Парцифаль Гавану.
 Тогда Гаван сказал: «И все ж
 Со мною ты к ним сейчас же пойдешь!»
 Он говорил с притворным гневом
 И привел его к четырем королевам.
 И не презренье, не наказание
 Героя ждали, а лобзання!..
 ...Оргелуза тоже не удержалась,
 А лобзая героя, сердцем прижалась
 К нему, кто так много ей принес
 И радости, и горьких слез.
 И стыд ее снедал жестокий...
 Но как ее пылали щеки!
 Как всю ее эта встреча жгла!..
 Себя она еле превозмогла...
 . . . . .
 Текла приятнейшая беседа.
 Меж тем пришла пора обеда.
 Гаван Оргелузу просит честь
 Оказать Парцифалю, с ним рядом
 сесть.
 И она отвечает: «Не желаю,
 Слишком многое пережила я.
 Он, беспощаден, строг, суров,
 Нас, женщин, высмеять готов.
 Мы для него предмет издевок.
 На то и молод он, и ловок,
 Да и могуч, как всем видать,
 Чтоб бедным женщинам страдать...
 Увы! Нет с болью в сердце сладу...
 Но, коль вам угодно, я с ним сяду,
 Боясь произнести хоть слово,
 Чтоб он меня не обидел снова!..»
 Рек Парцифаль: «Не может быть,
 Чтоб смел я даму оскорбить!..»
 . . . . .
 Едва закончился обед,
 Распространяя дивный свет,
 Артур с Гиневрой прискакали,
 Чтобы узнать о Парцифале...
 «Ну, здравствуй же, наш Рыцарь
 Красный!
 Ты путь проделал весьма опасный!
 Но, слава богу, ты жив-здоров
 И снова под наш вернулся кров!..»
 Королевскую чету,
 Излучавшую силу и доброту,
 Дамы и рыцари сопровождали
 И с восхищеньем увидали
 Героя... «Гляньте! Вот он — сам!
 В окружении самых прекрасных дам!..»
 ...Он был воистину красив!..
 ...Соизволения не спросив,
 Все лобызать героя начали,
 Чем Парцифала озадачили.
 И он Артуру говорит:
 «Король! Тягчайшей из обид,
 В бесчестье страшным обвиненьем
 (То явью было, не сновиденьем!)
 Меня — увы! — смогли заставить
 Круг рыцарей твоих оставить...»

И я ушел в далекий путь,
 Стремясь достоинство вернуть
 И честь, казалось бы, утраченную...
 Ушел, чтоб плату, мне назначенную,
 За грех мой полностью внести
 И этим честь свою спасти...
 Ах, столь огромен был залог,
 Что, полагаю, всякий мог,
 Будь на моем он месте,
 Вообще утратить остатки чести.
 Так молвите, правды не тая:
 Неужто столь порочен я,
 Столь несчастен и столь смешон,
 Что всяких достоинств судьбой лишен?
 Или мне все-таки дано
 Достоинство, хотя бы одно?!
 Несчастен я... Но тем но моему
 Приму любое ваше мнение
 Как справедливый приговор!..»
 И тут всеобщий раздался хор,
 Все заговорили разом,
 Что, видно, он утратил разум,
 Коль сам достоинств своих не зрит!..
 О нем полмира говорит,
 И он настолько славен,
 Что никто с ним в славе не равен,
 И на славе его — ни пятна, ни крапинки,
 Ни самой малой царапинки...
 И король сказал наш друг:
 «Тогда верни меня в свой круг
 Героев Круглого стола,
 Коль вновь к тебе меня привела
 По воле господа бога
 Жизненная дорога!..»
 . . . . .
 Он был, конечно, возвращен...
 И все ж, как прежде, поглощен
 Желанием сразиться
 С тем, кто Гавана сразить грозитя.
 ...И он говорит Гавану:
 «Я с Грамофланцем биться стану,
 Свое искусство применю
 И тебя, мой родич, подменно
 В поединке предстоящем,
 Смертной гибелью грозящем.
 Ведь я тоже в сад его попал
 И ветку с дерева тоже сорвал.
 Мне честь моя возвращена,
 Так пусть она будет воплощена
 В нашем святом, едином деле —
 Ради него мы кольчуги надели!..
 С Грамофланцем мы бились оба,
 Нас обоих готова казнить его злоба.
 Так не все ли равно, кто с ним вступит в бой?..
 ...Мы состоим в родстве с тобой,
 Друг другу всех родней мы в мире
 целом,
 Одним мы стали целым!..
 Я Грамофланца накажу
 И правоту твою докажу!..»
 ...Но мой Гаван ответил строго:
 «Сородичей у меня слишком много,

И, слава богу, братья есть...¹⁵²
Мне приказывает честь
Вступить в поединок самому,
Не отдавая никому
Законнейшего права
Познать позор иль славу!..»
...Ночь приближается... Густой
Земля окрашена темнотой...
Лишь кое-где огонь горел...
Свои доспехи осмотрел
Парцифаль, благородный воин:
Нет ли в шлеме где пробоин,
Кольчуга ли совсем цела,
Так, чтоб в бою не подвела,
Достаточно ли щит надежен?
Но нет! На щит и не похож он:
Весь продырявлен, весь пробит.
Такой от стрел не оградит,
А от копья — тем боле...
Пришлось ему поневоле
(Чтоб Грамофланца победить!)
Оруженосца разбудить:
«Ну, что глаза тарачишь?!
Мне новый щит притащишь!..
И — понял? — оседлав коня,
Здесь до рассвета жди меня...»
...И рыцарь спать улегся,
Покуда не зажегся
Рассветным заревом восток...
Он сил почувствовал приток.
Пред ним лежали его доспехи,
И он не сомневался в своем успехе!..
...Но Грамофланца вспомнить надо...
Терзала, грызла его досада:
Как оказался он слепым?!
За что судьба так шутит с ним?!
Став жертвою самообмана,
Как смог принять он за Гавана
Сына могущественного Гамурета?
В чем тут причина?.. Но ответа
Он должного не находил...
...Вот по шатру он походил,
Затем, лишь только день зарделся,
Разрядился, разоделся
В наряд сверкающий, стальной
(Во имя девушки одной!)
И поспешил на место схватки,
Пылая, словно в лихорадке,
Весь жаждой боя распален...
Но не Гавана видит он,
А все того же — Парцифалья,
Чьи очи местность озирали...
Могуч и грозен, весь в броне,
Сидел он на своем коне —
Величественная фигура!..
(Герой из лагеря Артура,
Надевши панцирь свой и шлем,
Ушел, не встреченный никем...)
...Итак, не проронив ни слова,
Один копьем толкнул другого,
Но знайте: о надежный щит
Ударившись, копье трещит.
И вскоре щепки полетели...

Однако мира не хотели
Дерущиеся нипочем!..
Копье сломал — рази мечом! —
Гласит одна из древних истин...
Как Грамофланцу ненавистен
Наш друг, герой наш — Парцифаль!..
Но нам не Парцифалья жаль
(Пустяк: царапины, ушибы!)...
И с Грамофланцем не смогли бы
(Какой ни есть, а все ж — король)
Сейчас его оплакать боль.
Нам жаль, — скрывать от вас не стану,
Что исковеркало поляну
Со множеством цветов, цветков
Железо рыцарских подков!
Нам внятна боль иного рода:
Войной осквернена природа!
Что значат доблесть, долг, права,
Когда потоптана трава?!
...Меж тем Гаван спешит на битву.
Он богу сотворил молитву,
Ему епископ мессу пел,
Чтоб он в сраженье преуспел,
Ему прекрасными платками,
Держа их дивными руками,
Махало столько знатных дам!..
(Жаль, правда, что я не был там...)
И вдруг донесся слух зловерный,
Что Парцифаль исчез бесследно.
Как так исчез? Не для того ж
(Гавана охватила дрожь),
Чтобы на милость свой гнев сменить
И всех враждующих примирить!..
Нет, подозренье это ложно!
Нет, это было б невозможно!
Скорей всего, он там опять
Решил за друга постоять!..
...Итак, под шум рукоплесканий,
Под звуки всхлипов и рыданий,
В доспехи яркие одет,
В сознании благих примет,
Летит Гаван на зов судьбы,
Туда, в кипение борьбы!..
...К поляне стягивались рати...
Артур, в сопровожденье знати,
За поединком наблюдал.
Сын Гамурета заседал,
А Грамофланц сопротивлялся,
Но ясно было: похвалялся
Он перед рыцарями зря,
Еще недавно говоря,
Что лишь с двумя, с тремя, не менее,
Достоин он вести сражение, —
А тут дерется он с одним
И справиться не в силах с ним.
(Один тот шестерых заменит!
Король его еще оценит...)
Где спесь, бахвальство, страсть? —
Исчезли!..
...С коней своих герои слезли,
Чтобы, вступивши в пеший бой,
Закончить спор между собой.
Их лица зноом полыхали,

Мечами руки их махали,
Менялись, в воздухе звеня,
Во время взмаха лезвия...
Одно, однако, было ясно:
Сраженье продолжать напрасно,
К нему утрачен интерес,
Поскольку явен перевес...
Оружие решило спор!..
Но вот летят во весь опор
На поле битвы с двух сторон
Пять достославнейших персон
С непокрытыми главами.
Торжественными словами
Они сейчас объявят тут,
Что порешил высокий суд...
И вот Судейского Совета
Решенье: «Отпрыск Гамурета
Победу в битве одержал!»
Нет, Грамофланц не возражал.
Он Парцифалью сдался...
Так, стало быть, ни с чем остался
Сын Лота, наш Гаван, наш друг!..
И рыцарь произносит вдруг:
«Король! Вчера, как все видали,
Вы на ночь мне передышку дали
И, отличаясь истинным благородством,
Своим не воспользовались
превосходством.
Сегодня я вам тем же самым отвечу,
На завтра перенеся нашу встречу,
Чтоб вы оправились от ран...»
Так сказал Грамофланцу Гаван...
Противник, согласившись с ним,
Тотчас отправился к своим...
И все вокруг оцепенело...
Но тут Артур вмешался в дело.
Парцифалью он сказал:
«Ты Грамофланца наказал,
Однако с помощью обмана:
Себя ты выдал за Гавана.
И — я скажу тебе в укор —
От нас ты ускользнул, как вор,
Сбежал! Иначе — не посетуй —
Битвы не было бы этой.
Ни вышло так: ты — победитель,
Гавановой славы похититель.
Но пусть Гаван не обижается,
Час новой битвы приближается!..
Гаван сказал: «Поверь, я рад,
Что названный мой брат
Победы доблестью добился.
Он честно и бесстрашно бился.
Что касается меня,
Дождаться завтрашнего дня
Только бы достало сил,
Чтоб я погиб или победил!..»
...И в лагерь кони их помчали,
Где дамы и девы их всех встречали...
...
Меж тем о доблестном Парцифале
В войсках противника узнали,
Что, мол, на всей земле герой
Такой не сыщется второй:

Славнейший среди славных,
 Ему нет в мире равных.
 . . . . .
 Король меж тем всю ночь не спал,
 Письмо возлюбленной писал,
 Чтоб Итонии своей с гонцом
 Послать послание с кольцом...
 . . . . .
 И утром, с помощью посланца,
 От доблестного Грамофланца
 Не к Артуру пришло донесенье, —
 К Итонии пришло объясненье.
 И я его на память вам
 Почти дословно передам...
 «Прими мой привет, о привета
 достойная!
 Твой образ пронес сквозь беды и войны
 я.
 Прелестная дева, речь идет о тебе —
 Моем утешенье в безутешной судьбе.
 Моя любовь сплелась с твоей
 Наподобие корней.
 Ты сердце верностью укрепила,
 Живой водой его окропила...
 Верность в тебе заключена,
 Неверности ты лишена.
 В твоей любви заложен совет,
 Как различать мне, где — мрак, а где —
 свет.
 О ты, кто мною, как жизнь, любима,
 Твоя добродетель неколебима,
 Она, Южной подобна Звезде,
 Светит мне всюду и везде...
 Наши любви не должны разлучиться,
 Чему бы в мире ни случиться!
 Всю жизнь поклоняться себе заставь
 И в трудный час меня не оставь!..
 Я знаю: тот, кого злоба точит,
 Меня разлучить с тобою хочет.
 Но ты подумай о нас двоих
 И уговоров не слушай злых.
 Моя любовь тебя не порочит,
 Она только верность твою упрочит.
 Не забудь меня, своего слугу!
 Клянусь служить тебе, как смогу!..»
 ...Итония утром, часу в восьмом,
 Пришла к Артуру с этим письмом.
 Слезы ее заливали щеки...
 Артур прочитал Грамофланца строки
 И молвил так: «Дорогая племянница,
 К тебе он, как видно, всем сердцем
 тянется.
 С тех пор как род существует людской,
 Возможно, любви не бывало такой...
 Над этим письмом ты не плачь и не
 смейся,
 А с ним в едином страданье слейся,
 Его в испытании не оставь,
 А все остальное — мне предоставь...
 Чтоб высушить эту твою слезинку,
 Я воспрепятствую поединку,
 И твой возлюбленный будет жив,
 Твое снисхождение заслужив...

И все ж одного я никак не пойму:
 Клингсор тебя заточил в тюрьму,
 А Грамофланц пребывал на воле.
 Чувство меж вами вспыхнуть могло
 ли?..
 Да ты хоть видала его когда?..»
 Дева ответила: «Никогда,
 Я с ним ни разу еще не видалась
 И вся поэтому исстрадалась.
 А чувство возникло само собой...
 Я, дядя, к вам обращаюсь с мольбой:
 Если я смею об этом просить,
 Молю Грамофланца сюда пригласить,
 И я его наконец увижу
 И, думаю, сим никого не унижу...»
 . . . . .
 О, пусть возликуют ваши сердца!
 К Артуру привели гонца,
 И чрез того молодого посланца
 Он в гости к себе пригласил
 Грамофланца.
 Как преданья говорят,
 Грамофланц был безмерно рад.
 Он был Счастлием оглушен,
 Поскольку в гости приглашен
 Был как бы к Счастию самому,
 И счастливейший жребий выпал ему!..
 С немногочисленной свитой,
 Однако достаточно именитой,
 Он тотчас же пустился в путь...
 Здесь следует упомянуть,
 Что все одеты были с толком,
 Блистая бархатом и шелком
 С отделкой темно-золотой...
 Король сокольников с собой
 На всякий случай прихватил.
 Казалось, Грамофланц спешил
 На соколиную охоту
 (Хоть он испытывал охоту
 Совсем не к ловле соколов, —
 Король был все отдать готов,
 Одним желанием томимый —
 Скорее встретиться с любимой)...
 ...Меж тем скакал ему навстречу
 (Зачем скакал, я вам отвечу)
 Со свитою король Артур.
 С ним был юный Беакур,
 Глазами, локонами, нежной кожей
 С Итонией, сестрой своей, схожий.
 . . . . .
 Скакали лесом и полями.
 И наконец меж королями
 Встреча желанная происходит!..
 Всех красотою превосходит,
 Конечно, юный Беакур.
 (Все верно рассчитал Артур...)
 Грамофланц спросил кого-то:
 «Кто этот юноша?» — «Сын Лота!
 Юный рыцарь Беакур...
 Как он красив, как белокур!..»
 ...И Грамофланц, услышав это,
 Смекнул: «Так вот они, приметъ,

По коим я его сестру,
 Узнаю, если не умру!..
 Из-за нее сюда я прибыл
 На радость или же на погибель!..
 И он с волнением руку сжал
 Тому, чью сестру он обожал...
 . . . . .
 Итак, примчались в лагерь... Там
 Артур собрал сто прекраснейших дам,
 Сто вернейших подруг, сто чистейших
 сестер,
 Пригласив их в самый большой шатер...
 И Грамофланц, входя, притих:
 Ведь его Итония была среди них!..
 Вошла Гиневра дорогая,
 Гостям и рыцарям предлагая
 Сердечно их облобызывать,
 Чтоб им приятье свое доказать...
 ...Но собрались здесь не на танцы!
 Артур промолвил Грамофланцу:
 «Прошу, оглянитесь по сторонам,
 Поскольку стало известно нам,
 Что вы одну особу ждете...
 И если вы ее найдете,
 Узнаете, кто здесь — она,
 Возможность будет вам дана
 С ней тотчас же облобызаться!..
 ...Тут я хотел бы вам признаться:
 Король еще по письмам знал,
 Как выглядит его Идеал,
 Затем он видел Беакура,
 Которого сама госпожа Натура
 Сделала с Итонией схожим,
 И, как мы догадаться можем,
 Узнал он деву без труда,
 Чтоб стать ее супругом навсегда...
 Но жар их первого лобзанья
 Хранят и песни и сказанья...
 ...И сразу грянуло веселье!
 Гости радостно шумели,
 И, как у нас заведено,
 Уже рекой текло вино...
 Звенят бокалы... Гости пьяны...
 ...Меж тем Артур к шатру Гавана
 Торопит своего коня...
 «Племянник, выслушай меня!
 И ты послушай, Оргелуза...
 Вражда — тяжелая обуза.
 Ее должны мы сбросить с плеч,
 Дабы не дать себя вовлечь
 В какие-либо злключения...
 Восславим мира заключение
 Меж Грамофланцем и тобой,
 И незачем Гавану в бой
 Вступать, еще не отдышавшись!..
 ...На уговоры его поддавшись,
 Оргелуза гнев на милость сменила
 И своего Гавана к миру склонила...
 . . . . .
 В предвкушении брачного пира,
 Отказался и Грамофланц от турнира,
 А Итония, говорят,

Воскликнула: «Гаван — мой брат,
А Грамофланп мне станет мужем!
И не враждуем мы, а дружим!..»
...Так, своих не жалея сил,
Король Артур всех примирил,
Чего доселе не бывало—
Кругом любовь торжествовала
Над ненавистью и враждой,
Так же как счастье — над бедой!..
Сей мир ничем не омрачился...
Итак, Грамофланц с Итонией своей
обручился,
И свадьба сыграна была...
Герои Круглого стола,
А также воины Клингсора
Отвести не в силах были взора
От этой пары молодой...
Гиневра всех потчевала едой
И удивительными винами.
Затем они рядами чинными
Все разошлись по своим шатрам.
А что происходило там,
Мы так и не узнали...
...Поговорим-ка о Парцифале.
Все это пиршество ему
Сегодня было ни к чему:
Герой непобедимый,
Он думал о любимой,
О ласковой своей жене,
Скучавшей в дальней стороне...
Что значит — «благочестивый»? —
Во имя блага верный!
Великой Верностью он был
Связан с той, кого любил
Горячо, сердечно,
Преданно, навечно.
Тоскою сердце истерзать
Он мог скорее, чем связать
Себя в час беззаботный
Любовью мимолетной
С одной из дам или из дев...
Нет! Столько мук преодолев,
Одной Кондвирамур он верен,
С другими знаться не намерен...
...И рассуждал он про себя:
«Рожден в любви, я жил, любя,
Любви бы на весь мир хватило...
Но чем Любовь мне отплатила?
Одной любовью поглощен,
Люблю, любви своей лишен...
И что мне ратные успехи?..»
(Он глянул на свои доспехи,
Которые лежали рядом,
Внимательным и грустным взглядом...)
«Святой Грааль стремясь найти,
Я должен был от нее уйти,
Уйти, во имя долга!
Все это слишком долго!..
Мой взор тоскует по ясноликой,
Мучусь мукою великой,
Рвусь к возлюбленной жене,
Все радости недоступны мне!..
Если бы дух мой колебался,

Я бы, наверно, другим улыбался,
Но Кондвирамур, мою Верность храня,
Неверность похитила у меня,
И, неспособный на прегрешенья,
Я все равно не найду утешенья!..
Господь лишил меня улады,
Я обречен, не зная пощады,
Цепи скорби своей влачить...
Скорбящего сердца не излечить!..
И я, который безмерно страдаю,
Сей края отрады покидаю!..»
И тут же сразу без услуг
Оруженосцев иди слуг
Герой в доспехи облачился,
Взял меч, копье и в путь пустился,
Сам оседлав своего коня...
...Брезжил рассвет — начало дня...

XV

Пусть тот, кого нетерпенье мучит,
К терпению себя приучит,
Пусть тот, кто спрашивать страшится:
«Чем же все это завершится?» —
Узнает, что уж близок час,
Когда закончу свой рассказ
Великой благодати явленьем:
Анфортасовым исцеленьем!
...
Пока же вас перенесу
В то место, где в глухом лесу
Герой наш — лгать не буду —
Впрямь приобщился к чуду.
Навстречу мавр скакал один,
Годами юный господин,
На вид молодцеватый
И сказочно богатый.
Как описать, что он носил?..
Я, нищий, не найду ни сил,
Ни должного умения,
Чтоб описать камня,
Горевшие на нем
Ослепительным огнем.
Всю жизнь проживши нищим,
Пред этим золотищем
Я откровенно трепещу...
И равного не отыщу
Ни в том, ни в этом стане,
Ни в Англии, ни в Бретани...
Он, видимо, Любви служил.
Он от рожденья ею жил.
Все эти украшения —
Любовниц подношенья...
К тому ж еще, страшней грозят,
Он на турнирах брал призы,
Другим не уступая
(Разумно поступая)...
...Да, молодец был недурен,
К тому ж рассудком одарен, —
Не выиграть сраженья
Без соображенья!..
...Невдалеке шумел прибой.
Мавр корабли привел с собой,

Ну, а на каждом — кстати —
По мавританской рати.
Число не трудно сосчитать:
Всего их было двадцать пять,
Тех кораблей, груженных
Многими сотнями вооруженных.
Заметить надобно: войска
Не понимали языка
Чьего-либо другого,
Кроме своего родного.
Прибывши из одной земли,
Они друг с другом не могли
Словами объясниться.
(Все скоро объяснится...)
Да, хоть земля у них одна,
Различны были племена,
Пришлось разноплеменным
Служить одним знаменам.
Он был королем единым
Всем маврам и всем сарацинам...
...Он был и молод, и удал,
И, скажем правду, обладал
Диковинным оружием
(Мы это обнаружим)...
...Итак, сошедши с корабля,
Король увидел короля.
Поскольку короли они,
Пусть спорят меж собой одни:
Мы столь великим людям
Ни в чем мешать не будем!..
...Из них был каждый, страх презрев,
Душою — агнец, сердцем — лев.
...Зачем судьба была столь зла
И этих королей свела,
Свела причем случайно:
Земля ведь так бескрайна?!
...Но я за Парцифала спокоен.
Мало того, что он истинный воин,
Вовек живет в его крови
Верность Граалю и Любви...
...Их силе воздавая дань, я
Страшусь: не хватит дарованья,
Отпущенного мне судьбой,
Чтоб описать этот дивный бой
Весомо, точными словами
(Заранее каюсь перед вами).
Но так скажу: вначале
Их лица засияли
В порыве увлеченья
Подобием свеченья.
Но сердце на двоих одно
Им было господом дано:
Каждый, по воле духа святого,
Носил в груди своей сердце другого.
И хоть им обоим отрадно было,
Сердце у них болело, ныло:
Отважное сердце бойцовское,
Единое сердце отцовское...
...Итак, хоть корень их един,
Язычник и христианин
Столкнулись меж собою...
Не мне им быть судьей.
Я сознаю: решать не мне,

На чьей победа стороне.
 Я лишь желаю, чтобы
 В живых остались оба...
 Однако бой уже идет...
 Кто первым на землю падет,
 С коня кто первым свалится?
 (О, сколь душа печалится!)
 Но я немало удивлен:
 Безмерно был толчок силен,
 Но оба в самом деле
 В седлах усидели...
 И вновь они столкнулись...
 Их копья не согнулись...
 Язычник впал в великий гнев,
 В седле противника узрев,
 Что было непривычно:
 Своих соперников обычно
 Разил он с первого удара,
 Исполнен огненного жара...
 И так же были горячи
 Их раскаленные мечи,
 Которыми они махали —
 И ярость, страсть в них не стихали...
 Копи сильно утомились,
 От жара их бока дымилась,
 Но, распалаясь все сильней,
 Сошли противники с коней
 И битву продолжали стоя,
 Дыша священным жаром боя...
 Крещеный явно уступал
 Язычнику... Тот наступал,
 Клич выклика: «Табронит!» —
 И этот клич его звенит,
 И перед каждым взмахом новым
 Бодрит себя он этим зовом.
 Так, восклицая: «Табронит!» —
 Он супротивника теснит!..
 Но не сдавался и крещеный.
 Взгляд к Тельраперу обращенный,
 Был чист и светел, как хрусталь.
 И перед ним сиял Грааль...
 ...Мавр знал Любовь. Любви служенье
 Не раз вело его в сраженье,
 И так он навьк приобрел
 И всех противников борол...
 Как нам уже известно, он
 Был королевою пленен,
 Прекраснейшею Секундильей,
 И не жалел усилий,
 Чтобы награду заслужить
 Той, для кого хотел он жить...
 И Парцифаль изнемогал.
 Лишь дух геройский помогал
 Ему порой с колен подняться
 И все еще обороняться,
 Теперь уж — из последних сил...
 И он пощады не просил...
 Они сражаются... Они?!
 Нет, истине в глаза взгляни:
 Здесь в испытанье боевое,
 Казалось бы, вступили двое,
 Но двое, бывшие — одним.
 Мы их в одно соединим:

Две кровных половины,
 Два брата двуедини...
 ...Итак, язычник побеждал.
 Но Парцифаль не смерти ждал —
 Великой ждал улады...
 И тут мы вспомнить рады,
 Как Треврицент ему внушил,
 Что он пред богом согрешил
 И что одна дорога
 К спасенью — вера в бога!..
 И он постиг, что бог — везде:
 Как в отраде, так и в беде,
 И того, кто господу славит,
 Всевышний не оставит,
 И он предвкушал уладу:
 Всевышнего пощаду!
 Но с каждым криком: «Табронит!»
 (Град Секундильи, что стоит
 В предгории Кавказа¹⁵³) —
 Язычник как бы сразу
 Мощь и отвагу набирал
 И с новой силой напирал
 На христианина,
 Отважнейшего паладина,
 Кого еще никогда доселе
 Враги никакие не одолели...
 А нынче силы в нем иссякали...
 Но мечи еще все высекали
 Искры из шлемов и лат...
 О господи! Брата погубит брат!
 О господи, слыша и видя это,
 Оставь в живых дитя Гамурета!
 (Я обоих братьев имею в виду
 И для *обоих* пощады жду,
 Для язычника и для христианина,
 Ибо плоть их и кровь их едина...)
 Но о чем шла в этой битве речь?
 О том, чтоб Любовь и Верность сберечь.
 Не будь у Парцифала
 Кондвиратур и Грааль,
 Давно бы грянул приговор,
 И ни к чему б весь разговор...
 Язычник же, воин неборимый,
 Силен был Любовью неукротимой.
 Итак, Любовь — это сила одна.
 Но ему и другая была дана:
 Эта сила — его камень, —
 Укреплявшая в нем уменье
 Вести кровавый, тяжкий бой
 И совладать с самим собой...
 Но я судьбой крещеного обеспокоен:
 Изнемог, истомился бесстрашный воин.
 О, взбодрись же, достойнейший
 Парцифаль!
 Но если ни Кондвиратур, ни Грааль
 Не способны дух твой взбодрить
 отныне,
 То подумай о Кардейсе¹⁵⁴ и о
 Лоэрангине,¹⁵⁵
 О твоих двух мальчишках дорогих,
 Кондвиратур под сердцем носила их,
 Когда в поход тебя провожала...
 Не хочешь ли ты, чтоб сиротства жало

Вонзилось в милых твоих детей?
 Так выживи! Так не ослабей!..
 ...И, словно внемля чутким слухом
 Сиим словам, воспрял он духом
 И вспомнил о своей жене.
 Он вспомнил и о той войне,
 Когда у стен Тельрапера-града
 Большая досталась ему награда
 И побежден был король Клаמיד...
 ...Язычник кричал: «Табронит!
 Табронит!» -
 В свою судьбу и победу веря.
 Парцифаль же вспомнил о Тельрапере
 И воскликнул в отчаянье: «Тельрапер!»
 —
 И тут же, являя геройства пример,
 Разбил в куски щит некрещеного,
 Псыпались каменья с оного,
 Я думаю, каждый кусочек щита
 Стоил марок не меньше ста...
 Сказать, что дальше было там?..
 Меч Парцифала пополам
 О шлем язычника разбился...
 Так господь бог распорядился
 (И этим пощадил бойца):
 Меч, отнятый у мертвеца,
 Не должен приносить удачу!..
 (О Красном Итере я плачу...)
 . . . . .
 Язычник тут же встал с колен.
 Он не спешил сдаваться в плен,
 Он грозным выглядел, жестоким,
 Но духом обладал высоким...
 ...Свойство боя таково,
 Что не узнаешь: кто — кого?
 (О наших думая героях,
 Радею я о них обоих...)
 Язычник, видимо, знаком
 Был и с французским языком.
 Владея им вполне свободно,
 Он молвил: «Нет, неблагоприятно
 Своим мечом рубить сплеча
 Оставшегося без меча!..
 Отважный муж, скажи мне — кто ты?
 С тобой мне драться нет охоты.
 Меч твой сломался, а не то б
 Меня бы уложили в гроб,
 Да и тебе пришлось бы туго...
 Дадим же отдохнуть друг другу...»
 Они присели на траву,
 Подвластны кровному родству.
 И молвил некрещеный,
 Взаправду восхищенный:
 «Товерь, что равного тебе
 Отвагой, стойкостью в борьбе
 Я не встречал в былых походах...
 Да... Нам потребовался отдых...
 Иначе битвы не начать...
 Но, можешь мне не отвечать,
 Я знать твое хотел бы имя:
 Откуда ты, кого своими
 Родителями ты зовешь?..»
 «Меня превратно ты поймешь,

Коль поспешу с ответом:
Ведь ты усмотришь в этом
Мою готовность сдаться...
А я готов еще сражаться
Во имя Истинной Любви!
Себя ты первым назови!..»
И мавр ответствовал герою:
«Пусть я стыдом себя покрою,
Но честно все тебе скажу:
Я — *Фейреф иц*... Мой род в Анжу
Берет свое начало...
Владыки не бывало
Богаче и сильней, чем я...
Куда ни глянь — моя земля...
В моем владенье — страны...»
Наш друг ответил: «Странно...
Не может быть, чтоб из Анжу...
К анжуйцам я принадлежу...
Анжуец по наследству,
Зовусь анжуйцем с детства!..
Узнай же: пред тобою — я,
Сын Гамурета-короля!
Имеешь ли понятие,
Кто он такой?..» — «Мы — братья.
Мы братья сводные с тобой!
Отец наш, занесен судьбой
В языческие страны,
Был мужем Белаканы,
Черной матери моей...»
«Забрало подними скорей!..

Я слышал, люди говорят,
Есть у меня *пятнистый* брат
В далеких странах где-то.
Посмотрим: ты ли это?»
И, восхищенья не тая,
Язычник рек: «Да. Это — я...»
Забрало поднял *Фейрефиц*:
И белолиц и чернолиц
Он был на самом деле.
Глаза его горели.
И, в нем узнав свои черты,
Рек *Парцифаль*: «Да. Это — ты...»
...*Двухцветный*, как сорока,
Растроганный глубоко,
С себя язычник панцирь снял —
Мир между братьями настал...
И те, что друг с другом сражались,
Теперь облобызались...
Так восторжествовала вновь
Святая Верность и Любовь.
Язычник рек: «Не сон ли это?
Я вижу сына Гамурета!
Мы встретились, назло врагам!..
Хвала, хвала моим богам!¹⁵⁶
Ко мне вы благосклонны,
Юпитер и Юнона!..
Хвала, хвала планетам,
Чьим благодатным светом
Был озарен мой путь сюда,
Где встретились мы навсегда!..»

И поскакали оба брата,
В лучах вечернего заката,
Куда? — К Артуру-королю!
(Я им прекрасный пир сулюю
И ошибусь едва ли.
Героя в лагере ждали...)
...Так в лагерь въехали они,
Во всех шатрах горят огни.
К ним, выстоявшим сечу,
Гаван спешит навстречу,
Затем из каждого шатра
Весь цвет Артурова двора
Выходит к ним, обоим
Трославленным героям...
Конечно, не секрет для вас,
Что с мавра не сводили глаз,
Дивясь лицом его *пятнистым*
И взглядом, мужественным и чистым,
Да небывалой епанчой,
Расшитой дивною парчой...
Дамы млели от восхищенья,
Глядя на камень,
Светло пылавшие на нем
Удивительным огнем...
(Те камни, как мы уже говорили,
Были подарком *Секундильи*...)
Едва он плащ и латы снял,
Гаван их под охрану взял,
Чтоб то, что так сверкало,
Случайно не пропало...

Вдруг грянули литавры:
Посмотреть на мавра
Артур с *Гиневрою* вошли.
Они сородича в нем нашли.
С ним все облобызались-
Гости собирались...
За славные свои дела
В герои *Круглого стола*
Зачислен некрещеный,
Но к Истине приобщенный...
(Ему открыты двери
К святой, Христовой вере...)
Сидели все вокруг стола...
И в этот миг в шатер вошла
В драгоценнейшем наряде,
С великою мольбой во взгляде,
Некрасивая дева младая.
Могу сказать вам, не гадая,
Что это — мудрая *Кундри* была...
Итак, в шатер она вошла
И пала пред героем ниц...
И *Парцифаль* и *Фейрефиц*
Зарделись от смущенья...
Она пришла молить прощенья
И не сердиться на нее
За речь недобрую ее...
Тогда сказали оба брата:
Она ни в чем не виновата,
Хоть *Парцифаль*, свидетель — бог,
Обиды ей простить не мог,
Но, чтобы сей не портить пир,

Он предпочел отшельню — мир...
...Хочу сказать, ей не в обиду,
Кундри была ужасна с виду.
Такая же, как в *Тлимицоле*.
(Все дело тут — в господней воле...)
Все так же она желтоглаза,
С глазами — что два топаза,
Все так же длиннозуба,
Все так же сколочена грубо,
Все так же выглядит жутко
Рот ее, синий, как незабудка...
И дева сказала вот это:
«Хвала тебе, сын *Гамурета*!
Хвала тебе, *Герцелойды* сын!
Хвала тебе, доблестный паладин!
Привет и тебе, *Фейрефиц пятнистый*, "
Ты с юных лет был воин истый,
Мечом своим *Секундилье* служа.
Была она и мне госпожа...»
И, посмотрев на *Парцифалья* —
Искателя *Грааля*,
Она торжественно произнесла:
«О ты, чьим доблестям несть числа,
Будь верен себе в час великой отрады!
Высочайшей ты удостоен награды!
Твоих испытаний окончен срок,
И тобой заслужен победный венок.
Счастливейший жребий тебе уготовал.
Ты вскоре будешь коронован
Первейшей из земных корон,
Вступивши на *Граалев* трон.
На камне письма сказали,
Что небеса тебя назвали
Владыкой, избранным судьбой!
Твоя *Кондвирамур* с тобой
Граалем вместе будет править.
При этом я должна добавить
Мужское имя — *Лозрангрин*...
То — новорожденный твой сын.
Твоим наследником он станет,
Когда урочный час настанет...
Так, вместе с сыном и женой,
Владей короной всеземной!
Когда умрешь иль станешь старцем,
Другой твой сын — *Кардейс* —
Бробарцем
Законно станет володеть...
Но — главное — преодолеть
Ты хворь *Анфортасу* поможешь!..
Да, *Парцифаль*! Теперь ты сможешь
Вопрос спасительный задать,
Чтобы страдальцу не страдать,
И сим несчастного спасти,
И в мир блаженство принести!..»
...Вот что *Кундри* возвестила.
Всех радость безмерная охватила.
А у счастливейшего сына земли
Слезы по щекам текли...
Но *Кундри* мудрая сказала:
«Теперь — пора! Но, помни: мало
На это сил одних твоих.
Мунсальвеш зовет двоих.
Необходим тебе провожатый,

Рвеньем рыцарским объятьй!..»
 ...И Фейрефиц воскликнул: «Брат!
 Любовью я к тебе объят,
 А также волей к бою!..
 Возьми меня с собою!..»

И по прошествии трех дней
 Братья сели на коней.
 Всех одарили, обласкали
 И вслед за Кундри ускакали...

XVI

Анфортас в это время
 Все той же боли бремя
 Средь рыцарей Грааля нес...
 Их верность трогала до слез.
 Когда б не эта верность дивная,
 Давно печаль бы неизбежная
 В гроб Анфортаса свела.
 Жизнь ему вовсе уж не мила...
 Но те, кто состояли
 В священном братстве Грааля,
 Поддерживали силу в нем
 Одним-единственным путем:
 Ему Грааль давали зреть,
 Тем не давая умереть...
 Но рыцарям Анфортас рек:
 «Злосчастнейший я человек!
 В чем ваша верность? В чем — любовь?
 Чтоб час за часом, вновь и вновь,
 Мои страдания длились?..
 Я тщетно убедить вас силюсь:
 Только смерть меня может спасти,
 Избавление принести.
 Изнемогаючи от боли,
 Не заслужил я этой доли,
 Чтоб вы, кто знал меня в бою,
 Жизнь бесполезную мою
 С таким упорством сохраняли!..»
 Те молча слушали... Не знали,
 Что отвечать... Ведь он был прав,
 Тягчайшие из мук познав...
 Исполнить, что ли, приказанье?!
 Но Треврипента предсказанье
 И надпись на самом Граале
 От рокового шага их удержали.
 Сказано было: час грядет —
 И рыцарь доблестный придет,
 Участливо: «Что с вами?» — спросит,
 И вмиг Анфортас сбросит
 С себя своих страданий груз,
 Освободясь от страшных уз...
 Однако рыцарь все не являлся...
 Анфортас умереть старался.
 Лежал, закрывши очи,
 Дабы привыкнуть к вечной ночи
 И вновь очей не открывать...
 Тогда несли его кровать
 К священному Граалю
 И насильно глаза ему вновь открывали.
 В часы сближенья двух планет

Страдал Анфортас так, что нет
 Слов у меня для описанья
 Испытанного им страданья...
 От страшной боли он кричал,
 Чем беспредельно огорчал
 Всех своих придворных,
 Исходивших в слезах непритворных...
 Им целый мир казался адом,
 Но они не знали, что радость — рядом...
 Да, они этого даже не предполагали
 И к различным способам прибегали,
 Чтоб смягчить его муки невероятные.
 Разбросали травы кругом ароматные,
 Терпентином¹⁵⁷ курили и душистой
 гвоздикой
 Чтобы как-то с болью справиться
 дикою,
 И при этом должны были воскурения
 Подсластить ужасающий запах
 гниения...
 Возлежал он на матрасе пунцовом,
 На шелку на пальмовом и
 тростниковом,
 Возлежал под стеганым он одеялом,
 Которое шелком горело алым,
 А камня, что украшали кровать,
 Я бы хотел здесь вам назвать.
 Итак, это были: карбункул, агат,
 Сапфир, изумруд, аметист, гранат,
 Берилл, опал, халцедон, алмаз,
 Турмалин, бирюза, рубин, топаз...
 ...Одни камень радуют взгляд,
 Другие — сердце веселят,
 Третьи — с давних времен и поныне
 Успешно служат медицине.
 И, мнится, именно они
 Анфортаса продлили дни...
 Да. Много с ним хлебнули горя...
 Но всех вас ждет веселье вскоре:
 Заветный перейдя рубеж,
 Явились в Терра де Сальвеш
 Из Иофланца трое:
 Два брата, два героя
 (Парцифаль — одного из них имя),
 И некая дева с ними...
 Мне достоверно не сказали,
 Была дорога далека ли,
 Но, появившись здесь, любой
 Вступает с одним из храмовников в
 бой...
 И если б не было Кундри рядом,
 То со сторожевым отрядом
 Пришлось бы им повоевать, —
 Никак бы стычки не миновать.
 Но старший понял, слава богу,
 Что не угрозу, а подмогу
 Мудрая Кундри привела.
 Одета вестница была
 В платье с белыми голубями.
 Начальник стражи поднял знамя
 И громко крикнул: «Наконец
 Всем нашим горестям — конец!..»
 Признаемся, что Фейрефицу

Хотелось со стражником сцепиться,
 Да, к счастью, Кундри не дала
 И ласково произнесла:
 «Неужто вы их не узнали?
**Все это — рыцари Грааля,
 И каждый воин сих рядов
 Повиноваться вам готов,
 Хоть вы турниром не потешились...»**
 ...Храмовники тотчас же спешились
**И с непокрытою главою
 Приветствовали братьев стоя.**
 С увлажненными очами
 (Волненье их представьте сами)
 Препроводили они гостей
 В таинственнейшую из крепостей,
 В обитель Счастья и Печали,
 Где братьев толпами встречали
 И достославные мужи,
 И благородные пажи,
 И стражники, и свита...
 Дверь во дворец открыта.
 Их с трепетным волненьем ждут
 И вверх по лестнице ведут,
 Туда, где, как известно, в зале
 Ковры бессчетные лежали
 И где, как будто в полусне,
 Анфортас, прислонясь к стене,
 Сносил чудовищные муки...
 Но, увидав вошедших, руки
 Он к ним приветливо простер...
 (Надежды ли вспыхнул в нем костер?..)
 Явным было его оживленье
 От столь неожиданного явленья...
 «С тех пор как я вас увидел, —
 Он молвил тихо, — я все ждал,
 Когда вы возвратитесь,
 Благородный витязь!..
 О, вы пришли меня спасти,
 От чар Грааля увести,
 Чтоб жизнь моя не длилась доле.
 Нет отдыха мне от страшной боли!..»
 Душой к Анфортасу припадая,
 Парцифаль спросил его, рыдая
 (Вопрос явился сам собой):
 «О дядя! Молви, что с тобой?!»
 . . . . .
 И тут судьба его решилась,
 И чудо из чудес свершилось:
 Анфортас исцелился вмиг,
 И перед всеми вдруг возник
 Как бы Анфортас новый,
 Красивый, сильный, здоровый.
 Нет, даже Парцифаль-герой
 С ним не сравнится красотой,
 Не может с ним сравниться видом
 Авессалом,¹⁵⁸ рожденный царем
 Давидом,
 Ни Вергулахт, ни Гамурет, —
 В красоте Анфортасу равных нет!..
 ...И вот теперь, в избытке сил,
 Анфортас громко провозгласил
 Отважного Парцифала
 Владыкою и королем Грааля,

Согласно письмам священным...
Я считаю несомненным,
Что, так или иначе,
В мире нет никого богаче
Парцифалья и брата его Фейрефица
И в этом никто с ними не сравнится...
Скажу, подробностей не зная,
Что Парцифалья жена родная —
Кондвирамур — в конце концов
Услышала супруга зов,
И скоро в путь она пустилась
И в Мунсальвеше очутилась...
...Вполне достоверно известно мне,
В какой они встретились стороне.
За королевою супруг
Пришел на тот заветный луг,
Где он, судьбе не прекословя,
Узрел три алых капли крови
На свежеснеженном снегу...
И я напомнить вам могу,
Что для него в часы печали
Эти знаки означали...
...Теперь он, радостный, скакал
Навстречу той, кого искал,
Кому молился неизменно,
Кто для него была священна...
Но был далек ли, близок путь,
Он по дороге заглянуть
К Тревриценту обязался —
И вот в пещере лесной оказался...
...Отшельник выслушал рассказ
О том, как Анфортаса он спас,
И молвил: «Вновь я зрю сегодня:
Таинственные пути господни!
Господней власти нет границы!
Се не пустые небывлицы...
Вот всякой мудрости итог:
Бог есть слово, а слово есть бог.
Бог это — сын, и бог — отец,
Неизмеримо добр творец.
Господу вечное благодаренье:
В твоей душе он поселил смиренность!..»
...И Парцифаль сказал в ответ:
«Жену я не видел пять долгих лет
И еду теперь за нею,
За Кондвирамур моею.
Она меня ждет, может статься...
Дозволь с тобой, дядя, расстаться...»
...Он с Треврицентом распростился
И той же ночью в путь пустился.
Недолго ли, долго ли он скакал —
Вдруг в поле лагерь увидал.
И понял он, что почти уже дома:
Гербы и знамена ему знакомы.
Стояли там войска Бробарца...
...Благороднейшего старца
Король Грааля узнает.
То старый герцог был, Кийот,
Несчастный пасынок Фортуны,
Муж Шозианы, отец Сигуны...
С почтением отвесил он
Монарху своему поклон.
И, видно, избранный судьбой,

Повел монарха за собой
В шатер ковровый, где жила
Кондвирамур и все ждала,
Когда блаженный миг наступит:
Порог муж переступит!..
...Когда вошли, она дремала.
На нее накинуто было одеяло.
Она была в одной сорочке...
Рядом с ней спали ее сыночки...
Отважившись ее коснуться,
Кийот попросил ее проснуться...
Меж тем паж проворно снял
Доспехи с Парцифалья...
И тут, широко глаза раскрыв,
Королева воскликнула: «Ты жив!..»
И Парцифаль наконец — пред нею,
Пред королевою своею,
Пред той, к которой он так спешил,
Кого чуть жизни не лишил
Своим отсутствием ужасным...
Теперь жена объятая страстным
Мужа родного обняла,
Вернувшегося приняла,
Дурного слова не сказала,
А, как я слышал, облобызала...
...Но тут заплакали оба сына.
Кардейса и Лозрангина
Парцифаль впервые увидал
И любовно их расцеловал...
...Итак, нашли они друг друга
Вблизи заснеженного луга,
Где Парцифаль лишился слуха и
зренья
Из-за любовного оцепененья,
Любовью в сердце пораженный,
В мечту о своей Кондвирамур
погруженный...
...Полагаю, что неспроста
Захотел он увидеть вновь эти места...
...Муж и заботливый родитель,
В Мунсальвеш — свою обитель —
Отправил он жену и сына,
Кондвирамур и Лозрангина...
...Дорога через лес вела.
«Здесь, — молвил Парцифаль, — когда-
то была
Пещера близ ручья лесного,
Туда б хотел зайти я снова,
Тем более что по пути...
Нельзя ли нам ее найти?..»
...Пещеру эту люди знали
И Парцифалью рассказали,
Что там дева одна жила,
Чья участь безмерно была тяжела.
Она стенала над гробом любимого,
Полна страданья неутолимого...
И вот они эту пещеру нашли,
Но только лишь в нее вошли,
Сигуну мертвой увидели...
Подобной верности в мире не знали.
Она — подобье тени —
Преклонив колени,

Застыла, обнимая гроб...
Парцифалья бил озноб...
Он повелел открыть крышку гроба,
Чтоб в нем отныне лежали оба:
Шионатуландер, красавец юный,
Рядом со своею бедной Сигуной...
...Кондвирамур причитала над ними:
Ведь они приходились ей родными...
...
Путь выбрав покороче,
Все той же самой ночью
Явились в Мунсальвеш, где брат
Был обнять Парцифалья рад.
В ночь сей желанной встречи
Тылали в замке свечи.
Казалось, лес свечей горел...
Лозрангин своего дядю узрел
И закричал неистово,
Боясь поцеловать пятнистого.
Фейрефица это рассмешило,
Но в чем-то участь его решило...
...
Успел он воспылать душой
К прекраснейшей Репанс де Шой.
И вот, вступив в кипенье зала,
Она Анфортаса облобызала,
С чудесным поздравив его исцеленьем.
Затем своим повеленьем
Она заставила Фейрефица
Приблизиться к ней, поклониться
И в уста ее поцеловать...
(Мне бы в том замке побывать!)
...Меж тем уже приготавливали
Возношение Грааля.
Грааль (так вот дошло до нас)
Не выставляли напоказ —
Лишь в праздник, в день для всех
священный.
Камень показывали бесценный...
Ночь эта — господу хвала! —
Великой радостью цвела...
От горя следа не осталось...
...Несмотря на усталость,
Кондвирамур, дорожное сняв одеянье,
Предстала во всем своем сиянье.
Фейрефиц встречал ее у дверей...
Величественной, красивой, доброй
Он женщины не видал ни разу...
На ней сверкали алмазы
И платье, золотом тканное
(Тпокроем — чужестранное)...
Всех в восторг ее вид приводил...
Фейрефиц владычицу в зал проводил...
...Я вам рассказывал о том,
Как перед прежним королем —
Анфортасом — Грааль явился...
Обряд сей снова повторился.
Мне ж повторяться смысла нет.
Тот, чей родитель Гамурет,
И та, чей родитель Тампентер,
Являя Верности пример,
Все чудеса Грааля
С волнением наблюдали

И от начала до конца
 Душою славили творца...
 ...Итак, сменялось чудом чудо.
 И снова наполнились сосуды
 Разнообразнейшим вином,
 И снова была казалась сном,
 И снедью наполнялись блюда...
 (Тут, право, вспомнить бы не худо,
 Как в Пельрапере, в пору бед,
 Скуднейший дорог был обед!..)
 Лишь Фейрефиц не понимает:
 Кто эти кубки наполняет?
 Не может он уразуметь:
 Кто добывает эту снедь?..
 ...Красавец Анфортасу сидевший с ним
 рядом,
 Его окинул добрым взглядом
 И некрещеного спросил:
 «Источник наших благ и сил,
 Святой Грааль лежит пред вами.
 Но видите ль его вы сами?..»
 «Святой Грааль?! Не вижу... Нет...» —
 Фейрефиц сказал в ответ...
 Но дело не в его ответе:
 В Любви губительные сети
 Репанс анжуйца завлекла.
 Кровь в нем вскипела, потекла,
 Беснуясь, по вздутым жилам.
 Все стало для него немилым,
 Кроме нее — Репанс де Шой —
 Богатство, слава, край родной
 И Секундилья-королева...
 Исполнен страсти, боли, гнева,
 Герой к Юпитеру воззвал:
 «За что меня ты так наказал?!»
 И на его пятнистом теле
 Белье пятна совсем побелели...
 ...Меж тем Анфортас Парцифалю
 Сказал с немалою печалью:
 «Ваш брат любимый, как ни жаль,
 Не в силах разглядеть Грааль.
 Неужто бог его так обидит
 И всех благ источник он не увидит?..»
 Фейрефиц слова подтвердил его,
 Сказав, что не видит здесь ничего,
 И об этом тотчас узнали
 Собравшиеся в зале.
 «Как? Быть не может! Неужель?!»
 И только старый Титуфель
 Нашел простое объясненье:
 Здесь дело — не в изъяне зренья,
 Не в том, что взгляд его смещен,
 А в том, что рыцарь — не крещен!
 «Едва лишь примет он крещение,
 Произойдет с ним превращенье,
 Грааль откроется пред ним,
 Как он открылся остальным
 Храмовникам христоролюбивым!»
 ...Сочтя все это справедливым,
 Рек Парцифалю Фейрефиц:
 «В прекраснейшую из девиц
 Влюблен я безутешно.
 И я крещусь поспешно,

Не стану я терять и дня,
 Коль она выйдет за меня!..»
 «Но кто счастливейшая эта?!» —
 Воскликнул отпрыск Гамурета.
 «Репанс! Анфортаса сестра!
 Однако мне узнать пора,
 Как совершается крещение?
 То, видимо, мечей скрещение,
 Великий, видимо, турнир?
 Или особый это пир?..»
 Услышав сей вопрос,
 Анфортас хохотал до слез,
 И Парцифаль смеялся тоже:
 «Подобным образом негоже
 У нас крещение принимать...
 Ты вот что должен понимать:
 Чтоб стать христианином,
 Слейся с богом триединым,
 Найди к Христовой вере путь
 И о Юпитере забудь,
 Оставь и Секундилью —
 И мечта твоя станет былью!..»
 . . . . .
 Принял Фейрефиц крещение.
 Бог даровал ему прощенье:
 В купель погрузился он слепым,
 Грааль был для него незрим,
 И вот покрыла его вода —
 И он увидел Грааль тогда —
 Так разум его наконец созрел,
 Так взгляд его наконец прозрел...
 А вскоре, как гласит преданье,
 Свершилось и бракосочетанье
 С прекраснейшей Репанс де Шой.
 Да, путь широкий, путь большой
 Открыт христианину
 На дальнюю чужбину...
 Тем временем на Граале
 Надпись прочитали:
 «Кому наказ господень дан
 Стать королем одной из стран,
 Не может спрошен быть народом,
 Как звать его и кто он родом.
 А кто вопроса не избежит,
 Тому немедля надлежит
 Отречься от княжения...»
 ...В знак предостережения
 Господь к молчанью принуждал
 За то, что слишком долго ждал
 Анфортас, боль едва осия,
 Чтоб его спросили,
 Кто он, что с ним, — хотя бы раз!..
 Велик сей божеский указ!..
 . . . . .
 А Фейрефица тянуло вдаль,
 И он промолвил: «Парцифаль,
 Иду я царствовать одной
 Восточной, дивною страной.
 Я ухожу с женой вдвоем...
 Коли дозволишь, мы возьмем
 С собой Лозрангина...»
 «Нет, дорогого сына
 Не смею с вами отпустить.

Суждено ему служить
 Священному Граалю, —
 Так письма сказали...»
 ...Когда прошло двенадцать дней,
 Фейрефиц оседлал коней
 И распрощался с братом,
 Глубокой скорбью объят...
 ...А вскоре в Мунсальвеш пришла
 Кундри, известие принесла:
 От горя Секундилья
 Скончалась... Но всесилье
 Репанс отныне обрела...
 Страною Индия была,
 Где Фейрефиц достойно правил...
 Господь бездетными их не оставил.
 Репанс младенца родила,
 Его Иоанном назвала.¹⁵⁹
 (Он людям из восточных стран
 Известен как «монах Иоанн».
 От монаха Иоанна пошли
 Все христиане-короли,
 Что правят на Востоке...
 Мы знаем, где истоки...)
 . . . . .
 Лозрангрин меж тем возрос.
 Он рыцарь был, он жаждал гроз.
 Во многих битвах бился смело...
 Но юным сердцем завладела
 Брабанта¹⁶⁰ дивная жена.
 В богатстве, в славе рождена,
 Красотою она сверкала,
 Но беспощадно отвергала
 Всех, жаждавших ее руки, —
 Пусть титулы их высоки.
 Какое до них ей дело?
 Она любви хотела...
 ...И вот из Мунсальвеша к ней
 Белейший среди лебедей
 В Антверпен рыцаря привез.
 Он строен был, светловолос
 И сердцем безупречен...
 Он был с любовью встречен...
 И разумеется, что он
 Вступил на королевский трон.
 В Брабанте и поныне
 Помнят о Лозрангине,
 Хоть он себя и не назвал...
 Он в первый день жене сказал
 И пояснил ей здраво,
 Что не имеет права
 Поведать, кто он и откуда,
 Иначе им придется худо...
 «Увы, все под секретом...
 Но спрашивать не смей об этом!..»
 И, движимая любовью,
 Она блюла сие условие.
 Но день пришел — она спросила...
 И грозно ей судьба отметила.
 Едва она задала вопрос,
 Явился лебедь и увез
 В неведомые дали
 Сына Парцифала...
 . . . . .

. . . . .
Немало стоило труда
Рассказ Кретьена де Труа
Здесь выправить с таким расчетом,
Чтоб то, что было нам Киотом
Поведано, восстановить
И эту быль возобновить,
Не высосав ее из пальца...
Узнали мы от провансальца
Всю сложность длинного пути,
Что Герцелойды сын пройти
Обязан был по божьей воле,
Пока воссел он на престоле,

Граля ставши королем...
В повествовании своем
Я, разбираясь мало-мальски,
Что сказано по-провансальски,
Вам по-немецки изложил,
Но неизменно дорожил
Киотовой первоосновой,
Страшась рассказ придумать новый.
Да, я, Вольфрам фон Эшенбах,
За совесть пел, а не за страх
И за своим героем следом
От поражений шел к победам...
Но высшая из всех побед —

Проживши жизнь, увидеть свет,
Не призрачный, а настоящий,
От чистой Правды исходящий,
Не просто по миру брести,
А Истину вдруг обрести...
...Все это изложивши вам,
С волненьем жду от наших дам
Бестрепетного приговора,
С надеждой тайной, что, коль скоро
Все это для *одной* сложил,
Ее хвалу я заслужил!..

Примечания А.Д. Михайлова

Монументальный роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» («Parzival») написан в первом десятилетии XIII в. Сохранившись в нескольких рукописях, роман был напечатан уже в 1477 г. В следующие столетия интерес к «Парцифалю» постепенно уменьшился, и книга была почти забыта. Ее новое издание (осуществленное Х. Миллером) появилось в 1744 г., но не привлекло широкого внимания, равно как и пересказ романа гекзаметрами, выполненный Йоганном Яковом Бодмером (1698-1783) и напечатанный в 1753 г. Первое научное издание «Парцифала» было подготовлено крупнейшим немецким исследователем К. Лахманом (1833), в 1870-1871 гг. вышло новое критическое издание романа, осуществленное К. Барчем. В 1903 г. Альберт Лейцман подготовил новое трехтомное издание «Парцифала», затем несколько раз переизданное. (Wolfram von Eschenbach, Parzival, herausgegeben von Albert Leitzmann, 5. Auflage. Halle, 1955).

Опираясь на издание А. Лейцмана, выполнен настоящий перевод. Учитывая огромные размеры книги (в отдельных списках до 25 000 стихов), перевод этот — неизбежно сокращенный. Переводчик стремился передать не только основное содержание романа, но и его стилистические особенности — несомненный налет импровизации, отразившейся в отступлениях от строгого ритмического рисунка стиха, в разговорных интонациях, повторах и т. п. При сокращении текста не опущен ни один из существенных эпизодов книги, в ряде мест вместо точного перевода дан краткий — стихотворный же — пересказ. Эти места обозначены отточиями. На русский язык роман Вольфрама в таком объеме еще не переводился.

- 1 *Его корону и владенья // Приобретает старший сын.* — Такое право наследования, упоминаемое уже в «Салической правде», не практиковалось на протяжении средних веков постоянно и неукоснительно. Здесь правильнее говорить о доминирующей тенденции, а не об общепринятой норме. К единонаследию феодальное общество пришло постепенно. Но во времена Вольфрама оно утвердилось.
- 2 *Анжу* — Эта старинная французская провинция, долгое время бывшая независимым графством, а во времена Вольфрама ставшая наследственными землями английской династии Плантагенетов, никогда не была королевством. Вообще политико-географические представления поэта были довольно фантастическими.
- 3 *...Ведет на трон старшого сына...* — Братом Гамурета в романе изображен Галозс, старший сын короля Гандина и королевы Шоэтты.
- 4 *Носил он прозвище Барук* — то есть «благословенный». Это имя носит один из библейских пророков.
- 5 *Вавилон.* — Имеется в виду Новый Вавилон, египетский город, слившийся затем с Каиром.
- 6 *...Помпей был да Ипомидон...* — Здесь, несомненно, имеется в виду последняя стадия существования династии Фатимидов, правившей Магрибом (Северной Африкой) с 909 по 1171 г. К концу X в. Фатимиды завоевали Палестину, Сирию и Хиджаз (восточное побережье Красного моря) с городами Мекка и Медина. Ко второй половине XII в. государство Фатимидов пришло в упадок. Военачальник Садах-ад-дин (Саладин) свергнул с престола халифа Адида и признал верховную власть аббасидского халифа в Багдаде. После этого государство распалось под ударами своих давних противников.
- 7 *Ниневия* — ассирийский город на Тигре.
- 8 *...сменить свой герб фамильный...* — В оригинале сказано: «сменить герб Гандина». На гербе отца Гамурета была изображена пантера.
- 9 *Алеппо* — правильнее: Халеб (так и в немецком тексте), сирийский город севернее Дамаска. В романских странах Халеб назывался Алеппо. Этот город был расположен недалеко от границ двух государств, созданных на Ближнем Востоке крестоносцами, — Антиохийского княжества и графства Эдессы. Через Алеппо шла оживленная торговля с Востоком.
- 10 *В стране чудесной — Зазаманке.* — Эта страна, по-видимому, не имеет реальных аналогов.
- 11 *Паталамунд.* — Этот город в королевстве Белаканы тоже, очевидно, не может быть точно локализован.
- 12 *Бургграф* — комендант крепости, замка в средневековой Германии.
- 13 *Маршал.* — В данном случае это не военачальник, а придворный, ведавший приемами, распорядком и вообще всеми внутренними делами двора.
- 14 *...был властелином // Одной из мавританских стран...* — В немецком тексте сказано, что отец Эйзенгарта, Танканис, был королем Ассагана (Азалука).
- 15 *Хютигер.* — В немецком тексте он назван шотландским герцогом.
- 16 *Бармица* — кольчатый доспех, закрывавший у воина плечи и грудь.
- 17 *...король надменный Рацалиг.* — В оригинале сказано, что он был князем (или королём) Ассагана.
- 18 *...их обложив изрядным леном.* — Чаще леном называлось земельное угодье, пожалованное вассалу с правом пользоваться всеми его доходами. Отсюда «лен» — доход с земли, и даже «дань», «налог».
- 19 *Душа охвачена влеченьем // К невероятным приключениям...* — Подобной тягой к приключениям бывали охвачены многие герои рыцарских романов, например Ивэйн у Кретьена де Труа.
- 20 *...из Севильи родом...* — Севилья в начале XIII в. еще находилась под властью мавров, входя в арабское государство Альмохадов.
- 21 *Фейрефиц.* — Это имя произведено от старофранцузского *vaire fiz* — пестрый сын.
- 22 *Кайлет.* — Он называется у Вольфрама обычно Кайлетом из Госкураста. Этот топоним лишь с большой долей натяжки может быть отождествлен с Вакейрушем на юге современной Португалии.
- 23 *Конвалуа.* — В оригинале сказано, что все происходит в стране Валезии (то есть Валуа), в городе Конвалей (то есть Конвалуа). Упоминание исторической области Валуа на севере Франции как королевства Герцелойды говорит о приблизительности географических представлений Вольфрама.
- 24 *Герцелойда.* — В ряде французских версий легенды о Персевале-Парцифале мать героя зовут Кассандрой, в большинстве же случаев (в том числе у Кретьена де Труа) она никак не названа. Вся предшествующая история Герцелойды — это плод вымысла Вольфрама. Этимология имени Герцелойды прозрачна: это «госкующая сердцем».
- 25 *Уже не в пробный, а — в большой!* — В эпоху средних веков накануне главного («большого») турнира устраивали так называемый «пробный».
- 26 *Утер Пендрагун.* — В артуровских сказаниях так звали отца Артура. Утер победил герцога Хоэля Тинтажильского и взял себе в жены его супругу Иджерну. От этого брака и родился Артур.
- 27 *...жена любимая его...* — У Вольфрама она зовется Арнивой (о ней см. в книгах XI и XIII). Рассказ о ее пленении, вместе с сыном, неким чародеем не стал предметом разработки во французских артуровских романах XII и начала XIII в.
- 28 *Король норвежцев — храбрый Лот...* — Согласно артуровским легендам, Лот был королем Оркнейским, причем иногда это королевство считалось сарацинским (его отождествление с норвежским Оркангером сомнительно). Лот был братом Уриена и был женат на сводной сестре Артура Анне. У них было четверо детей.
- Уриен* — отец Ивэйна и муж Бримезенты, король земли Горр, «страны, откуда никто не возвращается» (то есть страны смерти). Эта страна отождествляется с известным по кельтским легендам островом Авалон, куда после смерти переселяются герои. В ряде рыцарских романов рассказывается о любовной связи короля Уриена с феей Морганой, сводной сестрой Артура.
- 29 *...повелитель арагонцев...* — Повелителем арагонцев несколько ниже назван Шафилор
- 30 *...король ирландцев...* — В качестве представителей ирландцев в тексте назван Морхолт (гигант, дядя Изольды в сказаниях о Тристане); упомянут здесь и Ривален, король Лоонуа (отец Тристана в ряде обработок сюжета, в частности у немецкого поэта второй половины XII в. Эйльхарта фон Оберга)
- 31 *...князь гасконцев...* — Князем (вернее, королем) гасконцев в тексте назван Хардис.
- 32 *...аскалунец господин...* — Аскалун (от франц. Escavalon) был вымышленным королевством, часто упоминаемым в рыцарских романах.
- 33 *Бранделиделин.* — В оригинале сказано, что он был королем Пунтуртуа, некоей страны, которую можно условно отождествить с Пуантьевром в Бретани.
- 34 *Алеманы* — германское племя, жившее на западном берегу Рейна. До конца XI в. здесь существовало герцогство Алемания, подчинявшееся франкским королям. Однако Вольфрам под алеманами имеет в виду просто западных немцев. В оригинале перечисляется значительно большее число национальностей, в частности португальцы, провансальцы и т. д.
- 35 *...гриф кавказский... и золото в когтях унес.* — Кавказские золотые изделия очень ценились в средневековой Европе.
- 36 *Анфлиса.* — У Вольфрама сказано, что возлюбленная Гамурета была королевой Франции.
- 37 *Леелин* — брат герцога Лаландера, мужа Ешуты (см. прим. 54).

- 38 *Неся рубиновые кубки...* — Кубки из рубинов и смарагдов получены были королевой Белаканой от ее возлюбленного Эйзенгарта (его имя значит «Твердый, как железо»).
- 39 *Киллирьякаг.* — В романе этот родственник Кайлета назван князем Миннелона (что значит «Дар любви»).
- 40 *Прабабок голос всемогущий...* — То есть фен Морганы.
- Моргана* — младшая дочь герцога Тинтажильского и Иджеры, матери Артура; наряду с Вивианой, возлюбленной Мерлина, Моргана часто упоминается в рыцарских романах как фея и волшебница.
- 41 *Пантерой этот щит украшу...* — см. прим. 8.
- 42 *Не тем, которым славен Рим...* — Под прославившим Рим Помпеем подразумевается полководец Гней Помпей (107-48 до н. э.).
- 43 *Навуходносор* — царь Халдеи (VI в. до н. э.), известный своими успешными войнами против Египта и Иудеи.
- 44 *Тамтанис.* — Он не просто оруженосец, он, скорее, «старший оруженосец» (мастеркнаппе).
- 45 *Von fils, cher fils, o mon beau fils!* — Славный сын, дорогой сын, о мой прекрасный сын! (*франц.*).
- 46 *Воспевший наших женищин мильх.* — Вольфрам фон Эшенбах имеет в виду свою куртуазную лирику, в частности так называемые «песни рассвета».
- 47 *На это есть поэт другой.* — Здесь Вольфрам намекает на немецкого поэта Гартмана фон Ауэ (он. 1170-1210), который в своих произведениях (например, в «Ивэйне» и «Бедном Генрихе») пишет о своем пристрастии к книгам.
- 48 *...валезиец...* — То есть житель вымышленного королевства Герцелойды — Валезии (Валуа).
- 49 *И нас, баварцев...* — У Кретьена де Труа в соответствующем месте сказано, что валлийцы более глупы, чем животные.
- 50 *Ультерлек* — от французского Утрелак, то есть «Заозерный».
- 51 *Туркентальс* — один из вассалов Парцифадя («Из долины турок», согласно этимологии).
- 52 *Норгальс* — вымышленное княжество (как и Валезия); это княжество (или королевство), совпадающее с северной частью Уэльса, часто упоминается в рыцарских романах.
- 53 *Бразельянский лес.* — То есть Броселианд, местность упоминаемая во многих рыцарских романах. Его отождествляют с лесным массивом близ Плоэрмеля на юге полуострова Бретань, в современном департаменте Морбиан.
- 54 *Ешутой герцогиню звали...* — У Кретьена этот персонаж (жена Орилуса де Лаландера) никак не назван. Полагают, что появление загадочного имени Ешута (Jeshut) связано с ошибочным прочтением французского текста, где сказано, что «дама лежала» (*dame gisoit*); так появилась «дама Ешута».
- 55 *Орилус де Лаландер* — искаженное французское *Orgueilleux de la Lande*, то есть «Гордец из Долины».
- 56 *ати* — друг (*франц.*).
- 57 *Сигуна* — дочь Кийота и Шозианы, дочери Фримутеля и сестры короля Анфортаса, Тревриента, Репанс и Герцелойды.
- 58 *Шионатуландер* — внук Гурнеманца.
- 59 *Твое прозвание — Парцифаль!* — Имя героя восходит к имени его французского аналога Персеваля, что расшифровывается (во наивной средневековой этимологии) как «Пронизывающий долину» (*perce val*).
- 60 *Кингривальс* — главный город Норгальса.
- 61 *Гартман фон Ауэ.* — См. прим. 47. Вольфрам имеет в виду его куртуазные романы «Эрек» и «Ивэйн», восходящие к одноименным романам Кретьена де Труа.
- 62 *Гиневра* — в артуровских легендах жена короля Артура и дочь короля Леодагана (встречаются следующие варианты написания ее имени: Геньевра, Джиневра, Гвенивера и т. д.).
- 63 *Энита* — возлюбленная и жена юного рыцаря Эрека в романах Гартмана и Кретьена (Энида).
- 64 *Карснафита.* — У Кретьена ее зовут чаще Гарсенезидой, но встречается и такой вариант.
- 65 *Нантес.* — Весьма показательно, что столицей Артура Вольфрам называет вполне реальный северофранцузский город Нант, а не традиционные Камалот или Карлеон.
- 66 *Карвеналь.* — Так в романе современника Вольфрама Готфрида Страсбургского «Тристан» зовут воспитателя героя (во французских версиях — Гувернал или Горвенал).
- 67 *Итер Красный.* — В артуровских легендах и романах так зовут короля Корнуэльского (кельтский вариант — Эдерн); у Вольфрама он назван королем Кукумберландии (Камберленда, графства на границе Англии и Шотландии).
- 68 *Иванет* — паж при дворе короля Артура. Благодаря уменьшительному суффиксу его иногда принимают за молодого Ивэйна, однако это разные персонажи.
- 69 *Кей, сенешаль...* — Сенешаль — управляющий дворцовой челядью и одно из приближенных лиц короля в средневековой Франции. Согласно бретонским легендам, сенешалем Артура был его молочный брат Кей.
- 70 *Куневара* — сестра Орилуса де Лаландера. Ее имя можно расшифровать как «Верная роду».
- 71 *Гурнеманц.* — У Кретьена также появляется этот персонаж, воспитатель героя и дядя его возлюбленной (во французском романе он зовется Горнеманс из Горхаута). Столица Гурнеманца называется у Вольфрама Грагарцем.
- 72 *...три брата в битвах пали.* — Сыновей Гурнеманца звали: Шентафлур, Ласкойт и Гурегри (последний из них был отцом Шионатуландера, возлюбленного Сигунгк). Большой роли в повествовании они не играют.
- 73 *Бробарц* — страна Кондвирамур. Отождествлять ее с Брабантом вряд ли возможно.
- 74 *Пельрапер* — немецкая транскрипция французского названия Борепер или Бельрепер (*Beaugeraire*), что значит «Прекрасный приют». У Кретьена так называется замок возлюбленной Персеваля.
- 75 *Тампентер* — отец Кондвирамур. У Кретьена он никак не назван.
- 76 *Кламид* — король Истертерры. В романе Кретьена он зовется Кламадэ (*Clamadeu*), что значит «Призывающий бога».
- 77 *...на мадьярскую похожа,* — Нападения венгров не раз на протяжении средневековья подвергались южнонемецкие и французские земли. Отряды воинственных венгров наводили ужас на население.
- 78 *Кондвирамур.* — Ее имя может быть переведено как «Созданная для любви» (или «Постоянная в любви»). У Кретьена возлюбленную героя зовут Бланшефлёр (то есть «Белый цветок»).
- 79 *...Изольд обеих...* — То есть Изольду Белокурую, возлюбленную Тристана, и Изольду Белорукою, его жену.
- 80 *Кингун.* — У Кретьена этот персонаж носит имя Энгижерон.
- 81 *Кийот* — отец Сигуны. Он обычно называется Кийотом из Кателанга (то есть Каталонии).
- 82 *Манфилот* — брат Кийота и дядя Кондвирамур.

- 83 ...замок Карминаль... — Этот замок в Бразельянском лесу служил обычно королю Артуру пристанищем во время охоты.
- 84 *Абенберг* — город и крепость в Баварии (в прошлом — резиденция графов Абенбергов), недалеко от родного города Вольфрама — Эшенбаха (ныне Ансбах).
- 85 ...валеты... — То есть молодые люди дворянского происхождения, прислуживающие рыцарям (некто вроде денщиков).
- 86 *Репанс* — дочь короля Грааля Фримутеля.
- 87 *Aloe Lignum* — многолетнее растение, распространенное главным образом в Африке и Аравии. Но у Кретьена нет этого экзотического растения. Оно попало в немецкий текст по недоразумению, из-за неверного прочтения французского оригинала.
- 88 ...в Вильденберге у меня... — Как полагают исследователи, этот городок был постоянным местом жительства Вольфрама, где он писал или диктовал свой роман, в частности его пятую книгу. Жалобы на плохое материальное положение поэта не раз повторяются в «Парцифале».
- 89 *С копья струится...* — Это так называемое «копье сотника Лонгина», стражника, который пронзил ребра распятого Иисуса Христа (Ев. от Иоанна, XIX, 34). Впрочем, символика окровавленного копья, неизменно участвующего в процессии Грааля, истолковывается поразному, так как в этом мотиве нельзя не видеть отражения легенд о магическом копье кельтской мифологии.
- 90 *Вожделеннейший камень Грааль...* — В отличие от Кретьена де Труа, у которого Грааль отождествляется с чашей евхаристии, Вольфрам изображает эту святыню как волшебный камень, обладающий целым комплексом свойств (подробнее см. в книге IX романа, объяснения Треврицента). В Граале Вольфрама слились мотивы христианские, восточные и сказочные. Эта множественность источников породила различные толкования мотива чудесного камня и приобщения к нему героя. В Граале видели и камень библейского пророка Даниила, и философский камень алхимиков, и талисман кельтских мифов, и даже «горюч камень» русских былин. Видимо, если, конечно, не в равной мере, то в той или иной степени эти разнородные элементы присутствуют в Граале Вольфрама. Эта многозначность позволяет поэту сделать свой волшебный камень и символом приобщения к божеству, и чудесным талисманом, охраняющим человека от жизненных невзгод, и залогом мудрости и доброты.
- 91 ...тутовым вином... — Некоторые растения семейства тутовых (инжир, сикомор) дают сочные плоды, из которых изготовлялось вино своеобразного вкуса (плоды инжира носят название винных ягод).
- 92 *Мунсальвеш* — немецкая транскрипция французского названия Mont Sauvage (Дикая Гора).
- 93 *Терредесальвеш*. — То есть Дикая Земля (от франц. Terre Sauvage).
- 94 *Анфортас правит хворый...* — У Вольфрама в этом месте упоминается также отец Анфортаса Фримутель и дед Титурель. Упоминается и брат Анфортаса Треврицент.
- 95 *Коридоль*. — Этот артуровский замок (в варианте Кардэйль) часто упоминается во французских куртуазных романах; его отождествляют иногда с Карлейлем на севере Англии.
- 96 *Плимицоль*. — Эта река, название которой не приведено у Кретьена, не поддается идентификации.
- 97 *Генрих фон Фельдеке* (ок. 1150 — ок. 1210) — немецкий куртуазный поэт, автор первого немецкого рыцарского романа «Эней» (вольное переложение одноименного французского произведения). Одно время состоял при дворе Германа Тюрингского. Вольфрам далее намекает на один из эпизодов «Энея».
- 98 *Племянник короля Гаван...* — Гаван был племянником Артура по своей матери, сводной сестре короля.
- 99 *Кундри*. — В романе действует еще один персонаж с таким же именем: сестра Гавана. Этимология этого имени понятна: оно построено так же, как и русское слово «ведьма», то есть «знающая», «ведающая» (в имени персонажа Вольфрама основа Кунд — от немецкого слова «знание»).
- 100 *Шатель Марвей* — транскрипция французского названия Chastel de Merveilles (то есть Замок Чудес).
- 101 *Шанпфанцун*. — Этот вымышленный город был столицей вымышленного же государства Аскалуна (см. прим. 32).
- 102 *Беакур*. — Имя этого брата Гавана восходит к искаженному французскому *Beaucours* (то есть прекрасный телом). У Кретьена брата героя зовут иначе — Агравэйн.
- 103 *Силен, отважен...* — Здесь перечисляются пять основных качеств, которыми, по представлениям средневековья, должен обладать истинный рыцарь.
- 104 *Липпаут*. — У Кретьена этого рыцаря зовут Тибо (в старофранцузском произношении возможно Тибат) из Тинтажиля.
- 105 *Трабалибот* — по-видимому, подразумевается Индия.
- 106 *Шаут* — так звали отца Мелианца.
- 107 *Когда вступил в него Эней...* — Здесь Вольфрам ссылается на миф об Энее по его изложению у Фельдеке (см. прим. 97).
- 108 *Акратон* — возможно, имеется в виду индийский город Агра на реке Джамна, километрах в 200 от Дели.
- 109 *Вергулахт* — король Аскалуна, сын Флордамур (что значит «Цветок любви»), сестры Гамурета.
- 110 ...на арабском скакуне... — Арабские лошади ценились не своей выносливостью и силой (как испанские), а прежде всего резвостью. Они употреблялись в легкой кавалерии. Разводились арабские лошади не только на Востоке, но и в Испании, в той ее части, которая была под владычеством мавров.
- 111 ...С предгорья Феймургана... — Здесь Вольфрам по ошибке делает географическим названием имя популярного персонажа рыцарских романов феи Морганы (см. прим. 40).
- 112 *Ландграф* — титул некоторых владетельных князей в средневековой Германии.
- 113 *Киот*. — Вольфрам фон Эшенбах не менее семи раз называет в своем романе некоего провансальца Киота, якобы впервые изложившего (по-провансальски) сюжет о Парцифале, основываясь на каких-то арабских материалах, разысканных им в Толедо. Наиболее подробно Вольфрам говорит об этом в книге IX романа. Однако современные ученые склонны видеть в этих ссылках на загадочного Киота простую мистификацию. Полагают также, что это могло быть имя писца, переписывавшего рукопись.
- 114 *Госпожа АVENTЮРА...* — Такое олицетворение отвлеченных понятий (Любви, Страха, Печали, Приключения и т. п.) очень характерно для средневековой литературы.
- 115 ...день пятницы страстной... — последняя пятница перед Пасхой; в этот день, согласно библейским легендам, был распят Иисус Христос.
- 116 *Треврицент*. — У Кретьена имя этого отшельника не названо.
- 117 *Предсказывал еще Платон...* — Сочинения древнегреческого философа Платона, в чисто религиозной интерпретации, были достаточно популярны на протяжении средневековья. В них искали подтверждения учению церкви.
- 118 *В пророчествах Сивиллы...* — В средние века считалось, что в пророчествах Кумской сивиллы впервые было предсказано грядущее явление Христа. Поэтому ссылки на сивилл (прорицательниц) были довольно часты.

- 119 *Храмовники или тамплиеры...* — Монашеско-рыцарский орден тамплиеров был создан вскоре после первого крестового похода, в 1119 г., в Иерусалимском королевстве для защиты паломников и обороны государств, созданных крестоносцами на Ближнем Востоке. В составлении устава ордена принял участие Бернард Клервоский. Резиденция главы ордена (Великого Магистра) находилась в Иерусалиме, отделения же ордена имелись во всех странах Западной Европы. Члены ордена не подчинялись местным светским и духовным властям; сам орден обладал небывалым для того времени экономическим и политическим могуществом и ставил перед собой весьма высокие (с точки зрения средневекового человека) цели. Поэтому не приходится удивляться, что Вольфрам называет стражей Грааля тамплиерами. Возвышенное служение посланцев, их связь с Востоком, окутанная изрядной долей таинственности, очень подходили для этической и эстетической стороны замысла поэта.
- 120 *Lapsit exillis.* — Этот явно неточный латинский текст может быть понят и как «камень господ» (*lapis herilis*), и как «упавший с неба» (*lapis ex coelis*), и как «камень мудрости» (*lapis elixir*), и т. д. Вообще, в этой испорченной латыни Вольфрама видят не только отсутствие грамотности, но и сознательное стремление сделать текст не вполне понятным, допускающим разные толкования.
- 121 *Белоснежного голубя на землю ждет.* — Здесь можно видеть указание на связь Грааля с третьей ипостасью божества — духом святым.
- 122 *...в крепость Легруа...* — У Кретьена замок возлюбленной Гавэйна назван Ногр. Тороним Логр очень часто встречается в рыцарских романах и отождествляется с Лондоном, но чаще этим названием обозначено все королевство Артура.
- 123 *Оргелуза.* — Имя этой героини романа восходит к прозвищу аналогичного персонажа у Кретьена. В переводе оно значит «Гордая» (*Orgueilleuse*).
- 124 *Малькреатором его звали.* — Имя этого персонажа (у Кретьена не названного) является транскрипцией французского слова *malcreature* (то есть «дурное создание»).
- 125 *...Адам // Своим созревшим дочерям // Престрого запретил...* — Это место восходит к тексту талмуда. Наставления Адама дочерям и вообще весь этот мотив, изложенный ниже Вольфрамом, часто повторяется в различных памятниках средневековой литературы.
- 126 *Секундия* — индийская принцесса, возлюбленная Фейрефица. В книгах XV и XVI романа ее взаимоотношения со сводным братом Парцифалом обрисованы более подробно.
- 127 *Купидон, Амур...* — В представлениях людей средневековья эти два названия античного божества любви были обозначениями двух разных божеств.
- 128 *Терремарвей.* — То есть Страна Чудес (от франц. *Terre de Merveilles*).
- 129 *Лимарвей* — транскрипция (неточная) упоминаемой и Кретьеном волшебной кровати (*Lit de la Merveille*).
- 130 *Клингсгор.* — Этот персонаж у Кретьена не назван по имени; о нем лишь сказано, что он понаторел в астрономии. Этимология имени этого персонажа (при ее кажущейся прозрачности) не ясна. Возможно, оно восходит к принятому в средние века обращению к странствующему певцу: *meister klingsaere*.
- 131 *Арнива* — жена Артура, мать жены короля Лота Сангивы и бабка Гавана.
- 132 *Ланцилот* (Ланселот) — один из популярнейших героев артуровских сказаний и рыцарских романов; в прозаических обработках последних (XIII в.) он вытеснил всех остальных героев, прочно заняв первое место. Он был сыном короля Бана Бенойкского. Ланселот был воспитан на дне озера (отсюда его прозвание — Ланселот Озерный) и, выйдя оттуда, совершил многие подвиги во славу своей дамы сердца королевы Геньевры. На немецком языке около 1194 г. был написан роман о Ланцилоте Ульрихом фон Цациххофеном.
- 133 *Гарель* — рыцарь Круглого стола, герой одного из поздних куртуазных романов — романа Плейера «Гарель из Цветущей долины». По-видимому, легенда о Гареле бытовала и ранее, возможно, в устной передаче.
- 134 *Что там Ивэйн?* — Вольфрам имеет в виду героя одноименного романа Гартмана фон Ауэ.
- 135 *Что там Эрек?* — Здесь Вольфрам упоминает о схватке героя романа Гартмана «Эрек» с гигантом Мабонагренем, охраняющим чудесный сад.
- 136 *Илинот* — в немецкой традиции так звали сына Артура.
- 137 *Итония* — сестра Гавана, возлюбленная и затем жена Грамофланца. У Кретьена она зовется Кдариссанс (то есть «Светлая»).
- 138 *Грамофланц.* — У Кретьена он назван Гиромелантом.
- 139 *Сурдамур* — немецкая транскрипция старофранцузского *Soerdamurs* (то есть «Сестра любви»). О ней рассказывается в романе Кретьена «Клижес». Она вышла замуж за византийского принца Александра, и от этого брака родился Клижес.
- 140 *Сангива* — мать Гавана (см. прим. 131).
- 141 *В сопровожденье юных внучек...* — Это сестры Гавана Итония и Кундри (но не прорицательница. - Ср. прим. 99).
- 142 *Флоран* из Итолака. — В тексте он назван турком. Предполагается, что он входит в отряд телохранителей Оргелузы.
- 143 *Отмстить за отца!* — Отцом Грамофланца был Ират, король Роше Саббинс (искаженная транскрипция французского наименования *Roche de Sanguin*, то есть Окровавленной Скалы).
- 144 *...возле Иофланца...* — Эта местность, несколько раз названная Вольфрамом, не поддается идентификации.
- 145 *Терра де Лабур* — итальянское *Terra di lavoro* («Земля Труда») через французское *Terre de labour*. Это старинное название местности в итальянской Кампанье (недалеко от Неаполя).
- 146 *Вергилий.* - Античный поэт Вергилий был широко известен в эпоху средних веков, в частности как пророк и волшебник. Многие из связанных с ним легенд локализируются в Неаполе.
- 147 *Капуя* — город в Италии, недалеко от Неаполя, славившийся в древности производством предметов роскоши и школами гладиаторов.
- 148 *Персида* — город на Востоке.
- 149 *Калот-Эмболот.* — То есть Калата-Белота, местность в южной Сицилии.
- 150 *Мундшенк* — кравчий (придворная должность в средневековой Германии).
- 151 *...даже войны // Привыкли дамы наблюдать.* - Действительно, в эпоху средних веков знатные дамы сопровождали иногда в походе армии. Так, например, Альенора Аквитанская в бытность свою французской королевой приняла участие во втором крестовом походе (1147-1149), сопровождая Людовика VII.
- 152 *...слава богу, братья есть...* — Согласно артуровским легендам, у Гавэйна-Гавана было три брата: Беакур (он же Агравэйн - см. прим. 102), Газрэт и Геррэт; два первых упоминаются и Вольфрамом.
- 153 *...стоит // В предгорьи Кавказа.* — Такой страны, конечно, не было. Но название Табронит, несомненно, связано с наименованием горного массива Тавр в Малой Азии.
- 154 *Кардейс* — сын Парцифала.
- 155 *Лозрангрин.* — Этот сын Парцифала стал героем ряда поэтических легенд. Много места уделено ему в поэме Альбрехта «Младший Титурель» (ок. 1270); ему посвящен роман «Рыцарь с лебедем» Конрада Вюрцбургского (вторая половина XIII в.) и поэма конца XIII в.

«Лоэнгрин», где рассказывается, как юноша приходит на помощь Эльзе Брабантской и затем становится ее мужем.

156 *...хвала моим богам!* — Характерно, что у Вольфрама язычник Фейрефиц поклоняется древнеримским богам Юпитеру и Юноне; по-видимому, других (не греческих и не римских) богов наш поэт не знал, как, впрочем, и большинство его современников.

157 *Терпентин* — прозрачный густой сок ряда хвойных деревьев; употреблялся для изготовления канифоли и порошков для курений.

158 *Не может с ним сравниться видом // Авессалом...* — В эпоху средних веков красота библейского героя Авессалома (см. Вт. кн. Царств, XIII и сл.) вошла в пословицу.

159 *Известен, как «монах Иоанн».* — Речь идет о так называемом Пресвитере Иоанне, якобы создавшем на Востоке (в районе современной Монголии) христианское государство. В эту легенду твердо верили в XII и XIII вв., об этом писали летописцы (например, Оттон Фрейзингенский).

160 *Брабанта дивная жена.* — То есть Эльза Брабантская (см. прим. 155).